

ПИОНЕР 3

МАРТ • 1978 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОТРЯД ИДЕТ НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ

«С комсомольским билетом» — так называется заочный пионерский сбор-поиск, объявленный нашим журналом в канун XVIII съезда ВЛКСМ, в год 60-летия ВЛКСМ.

В СБОРЕ-ПОИСКЕ МОГУТ УЧАСТВОВАТЬ ВСЕ ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ И ДРУЖИНЫ СТРАНЫ.

Для этого необходимо:

встретиться с комсомольцами разных лет, с делегатами XVIII съезда ВЛКСМ;

расспросить о работе комсомольцев своего колхоза, соседнего завода, поселка, города, деревни, где ты живешь;

записать рассказы о комсомольской юности своих пап, мам, бабушек и дедушек, вожатых, учителей.

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ С КОМСОМОЛЬСКИМИ БИЛЕТАМИ ПОСЫЛАТЬ В РЕДАКЦИЮ. ЛУЧШИЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ.

Слово участникам нашего сбора-поиска — пионерскому отряду «Солярис» из города Обнинска Калужской области.

Обнинск — молодой город. Ему всего двадцать лет, но это крупный научный центр нашей страны. Здесь в 1954 году была построена первая в мире атомная электростанция. А сейчас здесь ведутся исследования в области физики, мирного использования атомной энергии, биологии, медицины.

«Солярис» — сводный пионерский отряд математиков и историков — сейчас изучает историю Обнинской комсомольской организации Калужской области.

Мы, члены историко-математического юнковского отряда «Солярис», сообщаем тебе, «Пионер»:

Готовясь к предстоящему съезду ВЛКСМ, мы включились в сбор-поиск «С комсомольским билетом», встречаемся с делегатами съезда.

Вот что рассказал нам **Михаил Петрович КОЛОМЕЕВ**, делегат XVIII съезда ВЛКСМ, молодой ученый-физик, кандидат наук, член бюро горкома комсомола. Михаил Петрович — младший научный сотрудник Института экспериментальной метеорологии.

— Мое главное комсомольское поручение — работа с молодыми учеными. Я отвечаю за работу совета молодых ученых и специалистов нашего института. Мы стремимся помочь тем, кто делает первые шаги в науке.

Сейчас готовимся к очередной выставке НТТМ — научно-технического творчества молодых. Лучшие работы будут представлены на городской конкурс.

Однажды на таком конкурсе была отмечена и моя работа. В ней описывался результат воздействия лазера на кристаллический туман и объяснялись физические явления, которые происходят, например, в снежной туче, когда на нее направлен лазерный луч.

Такие эксперименты проводились в нашем институте впервые в мире. Мы работаем с новейшими лазерными установками и камерами, где можно создавать любые погодные условия. Если мы научимся влиять с помощью лазера на скопление облаков, на туман, то даже в пасмурную погоду астрономы смогут продолжать наблюдения, а летчики сажать свои самолеты на аэродром в любую погоду...

Работать приходится много, не всегда сразу

получаем ожидаемый результат. Но ведь так бывает не только в науке, но и в жизни. Когда я работал в студенческом стройотряде, мы прокладывали железную дорогу на севере. Самой трудной работой считалось забивание костылей. Нужно было с двух ударов вогнать костыль в шпалу. Сначала у меня никак не получалось. Но когда я научился вбивать этот большой гвоздь в шпалу с двух ударов, я был очень горд.

Вот почему я хочу сказать ребятам, увлекающимся наукой: **прежде всего закаляйте характер, приучайте себя к кропотливой повседневной работе.**

Готовясь к предстоящему съезду Ленинского комсомола, мы, члены юнкоровского отряда «Солярис», стремимся лучше выполнять свой главный долг — хорошо учиться.

Почти все наши ребята учатся без троек, многие у нас круглые отличники. Успешно выступаем на олимпиадах не только математических, но и физических и химических.

Своими знаниями делимся с другими ребятами на математических вечерах и городских школьных математических конференциях. Выступаем с математическими вечерами в сельских школах.

Готовясь к съезду Ленинского комсомола, стремимся своим трудом помогать школе, городу, участвуем в трудовых десантах, в общегородских субботниках и воскресниках. Проводим отрядные субботники — убираем школу и улицы своего микрорайона.

Готовясь к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване, мы изучаем историю кубинской революции. Провели вечер, посвященный кубинскому революционеру и поэту Хосе Марти, сбор «Куба — страна фестиваля». Читаем журнал «Куба», выступаем с рассказами о Кубе в своих классах.

Провели отрядную линейку, посвященную памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В своих выступлениях ребята говорили о гигантских запасах оружия в мире, о тех, кто разжигает гонку вооружений, о новом бесчеловечном оружии — нейтронной бомбе, о мирной политике Советского Союза.

А как ваш отряд готовится к комсомольскому съезду?
Какими успехами в учебе, труде, общественной жизни, спорте встречаете вы форум комсомольской юности Страны Советов?

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

ВЛАДЫКА

25 апреля в Москве начнет свою работу XVIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Со всех уголков страны — с Байкало-Амурской магистрали и Камского автомобильного гиганта, с берегов Белого моря и жаркого Узбекистана съедутся лучшие из лучших сыны и дочери нашей Родины. Их рабочие крепкие руки возводят атомные электростанции, строят атомоходы, выращивают новые высокоурожайные сорта пшеницы. Комсомол всегда был впереди — и в бою и в труде. На подвиги его вела и ведет партия Ленина. Трудиться сегодня лучше, чем вчера, — вот главный закон жизни тридцатишестимиллионного Союза молодых ленинцев. Все самое прекрасное на земле создается трудом миллионов советских людей. О труде на благо Родины ведет с тобой разговор писатель Михаил АЛЕКСЕЕВ.

Мои юные товарищи!

Сегодня мне хотелось бы поговорить о самом главном, о том, что в конечном счете делает человека Человеком, полезным обществу, сильным, гордым и независимым. Добавлю еще — и всеми уважаемым! Речь пойдет, как вы, вероятно, уже догадались, о труде.

Только ты встал на ноги и начал свое «открытие мира», ты отовсюду слышишь: «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда», «Глаза страшатся, а руки делают», «Поздняя птичка глазки продирает, а ранняя — клювик прочищает», «Терпенье и труд все перетрут».

И руки твои сами собой тянутся то к маленькой лопатке, загодя для тебя приготовленной, то к ведерку, чтобы зачерпнуть из ближней речки водицы и напоить капустные грядки.

Потом ты начинаешь примечать нечто более важное: люди говорят о других с глубоким уважением, если те любят и умеют хорошо трудиться.

О человеке непременно скажут со значительностью — «работящий»! Лентяй и краснобай — что в представлении человека-работника почти одно и то же — наиболее презираемая часть человечества.

Труд, нареченный в революционной песне Владыкой мира, способен бесконечно продлевать жизнь человеческую. Читая книгу или дивясь на дворцы и храмы, пережившие на многие столетия своих творцов, вслушиваясь в мелодию, которая впервые прозвучала столетия назад и продолжает звучать теперь, я всем своим существом прикасаюсь к трепетному и живому дыханию давно минувших эпох и какое-то время сам живу жизнью людей той далекой-предалекой поры.

Пройдут века, и не мы с вами, другие люди будут в благоговейном молчании смотреть на дела рук наших — жить в освоенных нами дивногорских и ангарских краях, украдкой от строгого экскурсовода прикасаться к «Востоку-1», впервые вынесшему в космос человека. Доба-

Рисунок А. БОРИСОВА

вим не без гордости: Советского Человека!.. Далекие наши потомки, листая книги, рожденные нашим временем, пройдут вместе с Левинсоном и Павлом Корчагиным, Семеном Давыдовым и Макаром Нагульновым, а затем и с Василием Теркиным через нечеловеческие испытания, выпавшие на долю людей, которых ленинская партия впервые в истории подняла на то, чтобы они построили свою жизнь на разумных, человеческих началах...

Несколько лет назад познакомился я, а потом и подружился с голубоглазым великаном Василием Дмитриевичем Постниковым, сталеваром с завода «Электросталь».

Как и былинные богатыри, Василий Постников простодушен, улыбчив, добр, не гневается на колкую шутку, пущенную в него кем-нибудь из рабочих, от души радуется веселому или лукавому словцу.

Порою, однако, лицо его делается неожиданно суровым, глаза задумчивыми. В такую-то минуту я и услышал от него:

— Знаете, у меня хорошая семья, жена, дети, добрая квартира в новом доме... Все вроде бы есть, а вот отними у меня мой завод — и я круглый сирота... Нет, нет, не думайте, что рисуюсь. Я бы возненавидел себя за такое... Я только и чувствую себя настоящим человеком, когда при деле... Честное слово!

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, человек известный всей стране, любимец своего завода, он не мыслит своей жизни без любимого дела!

«Человек при деле» — мы произносим эти слова уважительно, понимая, что он, этот человек, вносит свой труд в общую копилку национальных, государственных ценностей. Человек строит дом чаще всего не для себя — для других, пишет книгу, сочиняет музыку — его творения нужны всем. Человек сеет и убирает хлеб, он на великом поприще — он кормит всех работников и творцов на свете...

Дело это величайшей сложности — наращивать из года в год производство зерна: хлебопашец всегда под открытым небом, над «цехом» земледельца не воздвигнешь крыши: материала не хватит!

К концу хлебной страды на газетных полосах — набранные крупным шрифтом заголовки «Осеннее золото». Золото? Хлеб не нуждается в таком сравнении. Он дороже золота любой пробы! Попробуй поживи хоть недельку без хлеба!..

Говорю это, конечно же, не для противопоставления одного работника другому, сталевара, скажем, или золотодобытчика хлеборобу. Просто хочется лишний раз напомнить и себе, и другим, и вам, мои юные друзья, о великом деле скромного и часто малозаметного человека, имя которому сеятель.

Мудрено, не правда ли, по одной зернинке собрать целый миллиард пудов. Но у зернинки, положенной на ладонь, есть хоть и малый, чуть уловимый, но все-таки вес. А положи на ту же ладонь волоконце хлопковой коробочки — не только веса его ты не ощутишь, но едва ли и глазом приметишь. А земледельцы Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Киргизии собирают миллионы тонн (тонн!) хлопка!

Шестьдесят лет назад усилиями ленинской партии перед нами открылась правда жизни, людям все стало по плечу! И свой великий юбилей — шестидесятилетие Октября — встретили советские земледельцы с гордо поднятой головой и с ощущением великого своего назначения на земле. Правда нынешнего века — в их труде.

Владыка мира — труд! Он, только он — герой нашего времени.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

МУШКЕТЕР И ФЕЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ

— Евгений! — сказал отец, нервно похрустывая пальцами. — Я пришел к выводу, что воспитывал тебя неправильно.

Четвероклассник Женька Воробьев сидел с ногами в кресле и укрывался за пухлой, растрепанной книгой. В ответ он слегка приподнял плечо. Это означало вопрос: «Что случилось?»

— Да! — продолжал отец. — Когда ты бывал виноват (а это случалось нередко), я ограничивался беседами. Теперь я понял, что тебя следовало попросту драть.

— Еще не поздно, — подала голос из своей комнаты двоюродная сестра Вера Сергеевна.

Едкую реплику взрослой сестрицы Женька оставил без внимания, а на отца поднял из-за книги левый глаз. С едва заметным любопытством.

— Совершенно верно, еще не поздно, — сурово и взволнованно произнес отец. — И, очевидно, в ближайшее время я этим займусь.

— Как это? — рассеянно поинтересовался сын, снова исчезая за книгой.

— Что значит «как это»? — слегка растерялся отец. — Ты что, не знаешь, как это делается?

Сын пожал плечами.

— Ты же сам сказал, что раньше только беседовал. Откуда мне знать?

— Хм!.. Откуда... Хотя бы из художественной литературы. Ты читаешь дни и ночи напролет. Даже когда разговариваешь с отцом.

— Про такую ерунду я не читаю, — гордо сказал Женька.

— Положи книгу! — тонким голосом потребовал отец. — Или я... немедленно сдержу свое обещание.

Женька отложил пухлый том. Обнял согнутые у подбородка колени.

— Папа, — сказал он снисходительно. — Ничего ты не выполнишь.

— Это почему?

— Ну, во-первых, ты культурный человек... Во-вторых, ты не знаешь, как я бегаю. А тебя ругали на собрании, потому что ты не хочешь сдавать нормы ГТО. Ты сам говорил.

— Не твое дело, за что меня ругали, — уязвленно откликнулся отец. — А бегать за тобой я не собираюсь. Побегаешь и сам вернешься.

— Конечно, — вежливо согласился Женька. — Но к тому времени ты остынешь и поймешь, что я ни в чем не виноват.

Отец скрестил руки и в упор глянул на сына. Потом протянул почти ласково:

— Ах, не виноват...

— А что я сделал?

— Ты?.. Сделал?.. Твое поведение!.. О тебе ходят легенды! У тебя даже прозвище какое-то пиратское — «Джонни»!

— Ну, папа, — мягко сказал сын. — Извини, но ты чудовищно отстал от жизни. Так меня звали еще в детском саду. Все на свете. Даже мама иногда...

— Мама тебя распустила, — печально сообщил отец. — Ты позволяешь себе черт знает что... Как ты сегодня разговаривал с учительницей!

— Как?

— Ты посмел сказать ей: «Не ваше дело!»

Джонни (так мы его и будем называть, потому что под этим именем он известен своим друзьям и недругам) вздохнул.

— Не так, папа. Я сказал: «Извините, но мои волосы — это мое дело».

— Вот-вот! Ты считаешь, что имеешь право так разговаривать с учителями?

— А чего она цепляется к моим волосам?!

— «Цепляется»?

— Ну, придирается. Каждый день.

— Потому что твоя прическа ужасна! Ты, наверно, считаешь, что чем длиннее волосы, тем больше геройства? А на самом деле — сначала космы до плеч, потом сигарета в зубах, потом выпивка в подъезде...

— «Потом кража, потом колония»... — подхватил Джонни. — Это самое Инна Матвеевна и говорила.

— И совершенно справедливо!

— И не очень умно, — грустно сказал Джонни.

— Ну, знаешь ли!.. — взвинтился отец, но вспомнил, видимо, что сын считает его культурным человеком. Подумал и сдержанно попросил:

— Хорошо, тогда объясни, зачем тебе твои растрепанные локоны?

— Пожалуйста, — так же сдержанно откликнулся Джонни. — В каникулы будет Неделя детской книги. В Доме пионеров готовят карнавал книжных героев. Я хочу, чтобы у меня был костюм мушкетера. А кто видел мушкетеров со стриженым затылком?

Отец растерянно поскреб подбородок.

— Д-да? Ну... а почему ты не сказал это Инне Матвеевне?

— Папа... — вздохнул Джонни. — Подумай сам. Что можно объяснить рассерженной женщине?

Это заявление слегка обескуражило Воробьева-старшего. А пока он размышлял, из коридора донесся голос Джонниной мамы:

— Валерий! Иди сюда.

Джоннин папа растерянно глянул на сына и вышел в коридор.

— Валерий! — сказала мама. — Сколько раз я просила не ставить грязную обувь на чистый половик?

— Я не ставил, — мягко ответил папа. — Я только...

— Значит, это я поставила сюда твои ботинки?

— Во-первых, они не грязные, а во-вторых...

— А во-вторых, мне надоело. Я тысячу раз...

Джонни встал и деликатно прикрыл дверь. Он считал неприличным слушать родительские споры. Голоса сделались глуше, и можно было разобрать лишь отдельные фразы:

— Но я же пытаюсь объяснить...

— Мне нужны не объяснения, а чистота...

Потом папа с мамой удалились на кухню...

Через десять минут отец, слегка взволнованный и порозовевший, вернулся в комнату. Кажется, он готов был кое в чем согласиться с сыном. Но сына не было. В опустевшем кресле валялась книга с тремя скрещенными шпагами на облезлом переплете.

Пока родители выясняли вопрос о ботинках, Джонни оделся и ушел на прогулку.

Был ранний вечер — такое время, когда еще не очень темно и лишь кое-где зажигаются огоньки.

Стояла середина марта. Недавно звенели оттепели, а сегодня вернулась зима. Но была она не суровая. Падал щекочущий снежок. Он ложился на подстывшие лужи, на застекленевшие веточки. Джонни медленно шагал вдоль палисадников, ловил языком мохнатые снежинки и мечтал.

Одинокие прогулки Джонни полюбил недавно — с той поры, когда встретил прекрасную незнакомку.

Это случилось в конце февраля. Тоже был вечер, только не такой, а холодный и неуютный. С ветром и колючим снегом. Настроение у Джонни тоже было неуютное и колючее. На последнем уроке он поспорил с Инной Матвеевной, и она в его дневнике написала длинное обращение к родителям. Все это было ужасно несправедливо. Неприятностей Джонни не боялся: родители все равно забывали смотреть его дневник. Но обида грызла Джоннино сердце. Обида требовала выхода. И Джонни сумрачно обрадовался, когда впереди различил фигуру в курточке с меховым воротником и вязаной шапке с белым шариком на макушке.

В такой курточке и шапке ходил Витька Шпаньков по прозвищу «Шпуня».

«Та-ак», — сказал про себя Джонни и переложил боевой портфель из левой руки в правую. Шпуня был одним из младших адъютантов известного Тольки Самохина, с которым Джонни и его друзья не ладили с давних пор. Кроме того, у Джонни со Шпуней были свои отношения. В октябре, когда третьеклассника Воробьева принимали в пионеры, Витька Шпаньков на совете дружины рассказал, будто Джонни с приятелями угнал лодку пенсионера Газетыча. На самом деле лодка была ничья — старая и дырявая. Газетыч хотел завладеть ею, а Джонни с ребятами хотели построить крейсер, чтобы все играли. Джонни так и объяснил. Спокойно и подробно. А потом рассказал, что компания Самохина, где был и Шпуня, еще раньше хотела увести лодку (для себя!), но Газетыч отбил это пиратское нападение, и в том бою Шпуня пострадал: получил по шее прошлогодним стеблем подсолнуха.

Совет веселился. Джонни, конечно, приняли в пионеры, а Шпуня затаил зло. Он был не очень смелый, хотя и старше Джонни. Но он был ехидный и делал всякие гадости. То подкараулит со своими дружками и насыплет колючек за шиворот или набьет в волосы репьев, то расскажет, будто Джонни боится маленьких ручных хомяков (а это почти неправда!). То завяжет тугими узлами штанины новеньких Джонниных джинсов, пока тот мирно бултыхается в пруду... Конечно, Джонни не терпел обид. Он звал друзей и начинал ответные действия. Декабрьская операция «Зеленый слон» была про-

— Вставай,— сказала девочка.— Еще простудишься.

ведена с использованием воздушных шаров, дымовых шашек для окуривания садов и старой аварийной сирены с буксирного катера. Она, эта операция, грозным эхом отозвалась в окрестных улицах и вызвала повышенный интерес даже у директора школы Бориса Ивановича. И когда Джоннин папа говорил про легенды, которые ходят о сыне, он был кое в чем прав...

Но подлый Шпуня все равно не перевоспитывался.

И вот теперь этот Джоннин враг беспечно шагал впереди. Один! Это была удача! Обычно Шпуня ходил с дружками.

Джонни перешел на мягкий кошачий шаг и прикинул расстояние. Если разогнаться, проскользить по накатанной ледяной дорожке тротуара, то в конце ее как раз можно настигнуть противника.

Конечно, нападать с тыла не рыцарское дело. Но, во-первых, Шпуня старше и сильнее, а, во-вторых, сам-то он когда-нибудь нападал почестному?

Джонни стремительно разбежался и понесся по ледяной полоске! Она была длинная — метров десять. Когда он долетел до середины, враг оказался в широком луче света. И Джонни обмер на лету. Дело в том, что Шпуня был гораздо выше. Кроме того, он никогда не носил яркокрасные брючки. И у него не было темных кудряшек.

Одно дело напасть на противника, другое — на невиноватого человека. Да еще на девочку! Джонни очень не любил попадать в глупые положения. Он отчаянно извернулся, проскочил мимо незнакомки и треснулся плечом и подбородком о телеграфный столб. Так треснулся, что тут же и сел на утоптанный снег.

Что должна была сделать нормальная девчонка? Сказать «дурак» и гордо пройти мимо. Или презрительно фыркнуть и тоже пройти. Без оглядки. Эта не прошла. Она ойкнула и подскочила к пострадавшему Джонни.

— Больно стукнулся?

— Вот еще! — сказал Джонни. Снял варежку и потрогал здоровенную ссадину на подбородке.

— Вставай, — сказала девочка. — Еще простудишься. Или ты не можешь встать?

— Вот еще... — сказал Джонни и вскочил.

— Какая царапина! — с уважением сказала девочка, глядя на его подбородок. — Больно? Джонни сердито мотнул головой. В голове загудело.

— Хочешь, зайдем к нам, смажем йодом? — будто знакомому, предложила девочка.

— Вот еще, — пробормотал Джонни, с отчаянием чувствуя, что лишь два эти дурацких слова остались в голове, а остальные куда-то выскочили.

Девочка слегка улыбнулась.

— Ну, смотри, — сказала она.

А он что? Он смотрел! Потому что свет из окна как раз падал на нее. На ее глаза. Такие синие были глаза, просто с ума сойти! Джонни с ума не сошел, но немного все же поглупел. Поэтому стоял и молчал. И думал, что лицо у нее какое-то совсем необыкновенное. Вернее даже не думал, а чувствовал. Вроде бы ничего особенного — кудряшки да вздернутый нос. Да царапина над верхней губой. Но глаза — как синие фонарики. Теплые такие, и веселые огоньки в них...

— Ну, пока... — сказала девочка и пошла.

«Вот еще», — чуть не сказал Джонни, но прикусил язык и закашлялся.

Она уходила, а он стоял, как полено, и ругал себя за глупость. Ну почему не согласился пойти с ней и смазать ссадину?

Познакомились бы. Знал бы, где она живет! Может, еще пришел бы...

Девочка была уже далеко. Джонни вздохнул и пошел следом. Конечно, если бы ему сказали, что он влюбился, он бы дал этому нахалу! Но... что-то же случилось, раз он брел следом за незнакомкой, хотя подбородок болел, а в голове гудело.

Через два квартала девочка свернула в калитку у одноэтажного дома. Перед окнами этого дома стояли заснеженные кусты рябины, и ничего нельзя было различить. Только свет пробивался через ветки — уютный и теплый.

Несколько минут Джонни печально топтался на тротуаре. Потом он услышал музыку.

Джонни и раньше любил музыку. Только не всякую. Ему нравились марши для духового оркестра, а на разные там скрипки и рояли он как-то не обращал внимания. Но эта музыка была особенная. Словно на тонкое стекло осторожно сыпались граненые стеклянные шарики. Они катились, и от них рассыпались искры и радужные зайчики. Потом шарики стали падать реже, музыка сделалась задумчивая, тихая совсем. И Джонни вспомнил, как прошлым летом он поздно вечером встречал на вокзале маму, одинодинешенек. Папа был в командировке, Вера на концерте, а мама вернулась из Москвы и должен же был кто-то ее встретить. И мама тогда так обрадовалась, тихонько засмеялась, и они неторопливо пошли домой, а ночь была светлая и очень теплая... И вот теперь Джонни будто снова шел с мамой, только рядом была еще эта девочка...

Музыка кончилась. Джонни постоял еще. Потом у него замерзли в варежках кончики пальцев, и он побрел домой. У него было тихое настроение. Даже если бы Шпуня встретился, Джонни прошел бы мимо.

...Потом Джонни снова приходил к этому дому. Девочку он не видел, зато музыка была каждый вечер. Все та же. Джонни вставал за большой тополь и слушал. Он уже выучил наизусть знакомую мелодию, но она ему ни капельки не надоела. Джонни слушал и представлял, как девочка сидит у пианино, а пальцы ее ласково трогают белые клавиши. И думал, что когда-нибудь выйдет же она из калитки. И тогда... Что тогда, Джонни не очень знал. Но на всякий случай он каждый день расцарапывал ссадину на подбородке, чтобы подольше не заживала.

Но музыка кончалась, а девочка не выходила. Ссадина в конце концов зажила. Казалось бы, пора забыть случайную встречу. Но мелодия продолжала звучать в душе у Джонни, и он все так же ходил к знакомому дому.

Даже книга «Три мушкетера», которую дал Серега Волошин, не отвлекла Джонни от мыслей о незнакомке. Даже заботы о мушкетерском костюме для праздника — и те не отвлекли.

И сегодня Джонни снова пошел туда, где мягко светились окна и звучали стеклянные клавиши. Он стоял за тополем, и ему казалось, что по звонкой мостовой стеклянными копытами постукивают белые кони. Это едет в карете принцесса с темными кудряшками и синими глазами. Едет-едет... и вдруг из темных переулков выскакивают кардинальские шпионы во главе с Толькой Самохиным и Шпуней. Они хватают лошадей под уздцы, сбрасывают на землю кучера и слуг. Рвут дверцу кареты... Все ясно. Пора! Джонни поправляет отвороты на ботфортах и выходит на середину мостовой. Правой рукой вынимает шпагу, левой достает из-за пояса длинный пистолет.

«Эй, монсеньеры Самоха и Шпуня! Вы умеете воевать только с женщинами?»

А дальше... Дальше все понятно. Жаль только, что это не по правде. Жаль, что она не видит его в мушкетерском костюме...

Шляпу Джонни склеил сам. Из картона. А мама обтянула ее серым блестящим шелком от подкладки старого пальто. Джонни насобирал, где только мог, разных перьев, навязал их на изогнутую проволоку, и получился пышный хвост для шляпы, который называется «плюмаж».

К дырявым маминым сапожкам на каблуках Джонни пришил зубчатые отвороты из клеенки. Все остальное помогли ему сделать друзья.

Тот, кто читал о прежних приключениях Джонни Воробьева, знает, что у него четыре самых верных друга: Серега Волошин, Вика и братья Дорины. Братья-близнецы Стасик и Борька теперь учились уже в седьмом классе, а Вика и Сергей в восьмом, но никто из них не смотрел на третьеклассника Джонни как на маленького. Это был их боевой товарищ, испытанный во многих славных делах. Он не раз выручал их. А они выручали его.

Стасик и Борька сделали для Джонни жестяные звонкие шпоры-звездочки и вырезали из дюралевой полоски тонкий мушкетерский клинок. Дюралюминий — это, конечно, не сталь, но шпага блестела и звякала вполне по-боевому. А ручка у нее была из твердой березы, с узорами и латунным щитком, чтобы закрывать руку.

Джонни показалось, что по звонкой мостовой стеклянными копытами постукивают белые кони.

Сергей отдал для этой шпаги широченный желтый ремень с узорной пряжкой (раньше Волошин подпоясывал им свои модные штаны).

Потом пришла на помощь Вика. Она знала толк в костюмах. Она занималась в кружке, где учат рисовать, и хотела стать художницей, но не такой, которые пишут картины и делают рисунки для книжек, а специальной: чтобы придумывать всякие новые одежды.

— А может быть, я буду заниматься рисунками для тканей, — мечтательно сказала Вика. — Представляешь, Джонни, идешь ты в ярко-желтой рубашке, а на ней — черные старинные аэропланы. Здорово, да?

Джонни согласился, что это очень здорово, но попросил Вику не отвлекаться и поскорее заняться его плащом. Вика послушалась. Она соорудила чудесную плащ-накидку из голубого сатина, с золотистой каймой и разноцветными мушкетерскими крестами, которые были нашиты на спине, на груди и на рукавах-крыльях.

Счастливый Джонни сказал Вике, что она обязательно будет лауреатом самой главной художественной премии, унес обновку домой и перед большим зеркалом надел полное обмундирование.

Все было прекрасно! Замечательно... Почти все. Только вот красные штаны от спортивного костюма выглядели слишком современно. Джонни кончиком шпаги почесал затылок, поразмыслил и вспомнил, что у мамы на старом халате есть блестящие большие пуговицы. Переливчатые, как алмазы! Если их пришить по бокам к штанинам, будет самый старинный вид!

Мама для порядка сказала, что Джонни со своим костюмом разорит весь ее гардероб, но пуговицы отдала.

Джонни устроился в кресле и взялся за дело. Он сидел, работал и никого не трогал. И вообще это был хороший вечер. Мама у настольной лампы читала фантастический роман в журнале «Вокруг света», папа смотрел учебную передачу по высшей математике, Джонни по одной пуговице отпарывал от халата и пришивал к штанам.

И тут принесло сестрицу Веру Сергеевну.

Она увидела, чем занимается Джонни, и громко удивилась. Она заявила, что ради своих глупых выдумок он портит хорошую вещь. Халат еще совсем новый! Кроме того, таких прекрасных пуговиц не отыщешь в магазинах!

— Да ладно уж...— сказала мама, чтобы ей не мешали читать.

А папа сел ближе к телевизору.

Джонни промолчал. Он вдевал нитку в иголку.

— Знаете, что меня всегда поражало в этом человеке? — произнесла сестрица Вера.— Его умение презрительно молчать! Он еще в детском саду изводил этим всех воспитателей!

Это была неправда: не всех, а только Веру Сергеевну, которая была воспитательницей его группы.

— Ты сама изводилась,— сдержанно заметил Джонни.— Сама привяжешься, а потом психуешь.

— Евгений...— сказала мама из-за журнала.

А папа сел вплотную к экрану.

— Ну вот,— откликнулся Джонни.— Молчишь — плохо. Скажешь — опять плохо.

— Смотря что скажешь,— язвительно проговорила Вера Сергеевна.— Если такие слова, как своей учительнице, то любой человек не выдержит.

— А что случилось? — встревожилась мама. И отложила журнал.

Джонни задумчиво спросил:

— Папа, правда, что в старые времена доносчикам отрубали язык на площади?

Папа рассеянно заметил, что, кажется, правда, вынул из тумбочки наушники и подключил к телевизору.

— Что он опять натворил? — поинтересовалась мама у Веры и неприятно посмотрела на Джонни.

— Я не доносчица,— гордо сообщила Вера.— Но сегодня я встретила Инну Матвеевну, и та чуть не плачет. Ваш любимый сын заявил ей, что ему не нравится прическа Инны Матвеевны!

— Это правда? — нехорошим голосом произнесла мама.

Это опять была неправда. Инна Матвеевна снова сказала Джонни, что ее выводят из себя его космы. А Джонни ответил, что ему тоже, может быть, не по вкусу чьи-то крашеные волосы, но он к этому человеку не пристает.

Джонни сейчас так и объяснил маме. А она почему-то охнула и взялась за сердце.

— Чьи же волосы ты имел в виду? — почти ласково спросила Вера.

— Наташки Ткачевой. В детском саду она была белобрысая, а сейчас какая-то рыжая.

— Но смотрел ты не на Ткачеву, а на Инну Матвеевну!

— На кого же мне смотреть, если я говорю с учительницей? — невинно откликнулся Джонни.

— Ты плохой человек,— жалобно сказала мама.— За что ты так не любишь Инну Матвеевну?

— Я? Это она меня не любит!

Вера опять вмешалась и заявила, что Инна Матвеевна прекрасный педагог и очень любит детей.

— Детей, может быть...— заметил Джонни.

— Она всю жизнь мечтала быть учительницей! Я ее хорошо знаю. Мы учились на одном курсе.

— Тогда все ясно,— сказал Джонни.

— Что? — обиделась Вера Сергеевна.— Что тебе ясно?

— Да так...— уклонился Джонни.— Просто я не знал, что вы вместе учились. Она выглядит гораздо моложе тебя.

Мама перестала держаться за сердце, дотянулась и хлопнула Джонни по заросшему загривку.

Это было ни капельки не больно. Однако Джонни встал, отложил шитье, и, прямой и гордый, удалился в коридор. Нельзя сказать, что его душили слезы, но обида все же царапалась. «Опять несправедливость»,— подумал Джонни. Оделся, вышел на улицу и зашагал знакомой дорогой. Он знал, что тихая музыка и мечты о прекрасной незнакомке успокоят его.

Кроме того, у Джонни появилось предчувствие, что сегодня что-то случится.

В этот вечер музыка звучала очень долго. И не только знакомая. Была и разная другая, тоже очень хорошая. Потом стало тихо, и Джон-

ни одиноко стоял у тополя и смотрел, как под фонарем кружатся бабочки-снежинки. Он долго стоял. И ждал. А потом подумал, что ждать нечего, потому что у него совсем окоченели руки и ноги.

И тогда звякнула калитка.

Сердце у Джонни тоже звякнуло, а внутри стало так, словно он проглотил несколько холодных стеклянных шариков.

Но зря Джонни вздрогнул: из калитки вышла не девочка, а большой толстый мальчишка. Наверно, семиклассник.

Сначала Джонни очень огорчился. Если говорить честно, у него даже в глазах защипало. Но он быстренько с этим справился и подумал, что надо наконец что-то делать. Иначе сколько еще вечеров придется торчать под тополем?

Джонни мысленно подтянул воображаемые мушкетерские ботфорты и вышел на свет фонаря.

— Эй ты! — решительно сказал он мальчишке. — Ну-ка, иди сюда!

Толстый незнакомец изумленно оглянулся, заметил Джонни, как слон замечает букашку в траве, пожал плечами и подошел.

Джонни все же оробел, но не подал вида.

— Слушай, — сказал он. — Вот что... Тут одна девчонка есть... В шапке с белым шариком. В этом доме живет... Ее как звать?

Круглое лицо мальчишки было внимательным.

— А тебе зачем?

— Надо, значит, — хмуро откликнулся Джонни. — Дело есть.

Мальчишка вдруг улыбнулся и сделался очень добродушным. Но Джонни было не до него. Он нетерпеливо ждал.

— Ее зовут Катя, — сказал толстый мальчик. — Только она здесь не живет.

— Как это? — оторопел Джонни. — Она же заходила! Я видел.

— Она к нам приходила. Это моя двоюродная сестра.

— Врешь ты! А кто играет?

— Я играю. Родители заставляют. Мучение одно...

Снежная сказка с хрустальными огоньками рассыпалась и погасла. Джонни сделалось холодно и очень одиноко. Он представил толстого музыканта за роялем и глянул на него с ненавистью. А тот смотрел на Джонни с пониманием и сочувствием. И сказал:

— Все ясно. Еще один влюбленный...

В голове у Джонни взорвалась горячая граната.

— Ух ты бегемот! — заорал он и замахнулся.

А что еще оставалось делать?

Конечно, это было похоже на то, как будто кузнечик нападает на крепостную башню. «Башня» перехватила могучей ладонью Джоннин кулак и удивилась:

— Ты чего? Да ладно тебе... В нее многие влюбляются, даже шестиклассники.

Джонни сник.

— Пусти, — шепотом попросил он.

Но мальчишка не отпустил.

— Ну-ка, пойдем, — сказал мальчишка со вздохом.

— Куда?

— Погреешься. Торчишь тут без рукавиц... Окоченел...

Джонни молча уперся. Но мальчишка ухватил его за плечи.

— Пошли, не бойся. У меня дома никого нет...

И Джонни пошел. Не потому, что подчинился нажиму. Просто у него оставалась еще смутная надежда...

Мальчишка сказал, что его зовут Тимофеем. Он привел Джонни в дом, вытряхнул из пальто и ботинок, усадил у большой печки. Печка была старинная, выложенная белыми блестящими плитками с разными цветами и узорами. Джонни таких и не видел раньше. Потом Тимофей принес фаянсовую кружку с какао. Кружка была словно родственница печки — такая же белая, блестящая, громадная и очень, очень теплая.

Джонни глотал горячее какао и поглядывал по сторонам. В комнате было черное пианино, фотоувеличитель посреди стола и полки с книгами до самого потолка. Джонни тут же отметил это, хотя главные его мысли были о девочке.

Тимофей эти мысли словно услышал. Сел напротив Джонни, подпер толстые щеки кулаками (словно добрая бабушка) и сказал:

— Ты не расстраивайся. В нее, конечно, многие влюбляются, да только она внимания не обращает.

Джонни стремительно покраснел и спрятал лицо за кружкой. Оттуда, из-за кружки, он спросил (голос получился хриплый и гулкий):

— А где она живет?

— На Песчаной, в больших домах.

Новые дома на Песчаной улице — это целый микрорайон. Двенадцатиэтажные корпуса, словно айсберги, нависли над деревянным городком, над его разноцветными крышами, скворечниками и тополями. Джонни в новых домах бывал множество раз. Во-первых, там жила половина ребят из его класса; во-вторых, он любил кататься на лифтах; в-третьих, там был детский стадион. В общем, Джонни прекрасно знал эти кварталы. И понимал, что найти там нужного человека не легче, чем получить книгу «Граф Монте-Кристо» в городской детской библиотеке.

Но спросить точный адрес Джонни не решился.

— А я тебя давно заметил, — сказал Тимофей. — Только сразу не догадался, зачем ты там дежуришь под окнами.

— Я музыку слушал, — хмуро объяснил Джонни.

Тимофей смутился:

— Правда? А учительница говорит, что мне медведь на ухо наступил.

— Да нет, ты ничего играешь, — утешил он Тимофея. Потом опять спрятался за кружкой, снова покраснел и спросил: — А эта... Катя... Тоже умеет играть?

— Умеет, — ворчливо сказал Тимофей. — Даже на концерте выступала... Подожди.

Он дотянулся до стола, приподнял увеличитель и вытащил из-под него несколько фотографий. Снимки были большие и, как сказал бы про них Джоннин папа, «вполне профессиональные».

— Сам снимал, — со скромной гордостью объяснил Тимофей.

— Здорово! — сказал Джонни.

Но не потому, что фотографии были сделаны хорошо, а потому, что девчонка, которую звали Катя, была на них очень красивая. Еще красивее, чем тогда на улице. Она сидела за роялем, в светлом платье, с большими бантами на кудряшках, и отражалась в поднятой крышке, как белый букет. Она, видно, играла что-то быстрое и веселое, потому что улыбалась и одна рука у нее расплылась в воздухе от стремительного взмаха...

На другом снимке Катя стояла на сцене с каким-то мальчишкой, и они, кажется, пели. Мальчишка был маленький, в пестром костюмчике с бантиком у воротника — дошкольник или первоклассник. Он не вызвал тревоги у Джонни.

На третьем снимке Катя сидела на диване с незнакомой тетенькой — это было не очень интересно.

Четвертое фото было удивительное. Катя стояла в пышном платьице с оборками, а вместо темных кудрей у нее были светлые локоны.

— Красивая... фотография, — со вздохом сказал Джонни. — А чего она... волосы у нее такие?

— Это голубые волосы. Парик, — объяснил Тимофей. — Мальвину изображает из «Золотого ключика».

— В театре? — удивился Джонни.

— Да нет, это костюм для карнавала. В Доме пионеров скоро будет...

Сами понимаете, что почувствовал Джонни! Он чуть не засиял от такого известия. Потому что был уверен: на празднике все обратят внимание на блестящего мушкетера. И Катя, конечно, тоже. А если Джонни получит какой-нибудь приз — тем более!

Чтобы не засиять открыто, Джонни еще внимательнее принялся разглядывать фотографию. И Тимофей вдруг сказал:

— Ладно уж, бери... Да не бойся, никому не скажу.

Глупо было отказываться. Все равно Тимофей видел Джонни насквозь. К тому же он был хороший парень.

Джонни честно посмотрел на нового друга и мужественно сказал:

— Спасибо.

Потом он стал заталкивать снимок за пазуху, но Тимофей остановил его и дал конверт от фотобумаги.

Когда Джонни одевался, Тимофей предложил.

— Заходи. Может, и она придет. Познакомлю.

— Зайду как-нибудь, — пообещал Джонни. — А знакомить не надо. Я сам.

Прежняя музыка звучала в его душе, и, прощаясь, он искренне сказал Тимофею:

— А на пианино ты здорово играешь.

Когда Джонни вернулся домой, мама пришивала к его мушкетерским штанам последнюю пуговицу. Кажется, она чувствовала себя немного виноватой. И все же она сказала:

— Зря ты обидел Веру.

— Я?

— Конечно. Ты намекнул ей на возраст. Иными словами, ты назвал ее старухой.

У Джонни было радостное и мирное настроение. Он хотел, чтобы всем было хорошо. Он просунул голову в комнату двоюродной сестры и сказал:

— Вера, извини меня, пожалуйста. Я не хотел назвать тебя старухой.

И улыбнулся.

Джонни умел улыбаться. Когда он это делал, глаза его становились как маленькие золотистые полумесяцы, на щеках появлялись ямочки, а еще не выпавшие молочные зубы сияли словно на картинке с коробки от зубного порошка. Сразу было видно, что это милый, воспитанный, послушный и добрый ребенок. И если озорной, то самую-самую капельку. Взрослые говорили: «Обаятельнейшая улыбка». Но чаще всего это были взрослые, которые не очень хорошо знали Джонни. А Вера Сергеевна знала его хорошо. И цену его улыбке знала еще с детского сада. За этой улыбкой могло скрываться что угодно. Джонни мог улыбаться от души, но мог и обдумывать в это время планы черной мести. Именно с такой улыбкой он в декабре отдал приказ поставить вокруг Самохинского штаба зеленую дымовую завесу и двинул на штурм отряд первоклассников-добровольцев, вооруженных особыми метательными снарядами. Начинка этих снарядов была глубочайшей военной тайной, которую Джонни не открыл даже директору школы. Он только дал обещание больше не применять это оружие в уличных боях, чтобы не подвергать опасности мирное население.

Забрасывать снаряд в комнату своей бывшей воспитательницы Джонни не собирался, и улыбка его была сейчас почти искренней. Но Вера сказала:

— Брысь отсюда!

И закрыла дверь.

— Вот так, — сказал Джонни маме. — А ты говоришь...

Потом он забрался в свое кресло и взял книгу. Но читать не стал. Он стал думать о близком празднике. Он и раньше об этом думал, но как-то приблизительно, а сейчас начал подробно... И тут в мечтах его случилась заминка.

Наденет он свой героический костюм и, до-

пустим, понравится девочке Кате. А дальше? Не побежит ведь она за ним следом, не станет звать: «Давай познакомимся!» А сам он что может сделать? Ей не скажешь, как Тимофею: «Эй ты, иди сюда!»

Настроение у Джонни испортилось. Не так сильно, как раньше, но заметно. Ничего дельного он придумать не смог. Потом Джонни захотел спать и решил, что придумает утром.

Утро было хорошее. Снова началась весна, и посреди двора отливала синевой прекрасная, как океан, лужа. В ней отражались желтые животы пушистых облаков. В тополе за окном, как детсадовская группа на прогулке, галдели воробьи.

В такое утро мысли скачут веселее и быстрее,

Когда человек что-то твердо решил, у него спокойно и радостно на душе. Джонни сказал Вере «доброе утро». Потом без напоминания вынес мусорное ведро. За завтраком он не шипел и не свистел сквозь дырку от выпавшего зуба. Он сделал в этот день почти все уроки и не забыл взять в школу сменную обувь. Все было хорошо.

И только у самой школы, когда Джонни увидел ребят, он встревожился и приуныл.

Как он не сообразил? Все его друзья знают про мушкетерский костюм! Что они подумают, когда он явится в Дом пионеров в наряде Буратино? Люди же понимают, что нормальный человек так просто не поменяет шпагу на длинный нос, а блестящий плащ и ботфорты на легкомысленный костюмчик деревянной куклы. Они будут искать причину. И когда рядом с ним ока-

Тимофей вытащил из-под увеличителя несколько фотографий. На них была изображена Катя.

чем поздним вечером. Заскакали они и у Джонни. И после недолгого беспорядочного прыганья выстроились четко и разумно.

Джонни вспомнил, как проходил Праздник детской книги в прошлом году. Тогда героев одной сказки или повести вместе вызывали на середину зала, и они должны были сыграть какую-нибудь сценку. Наверно, и в этот раз будет так же. Катя — в костюме Мальвины из «Золотого ключика». Значит, выход один: Джонни должен быть в костюме Буратино.

Конечно, очень жаль расставаться с мушкетерским плащом и шпагой. Но что делать?

Чтобы набраться твердости, Джонни из тайного ящика вынул Катину фотографию и полминуты смотрел на нее. После этого он принял бесповоротное решение. Тем более что книжкин карнавал не последний. В наряде д'Артаньяна можно потом сходить на новогодний маскарад...

жется девочка с голубыми волосами, друзья эту причину увидят. Ну, друзья — это ничего. Но догадаются и недруги!

Джонни представил ухмыляющуюся рожу Шпуни, и все кругом помрачнело...

Если у человека такое состояние, его лучше не трогать. Но Инна Матвеевна про Джоннино состояние не знала. Она знала только, что прическа ученика Воробьева — это нарушение школьных правил. И раз он не хочет стричься, значит, ведет себя вызывающе. Поэтому прямо с порога она громко сказала:

— Воробьев! Ты опять явился нестриженый?

Джонни молча снес оскорбление. Он думал о своем.

— Я, по-моему, с тобой разговариваю, Воробьев!

— Со мной, — согласился Джонни.

— Почему ты не отвечаешь? Думаешь ты стричься?

— Думаю.

— Когда?

— После каникул.

— Меня не устраивает «после каникул»!

— Но это мои волосы. Меня устраивает, — вежливо сказал Джонни.

Класс с веселым интересом слушал разговор. Класс сочувствовал Джонни. Инна Матвеевна это понимала.

— Воробьев! — металлическим голосом произнесла Инна Матвеевна. — Если ты немедленно не отправишься стричься, я сама отведу тебя в парикмахерскую и попрошу постричь под машинку!

Инна Матвеевна любила повторять, что у нее большое терпение, но однажды оно может лопнуть. Видимо, сейчас оно лопнуло. Или по крайней мере затрещало по швам. Но никто никогда не интересовался, есть ли терпение у третьеклассника Воробьева. А Джонни почувствовал, что у него внутри тоже что-то лопнуло. И он приготовился сказать многое. Однако в тот же миг у него сверкнула блистательная мысль — как от крепкого удара по лбу!

Джонни улыбнулся.

— Зачем же? — сказал он. — Зачем вам так трудиться?

И он вышел из притихшего класса.

...Вернулся Джонни в конце урока. Класс дружно и горько ахнул. Голова у Воробьева стала похожа на яблоко с ушами. На ней блестела коротенькая золотистая щетинка.

— Можно мне сесть на место? — кротко спросил Джонни.

Класс опять ахнул, и все посмотрели на Инну Матвеевну — тридцать три ученика, шестьдесят шесть глаз. И в каждом глазу был горький упрек.

Инна Матвеевна опустилась на стул.

— Женя... Зачем ты это сделал?

Джонни взмахнул ресницами и поднял удивленные глаза.

— Вы же сами сказали...

— Но я же только просила: постригись покороче и поаккуратнее.

— Вы сказали — под машинку, — беспощадно уточнил Джонни.

В классе нарастал шум.

— Джонни, а как теперь твой мушкетер? — громко спросили с задней парты.

Джонни горько пожал плечами.

— У него костюм мушкетерский! — раздались голоса. — Для праздника! Как он будет? Безволосых мушкетеров не бывает!

У Инны Матвеевны глаза стали круглые и блестящие.

— Женя! Почему же ты не объяснил?

— Я пробовал один раз. Вы сказали: «Садись, ничего не хочу слушать».

— Он хотел объяснить! — подтвердил класс.

Инна Матвеевна поставила на стол локти, подперла щеки ладонями и стала скорбно смотреть куда-то в пустоту. Класс притих.

— Женя, — сказала Инна Матвеевна. — Я виновата. Я не знала... Хочешь, я принесу тебе свой парик? У него прекрасные локоны. Вполне мушкетерские...

Джонни шевельнул плечом и улыбнулся, как человек, которому вместо потерянного счастья предлагают петушка на палочке.

— И все-таки я принесу, — жалобно сказала Инна Матвеевна.

В это время грянул звонок.

К Джонни подходили сочувствующие. Многие знали про мушкетерский костюм и спрашивали, что теперь будет. Джонни хмуро отвечал:

— Какой уж тут костюм...

Вторым уроком была физкультура, третьим пение, и класс занимался не с Инной Матвеевной, а с физруком и учительницей музыки. Инна Матвеевна пришла только на четвертый урок — пение. До самого звонка она не смотрела на Джонни, а после занятий у раздевалки подошла к нему.

— Знаешь, — сказала она, — я ходила домой... и такое несчастье. Оказывается, мой парик безвозвратно погиб.

Джонни холодно промолчал: судьба парика его не волновала.

— Я понимаю, — печально произнесла Инна Матвеевна. — Ты имеешь право на меня обижаться. Но... не будешь же ты это делать все время, а, Женя? Когда перестанешь сердиться, подойди ко мне и скажи. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Джонни. Таким голосом сказал, что Инне Матвеевне стало ясно: это случится не скоро.

Джонни зашел в столярную мастерскую, где семиклассники лихорадочно достраивали скворечники. Он набрал полный портфель стружек — длинных и золотистых. Ведь именно такие стружки были у Буратино вместо волос.

Дома Джонни молча вынес мамины горькие вздохи и упреки. Не ответил на ехидные замечания сестрицы Веры Сергеевны. Он был согласен с отцом, что волосы — не голова, скоро отрастут.

Утром, когда все ушли на работу, Джонни разыскал старую лыжную шапочку — белую с красными полосками. Он отогнул у нее отвороты, и получился длинный вязаный колпак. Изнутри, к его краям Джонни прилепил резиновым клеем кудри из стружек. Потом свернул из плотной бумаги длинный острый нос и приклеил его к собственному носу жевательной резинкой. Глянул в зеркало.

Глянул — и увидел симпатичного веселого Буратино. Почти такого же, как в двухсерийной картине, которую недавно показывали по телевизору. Нос торчал по-боевому (правда, немного мешал смотреть, но к этому можно при-

выкнуть). Стружечный хохолок надо лбом завивался задорно. В общем, начало было прекрасное. Нужно было теперь подумать об одежде. Ну, да это не мушкетерский костюм. Кто смотрел кино про Буратино, знает, что его наряд был почти такой же, как у обычных мальчишек.

Джонни разыскал голубую с белыми полосками рубашку и оранжевые шорты. Он их раньше почти не носил, потому что не любил за крикливый цвет, но теперь яркие краски были в самый раз.

А на ноги, чтобы смешнее было, Джонни надел большие отцовские носки — зеленые с желтыми клетками.

И здесь Джонни опять задумался. Что делать с обувью? Кеды или сандалии для деревянного Буратино не годились. Как там было в кино, Джонни совершенно не помнил, но из книжки знал, что у тонких, как лучинки, Буратиньих ног были большие остроконечные ступни. Они громко стучали по каменному тротуару, когда Буратино сбежал из каморки папы Карло.

Джонни подумал, что нужны деревянные башмаки... и вспомнил! У Вики есть такие!

Викины родители каждый год ездили туристами за границу и привозили всякие сувениры. Из Голландии они привезли большущие деревянные туфли с загнутыми носами. Раньше местные жители ходили в таких туфлях у себя по Голландии, а сейчас продают их на память туристам.

Один башмак — Джонни это помнил точно — стоит на тумбочке у зеркала, и Вика хранит в нем разные шпильки, пуговицы и катушки с нитками. Наверно, и второй найдется!

Джонни-Буратино прыгнул в мамины резиновые сапоги и помчался к Вике: через двор, через лужу, в которой лежали цепочкой половинки кирпичей. По этим же кирпичам в луже, вниз головой, проскакал другой Буратино. Джонни подмигнул ему и показал язык.

Вика открыла дверь, молча втащила Джонни в коридор и лишь тогда сиплым голосом отругала за то, что он бегает по холоду раздетый.

— Схватишь ангину, будешь, как я, дома торчать.

Горло у нее было перевязано.

Джонни сказал, что он не дурак хватать ангину в последний день перед каникулами. И только после этого Вика поинтересовалась, что означает его странный наряд.

— Не видишь, что ли? Буратино.

— Вижу, что не баба-яга. А зачем?

— Для карнавала, зачем еще... Ты мне дашь ваши деревянные башмаки?

— А мушкетер?

Джонни снял колпак.

— С такой прической?

Вика не удивилась. Про Джоннину стрижку она уже знала.

— А зачем ты себя обкорнал? Такой был симпатичный ребенок...

— Сама ребенок! А что было делать? Все придираются — и в школе и дома! Надоело!

Вика была проницательным человеком. К тому же она хорошо знала Джонни. Она сказала:

— Расскажите это вашей бабушке после двенадцати часов ночи.

— Да правда же...

— Не морочь голову. Зачем тебе костюм Буратино? Не скажешь — не дам башмаки. Зря я, что ли, мушкетерский плащ шила?

Вика была упряма, Джонни это знал. Он слегка покраснел и дерзко сказал, что могут же быть у человека личные причины.

Вика внимательно посмотрела на него, подумала и согласилась, что могут. Больше она не расспрашивала, вытряхнула швейную мелочь из деревянного башмака, и они с Джонни стали искать второй. Нашелся он почему-то в духовке газовой плиты.

Снаружи башмаки были большущие, а внутри не очень просторные. Вика натолкала в них старых газет, и обувь стала совсем впору Джонни. Он с удовольствием потопал по половицам и завертелся перед зеркалом.

— Теперь все в порядке. Ага?

Вика смотрела на него прищуренным взглядом художницы.

— Не совсем «ага». Рубашка слишком обыкновенная. Не интересно смотреть.

— Что же делать? — огорчился Джонни. — Они у меня все обыкновенные.

— Ладно уж... — сказала Вика.

И принесла большой пестрый фартук. Викина мама купила его где-то в Италии Викиному папе: чтобы папа чаще занимался домашним хозяйством. Но он все равно не занимался, и фартук лежал без дела. А выглядел фартук великолепно! На материи были отпечатаны разноцветные рекламные наклейки, игральные карты и даже бутылочные этикетки знаменитых итальянских вин. На многих наклейках был нарисован длинноносый человечек в колпачке. Вика объяснила, что это не Буратино, а Пиноккио из итальянской книжки.

— Не читал? — спросила она.

— Не читал... А в этой итальянской книжке есть девчонка с голубыми волосами? — спросил Джонни и чуть опять не покраснел.

— Есть. Но она не всегда девчонка. Она все время превращается... В общем, она фея.

«Фея даже лучше», — подумал Джонни, и сердце у него сладко заныло. И чтобы Вика не догадалась, он опять начал разглядывать фартук.

— Ты из этой штуки мне рубашку сошьешь? — восхищенно спросил он.

— Все равно делать нечего, дома сижу, — хрипло сказала Вика.

— Карнавал завтра, — деликатно напомнил Джонни.

— Ладно, вечером заходи.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«Мы верная смена твоя, КОМСОМОЛ!»

ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ!

Вместе со своим звеном, отрядом, дружиной, вместе со всей пионерской организацией страны ты вступил в новый этап Всесоюзного пионерского марша. Он посвящается героическому Ленинскому комсомолу и называется «МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!».

В ТВОИХ ПИОНЕРСКИХ ЗАКОНАХ записано: «ПИОНЕР ГОТОВИТСЯ СТАТЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ». Новый этап марша поможет тебе понять и осмыслить героический путь Ленинского комсомола, узнать, прочувствовать, как молодое поколение нашей страны сегодня воплощает в жизнь заветы великого Ленина. Новый этап марша поможет тебе самому активно включиться в решение задач, которые комсомол ставит перед пионерской организацией.

Вся история комсомола неотделима от истории нашей социалистической Родины, ее завоеваний. Под руководством Коммунистической партии комсомол прошел славный путь БОРЬБЫ И ТРУДА. Стремись прийти к 60-летию ВЛКСМ с такими успехами, чтобы комсомол мог сказать: «ДА, ТЫ РАСТЕШЬ ДОСТОЙНОЙ СМЕНОЙ!»

ПИОНЕР!

Во всех своих делах равняйся на комсомол, готовься к XVIII съезду ВЛКСМ упорно, настойчиво, целеустремленно, как готовится к нему твой старший друг, твой вожатый — комсомол, учись у молодых гвардейцев пятилетки, упорных, творческих, ищущих, настойчиво брать высоты знаний, труда, спорта.

СОВЕТЫ ДРУЖИН, ОТРЯДОВ!

Вы организаторы всех дел на марше, на каждом его маршруте, в каждой пионерской операции.

ПОМНИТЕ: особое значение на новом этапе марша «Мы верная смена твоя, комсомол!» приобретает вся работа, направленная на воспитание в каждом юном ленинце стремления достойно встать в ряды ВЛКСМ, словом и делом доказывать изо дня в день свою верность торжественному обещанию, пионерским законам. Изучение и глубокое осмысление каждым пионером героического пути Ленинского комсомола, его многогранной деятельности, выполнение заданий комсомола — все это поможет вам стать активными, принципиальными, организованными, инициативными.

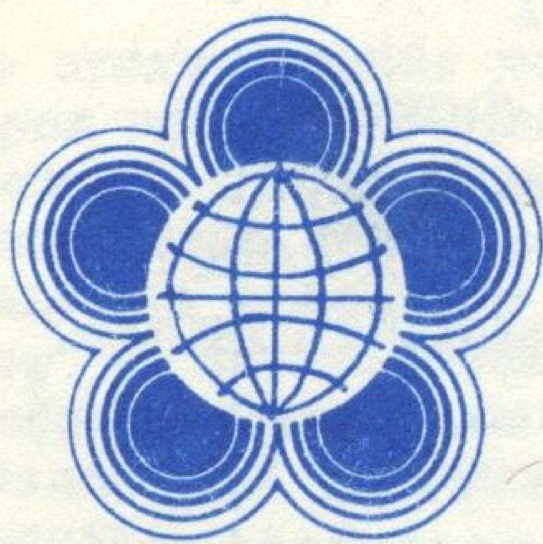
В ваших планах должны найти отражение центральные события в жизни комсомола в 1978 году.

25—29 апреля состоится XVIII СЪЕЗД ВЛКСМ.

Подготовка к съезду — это встречи с ветеранами комсомола, молодыми гвардейцами пятилеток. Это дружба с комсомольско-молодежными бригадами шефствующих предприятий, совместное проведение субботников, воскресников. Это всесторонний и глубокий анализ того, как пионер выполняет наказ делегатов XVII съезда ВЛКСМ. Подготовка к рапорту XVIII съезду начинается в звене, где на сборе идет откровенный разговор о том, как каждый пионер выполняет комсомольский наказ. Из отчетов каждого пионера складывается рапорт звена. Он станет составной частью рапорта отряда. В день открытия XVIII съезда ВЛКСМ в пионерских дружинах должны пройти сборы с участием комсомольцев, ветеранов партии и комсомола. На сборах совет дружины вручает рапорт коммунистам и комсомольцам. К этому дню, к этому сбору подготовьте стенды и выставки, уголки «XVIII съезду рапортуем», «Ленинскому комсомолу посвящается».

29 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, СОСТОИТСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ СБОР «МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!» Сбор еще раз покажет сплоченность пионерской организации вокруг своего вожатого — комсомола, готовность продолжать славные традиции старших поколений и стремление юных ленинцев встать в ряды ВЛКСМ. На этом сборе, где чествуют ветеранов партии, комсомола, гордые слова «МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!» прозвучат уже не только призывом к действию, как сейчас, но и рапортом. Рапортом Ленинскому комсомолу.

Мирта АГИРРЕ

ОСТРОВ СВОБОДЫ

Рисунки А. БОРИСОВА

РОДИНА

Республика Куба занимает множество островов — целый архипелаг в Карибском море. Более четырех веков Куба находилась под испанским владычеством, потом в стране долгие годы хозяйничали империалисты США.

1 января 1959 года патриотические силы Кубы под руководством Фиделя Кастро свергли режим тирана Батисты, ставленника американских империалистов.

Кубинская революция победила. На берегах Карибского моря появилось новое социалистическое государство.

В зеленом просторе
Карибского моря
Купается архипелаг.

Уже не испанский,
Не американский,
Его хозяева — милисианос,
Над Кубой — свободы флаг!

ОТ ЯНВАРЯ ДО ЯНВАРЯ

В карибский простор
корабль идет.
Корабль ведет
команданте, майор.
Отважный кормчий — у руля,
вперед его направлен взор
от января до января.

Фидель — рулевой,
с ним народ храбрецов,
разбил он врагов
и выиграл бой.
Свое грядущее творя,
на смерть за Родину готов!
От января до января...

26 ИЮЛЯ

26 июля 1953 года группа патриотов во главе с Фиделем Кастро штурмовала казармы Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. Эта дата считается началом кубинской революции, победившей спустя пять с половиной лет.

Двадцать шестое июля —
Гордость земли моей.
Двадцать шестого июля
Заря занялась над ней.

Сантьяго. Казармы Монкада.
Вперед,
Если ты патриот!
Призывный голос набата.
Штурм, разбудивший народ.
Открылась великая цель.
Шесть лет к этой цели идти.
Сполна оправдает Фидель
Доверье Хосе Марти.

Двадцать шестое июля —
Гордость земли моей.
Двадцать шестого июля
Заря занялась над ней.

ФИДЕЛЬ

I

Профиль на фоне неба,
Чистого синего неба.
Голубка летящая хочет
Усталые крылья сложить.

Белая эта голубка
Из песенки колыбельной —
На крепком плече барбудо [1]:
Разве такое забыть?

II

Фидель — команданте.
Слыхал о гиганте?!
В лиге [2] — семь его башмаков.
А может быть, так:
В семь лиг длиной
Его каждый башмак.

Чайки летят,
Слышен топот коней,
И самолеты —
Циклонов быстрей.
Встречает героев Гавана,—
И первый — майор, команданте
В своих башмаках партизана.

В чащобах Востока
И в Вуэльтабахо,
В мгновение ока,
Не ведая страха,
Под взрывы гранат,
Сквозь ружейный шквал —
Всюду Фидель поспевал.
Как будто и впрямь крылаты
Его башмаки солдата.

---

[1] Барбудо — бородач. Так называют кубинских революционеров за то, что они дали обет не брить бороды до окончательной победы кубинской революции.

[2] Лига — испанская мера длины, около пяти с половиной километров (5572 метра).

ЕСЛИ

Это стихотворение посвящено памяти героя кубинской революции капитана Камило Сьенфуэгоса, который трагически погиб 28 октября 1959 года. Он вылетел самолетом из Камагуэя в Гавану и исчез. Возможно, самолет был сбит контрреволюционерами или взорвался над океаном в результате диверсии.

Каждый год 28 октября кубинцы выходят на Малекон — набережную столицы и бросают в море цветы.

Этой традиции следуют теперь и пионеры советской Одессы. Многие школы Одессы — коллективные члены Общества советско-кубинской дружбы.

Если сердце твое — это компас,
Путеводный компас для нас,
То вернусь я той же дорогой,
Которой ушел в тот раз.
И если ушел далеко я
И надолго исчез с твоих глаз,
Преврати свое сердце в компас,
А по-морскому — в компáс.
И вернусь я той же дорогой,
Которой ушел в тот раз.

А если я заблудился —
Собственный спутал след,—
Повесь, Куба, сердце на пальму,
Выше которой нет.
И пусть оно ярко пылает,
Встречая закат и рассвет,
И мне маяком пусть будет
Его спасительный свет.
Повесь, Куба, сердце на пальму,
Выше которой нет.

Весну, лето, осень и зиму,
Весь год — до последнего дня —
Жди меня и надейся,
Надейся и жди меня.
Всю жизнь
Жди меня. Где бы я ни был —
Вернусь обязательно я.
И если я даже умер,
Любовь к тебе, Куба, храня,
Жди меня и надейся,
Надейся и жди меня.

В долинах, в морских глубинах,
В горах, что близки к небесам,
Ищи меня, сил не жалея,
Когда не вернусь к тебе сам.
Ищи в своем сердце, Куба,
По всем его уголкам,
А в дальние дали уеду —
Все равно я тебя не предам.

ПЕСНЯ

— Моряк с горизонта,
Из дали морской,
Скажи, ты откуда,
Из сказки какой?

О чем ты поешь, моряк,
Весла держа в руках?

— Когда одиноко мне,
О море пою,
О волне.
И еще — о родной стороне.

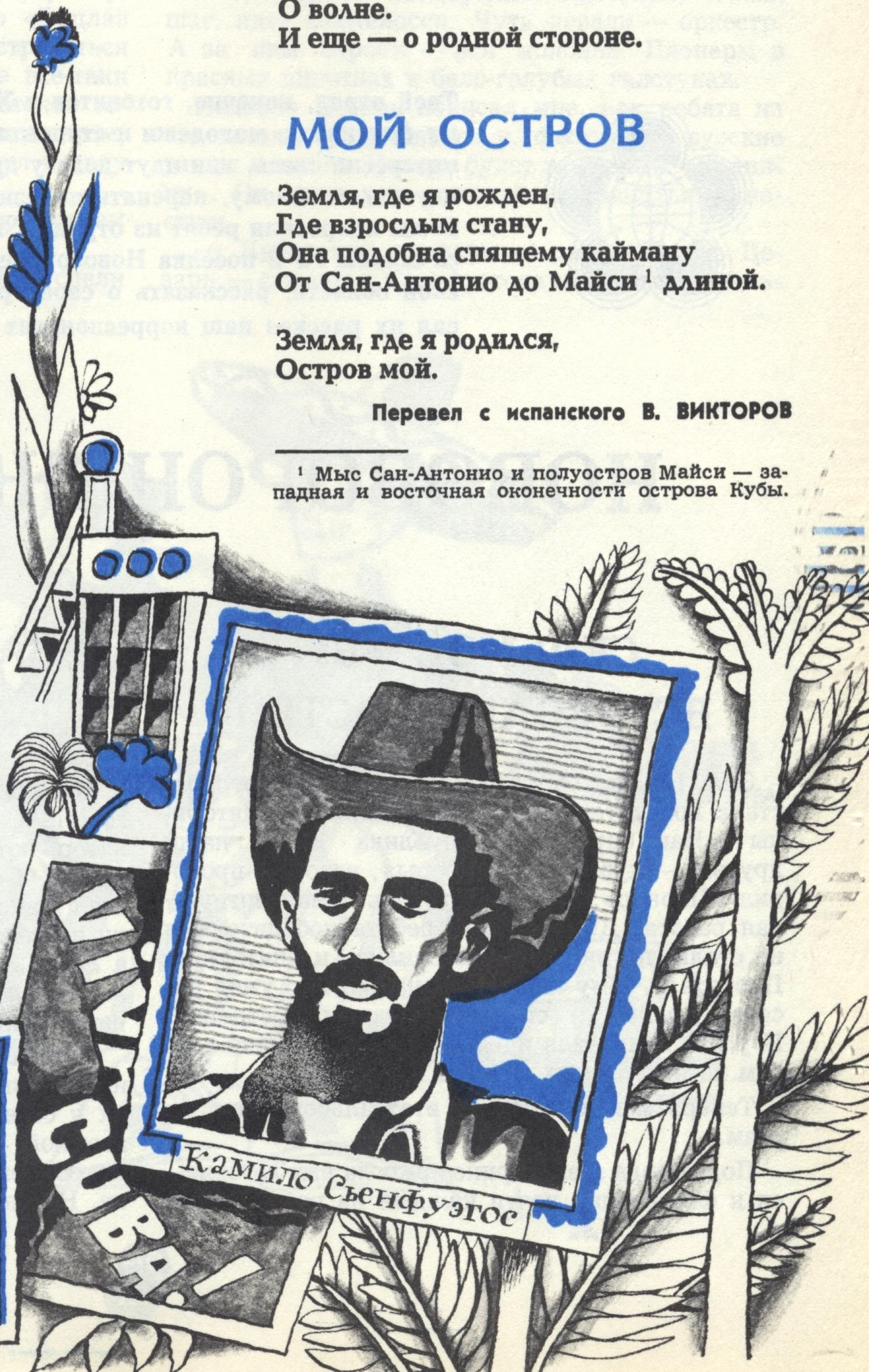
МОЙ ОСТРОВ

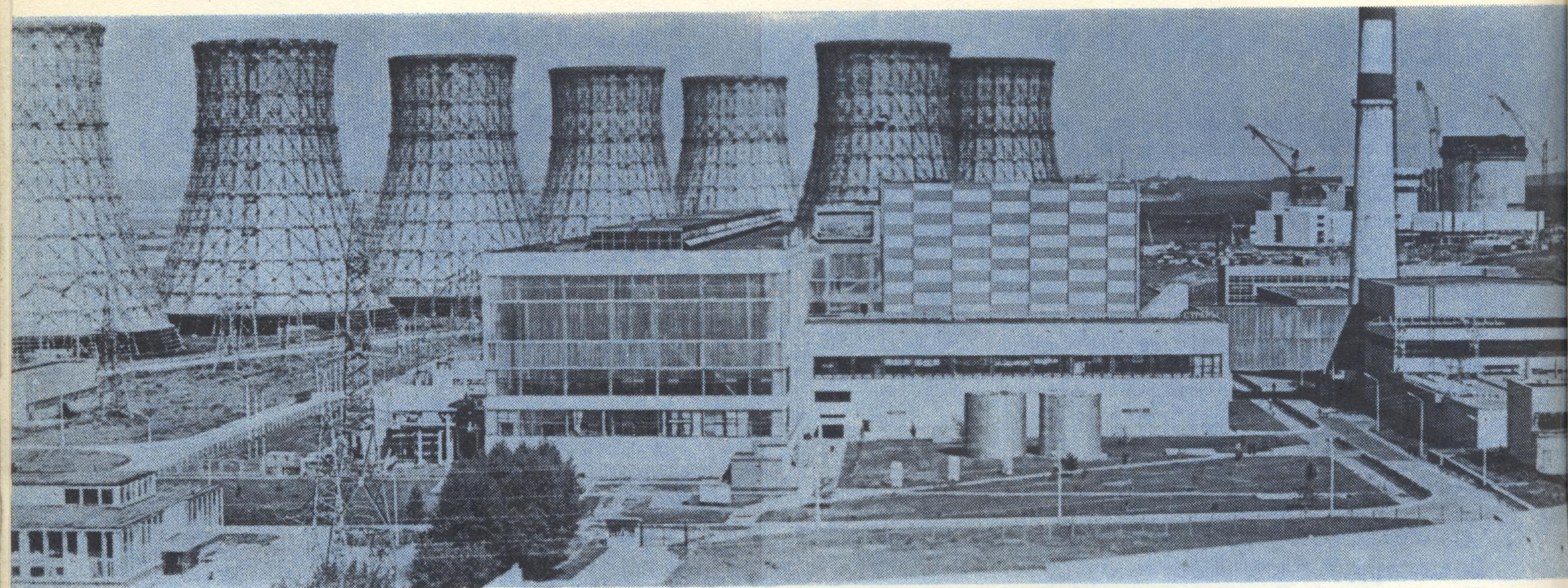
Земля, где я рожден,
Где взрослым стану,
Она подобна спящему кайману
От Сан-Антонио до Майси[1] длиной.

Земля, где я родился,
Остров мой.

Перевел с испанского В. ВИКТОРОВ

[1] Мыс Сан-Антонио и полуостров Майси — западная и восточная оконечности острова Кубы.

Вот она, Нововоронежская атомная станция.

Твой отряд, конечно, готовится к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Но всегда интересно знать, как идут дела у других, чтобы научиться новому, перенять полезное для себя. И мы попросили ребят из отряда 7-го «Б» класса школы № 2 поселка Нововоронеж, Воронежской области, рассказать о своей работе. Записал их рассказ наш корреспондент Н. БЕЛОВ.

НОВОВОРОНЕЖ—КУБА

СЕДЬМОЙ «Б» ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ

Эля Коноплева, девочка из нашего отряда, стала победительницей фестивальной викторины «Наш друг — Республика Куба, наши друзья — кубинские пионеры», которую проводил «Пионер». У нее оказалась самая интересная работа. Другие наши ребята победителями не стали, но они тоже готовились к викторине. Прочитали уйму книг и журналов. Кто умел рисовать, делал к своим ответам иллюстрации. И у нас появилась идея: сделать отрядный альбом из интересных ответов и рисунков.

Теперь мы показываем этот альбом всем гостям.

Подготовка к викторине помогла нам готовиться к фестивалю, почти каждый из ребят может уже быть гидом в заочном путешествии по Кубе, и мы проводим такие путешествия по острову Свободы.

Недавно у нас прошел сбор «Фестивальной Гаване — наш пионерский салют!».

Мы приготовили к сбору подарки для наших гостей. Саша Вржещь нарисовал «Гранму» — катер, который стал символом кубинской революции. Сестры Добряхины Света и Люда вместе с Таней Филипповой и Леной Епихиной сшили настоящий кубинский национальный костюм, а Женя Бурыкин сделал шляпу с широкими полями — сомбреро. А еще мы научились танцевать кубинскую румбу.

Ребята из школы № 3 изучают испанский язык и знают кубинские песни. Мы пригласили их к себе в гости. Еще к нам пришли шефы с атомной станции. Инженер Виталий Степанович Семеноженков строил морской порт в Гаване. На нашей атомной станции работают кубин-

ские специалисты. Кубинец Рауль Гомес изучает технику безопасности. На сборе товарищ Рауль Гомес рассказал нам о Кубе.

На столе в классе мы установили два флажка. Один наш, советский, красный, а другой кубинский бело-голубой с автографом Фиделя Кастро, который он подарил нам, когда был в Нововоронеже.

Мы говорили об истории Кубы, о героях ее революции. О Фиделе Кастро и Эрнесто Че Геваре, о Камило Сьенфуэгосе. Особенно интересно рассказала Таня Филиппова о Хулио Антонио Мельи. О нем мы знали раньше немного. Только то, что он учился в Гаванском университете, был студенческим лидером и одним из основателей Коммунистической партии Кубы.

А Таня рассказала нам, как товарищ Мелья организовал Первый национальный съезд студентов в 1923 году. На этом съезде молодые кубинцы протестовали против блокады Советской России. Мелья был очень храбрым человеком. Однажды он узнал, что в кубинском порту Карденас стоит на рейде советское судно «Вацлав Воровский». А Мелья давно хотел встретиться с советскими людьми, узнать, как же все-таки живет и крепнет первое в мире Советское государство. И вот он воспользовался моментом, когда полицейские отлучились, прыгнул в воду и вплавь добрался до нашего корабля.

Потом он написал интересную статью о своем разговоре с советскими моряками.

В конце сбора ребята из школы № 3 спели «Гимн 26 июля». Им подпевал Рауль Гомес.

Мы записали рассказ о его племяннике — пионере Цезаре Октавиа, о том, как живет сейчас и готовится к фестивалю пионерская организация имени Хосе Марти. Вот он.

ПИСЬМО ИЗ СЬЕНФУЭГОСА

Мой родной город — Сьенфуэгос. Сейчас я живу и работаю в Нововоронеже. Друзья и родные пишут мне письма. Особенно много их приходит от Цезаря Октавиа, моего племянника. Он пишет, что все его сверстники, кубинские пионеры, готовятся сейчас к Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Они уже участвуют в праздничных шествиях, посвященных фестивалю. Это происходит так: впереди с пионерским знаменем, чеканя шаг, идет знаменосец. Чуть позади — оркестр. А за ним строем — вся колонна. Пионеры в красных пилотках и бело-голубых галстуках.

Недавно Цезарь написал мне, как ребята из его школы разучивают к фестивалю русские танцы и песни. Цезарь будет танцевать «Калинку». Он сшил уже русский национальный костюм.

— Кубинские пионеры, — рассказывает Цезарь, — сажают в Сьенфуэгосе манговые и апель-

синовые аллеи и кустарник марипоса. Его кусты напоминают желтых бабочек.

Сейчас на Кубе еще недостаточно электроэнергии. И вот наши ребята организуют повсюду бригады «Клик». («Клик» — звучание этого слова напоминает щелчок выключателя, когда зажигают свет.) Бригады «Клик» устраивают пионерские рейды на заводы, фабрики и в учреждения. Следят, чтобы не горели без пользы лампочки.

У моего племянника есть приятель Рауль. Он юный регулировщик. На рукаве юные регулировщики носят повязку с буквой «Т». Они изучают правила уличного движения. В дни фестиваля, когда на улицах наших городов будет много людей и машин, эти ребята здорово помогут взрослым.

РОЛАНДО

Инженер Виталий Степанович СЕМЕНОЖЕНКОВ рассказал нам об одной интересной встрече, которая произошла у него на Кубе.

В армии я научился профессии строителя. И когда служба закончилась, комитет комсомола предложил мне поехать в Гавану строить порт. Так я попал на Кубу.

Остров Свободы тогда только что отметил пятилетие своей революции. На Кубе много строили, и дела хватало всем. Нам, правда, очень мешала жара. Поэтому любимым нашим отдыхом был пляж, где мы нашли свое любимое место — безлюдное и спокойное. Только море и мы.

И вот однажды на берег пришел мальчишка. Не обращая на нас внимания, стал что-то быстро рисовать на песке.

Мне стало любопытно, что он там делает? Я подошел поближе. Мальчик рисовал море и корабль.

Мы познакомились. Его звали Роландо. Он рассказал, что мать его умерла, а отец, он был шофером, погиб в катастрофе. Роландо чистил обувь, продавал сигареты, бегал по улицам с газетами, выкрикивал сенсационные заголовки. Получал за свою работу несколько песо. А когда не было работы, бродил по улицам, рисовал мелом или углем на асфальте все, что видел, или шел на пляж и рисовал на песке.

Роландо было двенадцать лет, когда на Кубе победила революция. Революция дала ему возможность учиться в Эскуэла дель Арте — школе искусства.

Мы подружились с Роландо. Он любил приходить к нам. Подолгу сидел и слушал, как мы рассказываем о своей Родине. Рисовал нас на песке. Ветер сдувал наши портреты, но мы не огорчались.

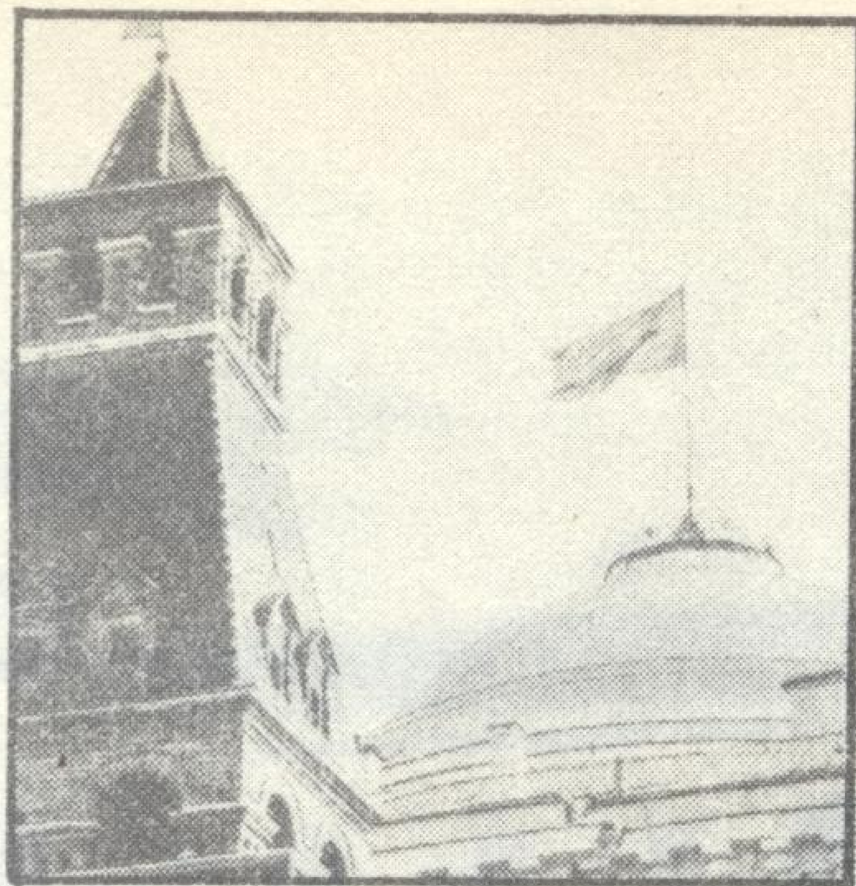
И вот как-то он не пришел на пляж. Заболел? Или еще что-то случилось?.. Мы разыскали Эскуэла дель Арте, но оказалось, что все ребята уехали добровольцами на сафру.

Жаль, конечно, что мы не смогли проститься с нашим другом Роландо. Наш корабль отплыл из нового порта, который мы построили, к долгожданной для нас Советской земле. А Роландо, наверное, теперь стал художником. И в дни фестиваля у него будет много работы.

Мы рассказали тебе о том, как готовятся к фестивалю ребята из Нововоронежа.
А ты и твой отряд?
Каких интересных людей приглашаете к себе на сбор вы?
Какие делаете сувениры?
Какими новыми интересными делами встретит фестиваль твой отряд?

Рисунки В. ДУДКИНА

МОСКВА— СТОЛИЦА

1918—1978

Сентябрь 1918 года. Владимир Ильич Ленин на прогулке в Кремле.

...Это было трудное для молодой республики время. Шла гражданская война, по всему фронту наступали немецкие войска. В марте 1918 года они уже подходили к Петрограду.

Тогда было решено перенести столицу первого в мире социалистического государства в Москву — древний русский город, крупнейший промышленный центр страны с боевым отрядом революционного пролетариата. И весной 1918 года Москва стала военным штабом.

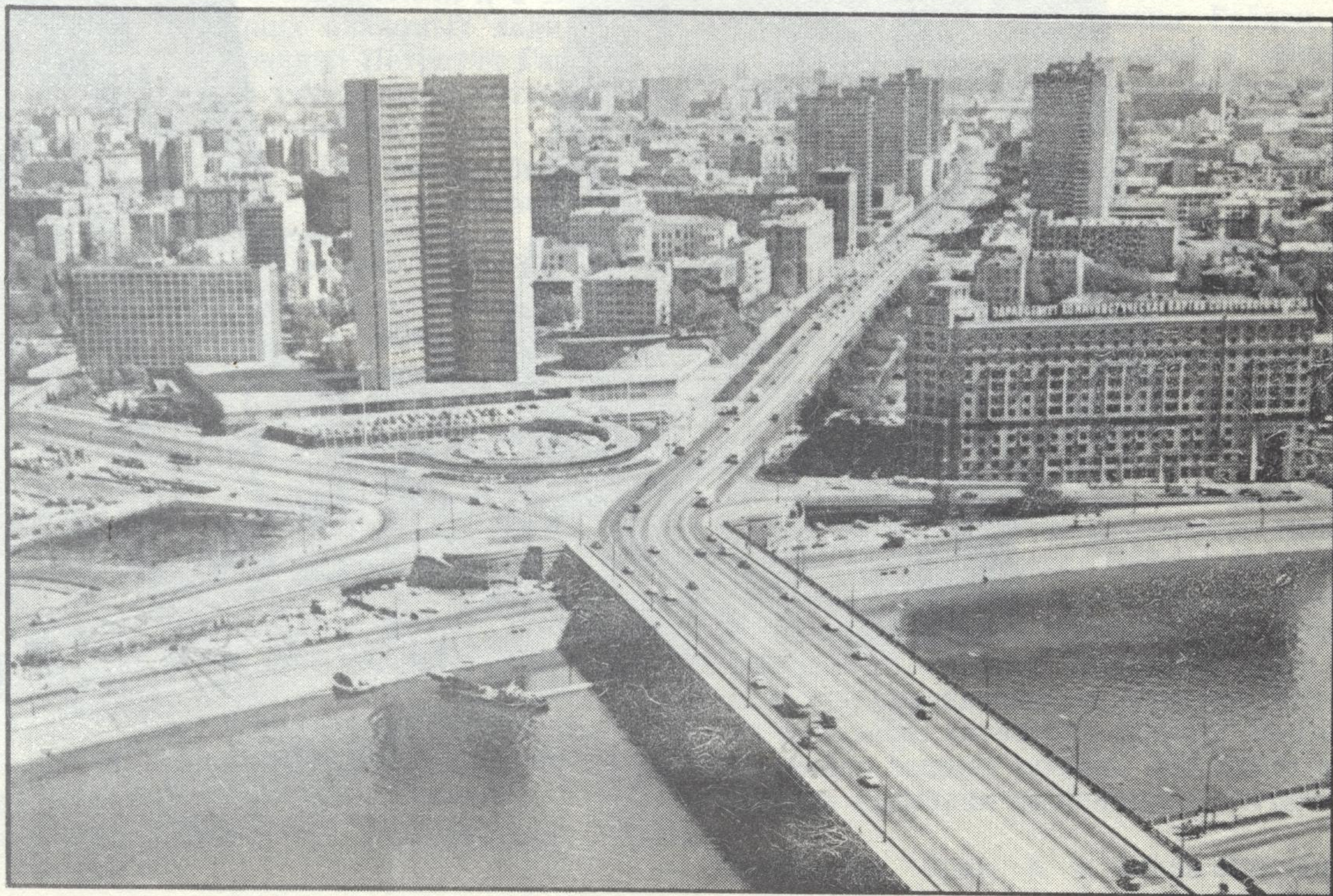
Летом того же трудного военного года в Москве V Чрезвычайный съезд Советов утвердил первую Советскую Конституцию, флаг и герб молодой Советской республики.

Здесь молодое государство рабочих и крестьян делало свои первые шаги — трудящиеся учились управлять страной, учились хозяйствовать и строить...

С тех пор прошло шестьдесят лет.

Москва в наши дни — столица могучего Советского Союза, символ мира для миллионов людей на земном шаре.

Здесь проходят съезды Коммунистической партии Советского Союза, а 25 апреля откроется XVIII съезд ВЛКСМ.

Москва наших дней растет, строится, хорошеет...

А. СОКОЛОВСКИЙ

ВОЛШЕБНАЯ РУЧКА

РАССКАЗ

Рисунок С. ТРОФИМОВА

Представляете себе состояние человека, у которого впереди контрольная по математике, учителя в классе придираются к нему и ставят двойки зря, и этих двоек в его дневнике полным-полно...

Чего бы я только не дал, чтобы сейчас не идти в школу! Я шагал по переулку, понуро разглядывая носки своих башмаков, натыкаясь на прохожих и не обращая внимания на их ворчание. И вдруг уткнулся головой в чей-то живот. Сильные руки цепко схватили меня за плечи — не вырваться... Стоящий передо мною человек был одет в длинную, до пят, кавалерийскую шинель, высокие солдатские сапоги... Была тут и командирская полевая сумка на длинном кожаном ремешке с очень заметной царапиной на крышке. В такой шинели и с такой сумкой из всех наших знакомых ходил только один человек — Аркадий Петрович Гайдар. Сейчас он, наверно, шел к нам, чтобы проведать моего захворавшего отца.

Моя мама, Нина Павловна Саконская, была известной детской поэтессой. Она-то и познакомила меня с Аркадием Петровичем. А с его сыном Тимуром, моим сверстником, я встретился еще раньше: летом мы вместе с ним были в подмосковном пионерском лагере и там подружились.

Руки, крепко державшие меня за плечи, ослабели, а мой рот сам собою растянулся в широчайшей улыбке:

— Здравствуйте, Аркадий Петрович!

— Здравствуй, храбрый человек, — отозвался Гайдар. — А почему это у тебя такое лицо, будто ты кислых яблок объелся?

Тотчас же все беды и горести вспомнились мне, и я, махнув рукою, ответил:

— Какие там яблоки, Аркадий Петрович! Не яблоки, двойки сейчас посыплются на меня.

— Это почему же? — удивился Гайдар.

— А вы знаете, какие у нас учителя? Все, как один, придиры.

— И много ли, скажи на милость, у тебя двоек?

— Видимо-невидимо... А сегодня у нас еще и контрольная по математике...

— Скажи, пожалуйста, — склонился ко мне Аркадий Петрович. — А ты часом, тетрадку для контрольных не забыл?

— Как же, забудешь ее! Вот она, в портфеле.

— Это хорошо, — медленно произнес Гайдар. — А ну-ка, дай мне на нее хоть одним глазком взглянуть.

— А вам зачем?

— Ты что-нибудь в такой науке графологии смыслишь? — спросил Аркадий Петрович. Я пожал плечами. Про такую мудреную науку мне ничего не было известно.

— Так вот, слушай, — объяснил Гайдар, — я по почерку могу распознать, какой у человека характер. Вот посмотрю, как учительница пишет в твоей тетрадке, и сразу же определю, какой у нее характер и как с таким скверным характером можно бороться...

В словах Аркадия Петровича была такая непреклонная убежденность, что я тотчас же вытащил из портфеля тетрадку и протянул ее Гайдару.

Он неторопливо принялся перелистывать ее. Так мы и стояли посреди тротуара: рослый военный в шинели и папахе и я — коротышка-школьник.

Раньше я никогда не обращал внимания на то, какая у меня в тетради ужасная грязь. Клякса налезала на кляксу. Цифры были такие, что и не поймешь, то ли это 33, то ли 55, то ли 88. А на последней странице красовался отпечаток чьей-то ладони. Наверное, моей. Я с тревогой поглядывал на Аркадия Петровича: что он о моем характере скажет? Но Гайдар преспокойно закрыл тетрадь, как будто даже не обратив внимания на кляксы, и негромко сказал:

— Понимаешь, брат, я в очень затрудни-

тельном положении. Твоя учительница очень уж немного здесь написала: отметка да еще подпись-закорючка... А мне нужно, чтобы хотя бы строчка была. Вот тогда я мог бы истолковать ее характер...

Я был счастлив оттого, что Аркадий Петрович не обратил внимания на грязь в моей тетрадке и торопливо принялся запихивать ее в портфель.

Немного погодя Гайдар сказал:

— Ты вот много чего понаписал в своей тетради. И тебе, если ты, конечно, хочешь, я могу поведать о твоем характере и даже предсказать твою печальную судьбу.

— Почему печальную?

— Потому что не миновать тебе сегодня на контрольной еще одной плохой отметки.

— Мне больше плохих отметок получать никак нельзя! — огорченно воскликнул я, словно это зависело от Гайдара. — У меня их и без того хватает. Может, мне сегодня в школу не ходить?..

— Прогулять, значит? — уточнил Аркадий Петрович. — Но, как я понял, ты направляешься в школу именно для того, чтобы исправить плохие отметки. Ты ведь знаешь, двойки сами собой никогда не исправляются.

— Да-а... Нечего делать, придется идти в школу, — угрюмо произнес я.

И вдруг по лицу Гайдара будто солнечный зайчик пробежал. Он не спеша расстегнул шинель. Под нею оказалась знакомая мне темно-зеленая гимнастерка с накладными карманами. Аркадий Петрович вытащил из кармана ручку-вставочку, с одного конца — перо, с другого — карандаш.

Мы в те годы не писали, как теперь, автоматическими ручками. На каждой парте была беленькая фарфоровая чернильница, и в нее мы макали металлические перья своих ручек.

— Бери эту ручку. Только на один день... Жаль мне с нею расставаться, потому что эта ручка не простая, волшебная.

Я разглядел на ней фабричную надпись: «Канцпром» («Канцелярская промышленность») — и недоверчиво спросил:

— Говорите, волшебная, а на ней написано «Канцпром».

Гайдар, хитро прищурившись, спросил:

— А ты знаешь, что такое маскировка?

Уж что-что, а это было мне отлично известно.

— Ясное дело, знаю, — с важным видом изрек я. — Маскировка — это на войне... Когда нужно к противнику подобраться скрыто... Или, наоборот, от врага схорониться...

— Насчет военных дел я с тобою не спорю. А в волшебных ты, я вижу, ни бум-бум. Ты что же хочешь, чтобы на ручке было написано «волшебная»? Самые хитрые волшебники в самой волшебной стране из самого волшебного железа выковали эту ручку, и, как ты думаешь, для чего они написали «Канцпром»?

— Для маскировки! — вырвалось у меня.

— Верно, — кивнул Гайдар. — Так вот, ступай в школу и пиши контрольную этой ручкой... Не знаю, получишь ли ты сегодня отличную отметку, но хорошую тебе поставят непременно.

Я сунул ручку в портфель и собрался продолжать свой путь, как вдруг глуховатый голос Гайдара меня остановил:

— Постой, храбрый человек! Я не успел рассказать про волшебное устройство этой ручки... Ею нужно писать только чисто, без единой кляксы. Если будут кляксы в контрольной, получишь такой волшебный кол, какого в жизни еще ни разу не получал.

Я опрометью помчался в школу. В глубине души у меня было какое-то сомнение в том, что ручка волшебная. Но мне так хотелось исправить свои двойки, которые мне порядком надоели!

Я влетел в класс одновременно со звонком. Вошла преподавательница математики Дина Филипповна, написала на доске условие задачи, два примера.

Я вытащил гайдаровскую ручку, поправил перо, и в ушах моих, как по волшебству, возник глуховатый голос Аркадия Петровича: «...Этой ручкой нужно писать чисто, клякс не ставить...»

Я мотнул головой, провел пером по краю чернильницы и принялся старательно выводить в тетради цифры.

Вы, конечно, знаете, что во время контрольной учительница никогда к вам не подойдет и не скажет: «У тебя, мол, Иванов, пятерка... А у тебя, к примеру, Пупырышкин, двойка». Она соберет тетрадки, проверит их в учительской, и только тогда ребята узнают, кто какую отметку получил.

И наша преподавательница математики поступала точно так же. Была у нее еще такая привычка: она расхаживала по классу и заглядывала в тетради.

Я сидел на парте в третьем ряду один.

Дина Филипповна обошла два ряда, сделала кому-то замечание. Остановилась у моей парты и стала глядеть в мою тетрадь. А я к тому времени уже успел решить задачку. И написал все без единой помарочки. Просто залюбуешься.

Дина Филипповна стояла за моей спиной. А я не могу писать, если кто-нибудь смотрит, как я пишу. Я подумал: «Ну, чего она стоит?.. Что ей от меня нужно?..» И вдруг в голову мою пришла превосходная мысль: «Ну и пусть не уходит!.. Если ручка вправду волшебная, пусть Дина Филипповна сейчас на весь класс скажет: «Молодец, Соколовский!»

Я сидел, склонившись над тетрадкой, и твердил: «Пусть скажет... Пусть скажет!..»

И вдруг Дина Филипповна сказала:

— Молодец, Шура... Если решишь примеры так же, как задачу, то можешь считать, что в дневнике у тебя появится отличная отметка.

У ребят при этих словах шеи вытянулись, как у гусей. Соседи мои стали подниматься со

своих мест, стали заглядывать ко мне в тетрадку.

Этот день был самый счастливый в моей жизни. Шутка ли, получить отличную отметку!.. И не у кого-нибудь, а у самой строгой нашей преподавательницы, у Дины Филипповны!..

После уроков я не шел, летел домой. А солнышко светило так ярко, совсем по-летнему, точно и оно радовалось вместе со мной.

От волнения я долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец замок щелкнул, дверь отворилась, и я еще с порога спросил у отца:

— Папка, Аркадий Петрович был у нас?

— Заходил, — донесся из комнаты простуженный голос отца. — А зачем он тебе?

— Понимаешь, папка, он дал мне волшебную ручку!.. Такую волшебную, что я сегодня пятерку получил!..

Отец строго кашлянул и сказал с некоторым сомнением:

— Ну, ну, будет придумывать...

А я принялся рассказывать отцу, как все было. Притащил портфель из прихожей, продемонстрировал отцу «волшебную» ручку.

— Выслушав меня, отец сказал:

— Сколько лет я знаю Аркадия, он ни разу никого не обманул... Видно, и впрямь у этой ручки есть волшебные свойства. Смотри, не потеряй ее.

— Что ты, папка! Как можно ее потерять!

Волшебная ручка помогла мне сделать без клякс все домашние задания. Я корпел над ними до тех пор, пока не пришла с работы мама.

Меня мучила одна мысль. Завтра предстояла еще одна контрольная, по русскому языку. А Аркадий Петрович дал мне ручку только на один день. Я встретился с ним вчера часов в восемь. Значит, сутки истекают завтра утром. А что, если уйти из дома пораньше?.. Гайдар придет, а меня нет, я уже в школе. Пишу контрольную по русскому.

В школу я отправился вкруговую, чтобы не встретить Аркадия Петровича.

Через несколько дней я узнал, что за эту контрольную работу по русскому языку, так же, как и за контрольную по математике, Серафима Прокофьевна поставила мне отличную оценку. Вот какую ручку дал мне Аркадий Петрович Гайдар!

Кстати, в тот день он так и не пришел к нам. Появился он в начале весенних каникул. Я услышал его твердые, по-военному четкие шаги еще во дворе. Бросился отперет ему дверь.

Он стоял на пороге, улыбающийся, веселый.

— Ну, как моя ручка? Действует? — спросил он меня.

— Действует, Аркадий Петрович! — обрадованно откликнулся я, пропуская его в кухоньку. — Еще как действует!.. Теперь у меня по всем предметам пятерки да четверки. Ни одной двоечки!

Откуда берутся рекорды

П. МАМОНОВ

В Артек я приехал рано утром. Оставив сумку в гостинице, пошел побродить по лагерю.

Октябрь. Так тихо кругом, даже не верится, что где-то рядом живут 3600 ребят. Они приехали сюда на финал детских спортивных соревнований «Старты надежд».

Но вот первая встреча. Мальчик узбек с фотоаппаратом хочет снять белку, маленькую, рыжую, с серым хвостом. А она никак не хочет фотографироваться, прыгает с ветки на ветку. Подхожу ближе, знакомимся. Олег Стефанидис. Черноволосый, черноглазый, смотрит доброжелательно, немного удивленно. Он приехал сюда со своей командой — это целый класс из спортшколы № 2.

Мы подружились. Потом часто встречались то на стадионе, то в бассейне, то просто у моря. Олег рассказал мне много интересного о себе, о своих друзьях, о том, как он пришел в спорт.

Вот его рассказ.

Старт перед стартом

Совсем недалеко от нашего дома, три автобусные остановки, есть большой стадион «Пахтакор». Я туда часто забегал посмотреть на тренировки футболистов. Тогда я еще спортом не

занимался, только во сне отличные голы забивал. Мама говорит, что я всегда был «болезненный». Зимой, как из дома выйду, то ангина, то насморк. А мне очень хотелось стать футболистом.

Тренировался я, пробовал, но ничего не получалось. Целую неделю каждое утро по пятнадцать раз приседал. Думал, на восьмой день до двадцати дотянуть, да так на пятнадцати и застрял.

Я не понимал, почему у меня ничего не получается. Наверное, терпения не хватает. Решил тренироваться по плану. Пришлось самому покопаться в книгах, посмотреть, как взрослые на стадионе тренируются. Я выбрал самые простые упражнения. Турник около дома был, бегать всюду можно, приседать и отжиматься тоже. Я уже знал, что сразу не все получится. Набрался терпения и взялся за дело, как мама сказала, «решил сам себя доконать».

Но уже через два месяца я запросто пять километров без передышки пробегал, свободно отжимался десять раз. Подтягивался еще маловато, но знал: скоро смогу больше.

Я играю в футбол

Однажды в воскресенье утром, я, как обычно, бегал кросс. И тут ребята из школы увидели меня. И началось! «Наш чемпион. Восходящая звезда. Надежда мирового спорта». Я старался не обращать внимания на насмешки, но в конце концов не выдержал, решил бросить тренировки.

Стадион теперь за километр обходил, не хотел расстраиваться. Но однажды мой друг Славка уговорил меня пойти на футбол. Играла ташкентская команда. После игры шли домой, вспоминали острые моменты, про игроков говорили. И тут я рассказал Славке про свои тренировки. Мы решили вместе тренироваться и еще стóящих ребят подобрать.

Собрали ребят, стали кросс бегать. Потом договорились футбольную команду организовать. Но где играть? Во дворе только вытоптанная площадка, даже без ворот. Мы стали настоящее футбольное поле строить. Окопали площадку канавками, разметили границы, построили ворота.

Начали играть. Видим, ничего не получается. Правил никто не знает: споры на поле, крик. Все вроде неплохо играют, а сыгранности никакой. Каждый за себя.

Правила игры у взрослых попросили, ходили смотреть, как они тренируются. И постепенно все лучше и лучше стало получаться. Когда трудно было, кое-кто бросил нашу команду, а потом потихоньку стали возвращаться.

Артековский стадион.
Открытие финальных спортивных соревнований «Старты надежд».

Новое увлечение

Однажды мы пришли на стадион, а там вместо футбола легкоатлеты тренируются. Я посмотрел и вдруг понял: какой красивый спорт! Ребята скоро ушли, а я до самого конца тренировки сидел.

С тех пор, кроме футбола, стал заниматься прыжками в длину и в высоту. Опять начались мучения. Но я понял, что легкая атлетика для меня интереснее, чем футбол. Как я скажу об этом ребятам, команде?

Помогла мне случайность. Наша школа стала спортивной, легкоатлетической. И я окончательно решил бросить футбол, пошел в спорткласс. Тренировки не прошли даром, меня приняли. Больше всего мне нравится бег.

Гимнастика ума

На соревнованиях и на тренировках я показал хорошее время: впервые в жизни занял призовое место. Стал еще больше тренироваться. Но прошло четыре месяца, а я почему-то никак не мог свое время улучшить. Думал: в чем дело?

Посоветовался с тренером, и он объяснил мне, что спортсмен должен тренировать не только тело, но и мозг. Развивать интеллект, чтобы не топтаться на месте.

Когда бегун бежит, у него все мышцы работают в определенной последовательности, а мозг следит за порядком движений. Если мозг четко работает, то и пробежишь быстрее.

Мозг спортсмена должен, как ЭВМ, работать, без ошибок. Всем известно, что перед соревно-

ваниями спортсмен разрабатывает тактику борьбы вместе с тренером. Но на дистанции может так случиться, что выбирать единственно правильное решение приходится самому. От твоего решения иногда зависит победа.

Чтобы развить в себе эти качества, спортсмен должен уметь подобрать такие формы тренировок, которые именно ему нужны и полезны. Здесь тоже есть над чем подумать.

После разговора с тренером мы поговорили с ребятами. Оказывается, у многих результаты остановились. И мы стали специальные тренировки проводить. Тактику обсуждали, учились в шахматы играть, развивать логику; задачи на сообразительность решали; изучали строение человека. Учились управлять собой: не волноваться, сдерживать раздражение, даже когда проигрываешь. Все помогали друг другу, советовались. Я надеюсь, это все поможет нам здесь, в Артеке. Такие большие соревнования у меня впервые. Может, мы и не займем никакого места, но стараться будем изо всех сил.

Олег прочно завоевал мою симпатию, в Артеке я вместе с командой из Улукбека «болел»

На старт! Внимание! Марш!

за него. Мы часто встречались с ним, много разговаривали. Вот каким я увидел его в Артеке.

Три-четыре больших плоских камня, кое-как брошенных один на другой, отполированы тысячью ног — ступеньки. Красное деревцо, похожее на карликовый дуб, высохшая кисть винограда со сморщенными ягодами зацепилась за жесткую ветку. Мелкий гравий вперемешку с песком, обломки ракушек хрустят под ногами. Тропинка взбирается все выше, петляет и выводит на уютную спортплощадку.

Несмотря на жару, любимая игра артековцев «снайперы» в самом разгаре. «Снайперы» похожи на обычные «вышибалы», только правила посложнее. Играют две команды. Тут же и Олег, один из лучших игроков.

— Где так здорово играть научился?

— Здесь, в Артеке. Сначала совсем не умел. Обидно стало — стал каждый день играть, теперь сами видели, получается.

Верхушку горы словно срезали гигантским ножом, получилась большая площадка. Это артековский стадион. Рядом плавательный бассейн.

Сегодня здесь заплывы команд младшего возраста. Подхожу к Олегу, сажусь рядом. Он необычно взволнован. Я его понимаю, он ведь рассказывал мне, что почти не умеет плавать, учиться было негде. Но проплыть надо — командный зачет, дорого каждое очко.

И он проплыл. Потом говорил мне, что сам не понимает, как это у него вышло. А для меня это уже не было неожиданностью, я знал Олега.

Команда Олега живет в дружине «Хрустальная» вместе с ребятами из Эстонии. Они уже успели подружиться. И, конечно, вечером только и разговоров, кто какое время показал, кто первый. Между ними идет неофициальный дружеский матч. Олежкина команда проиграла эстонцам по плаванию, а вот по кроссу удалось выиграть и сравнять очки. Немалая заслуга в этом принадлежит Олегу.

— Как тебе удалось так быстро пробежать? Ведь ты, можно сказать, спас команду.

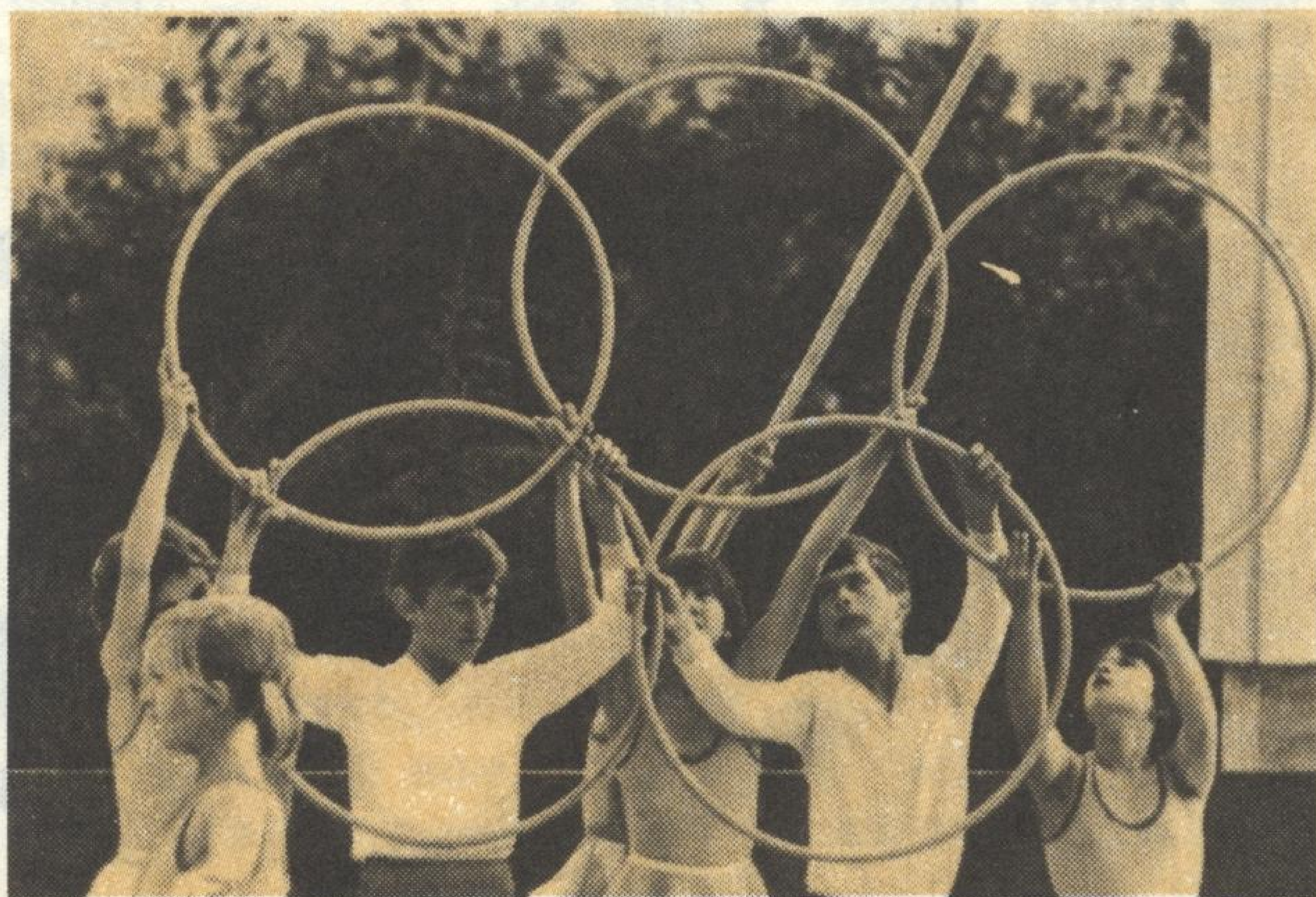
— Сегодня все очень старались, — говорит Олег. — А я ничего особенного не сделал, просто я бегать люблю больше всего на свете.

И тут мне вспомнилось то, что говорил чемпион мира Валерий Борзов будущим олимпийцам. Он советовал ребятам искать и выбрать один-единственный, самый любимый вид спорта. Олег этот выбор сделал и, я надеюсь, навсегда.

ИНФОРМАЦИЯ ПРЕСС-ЦЕНТРА ФИНАЛЬНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ «СТАРТЫ НАДЕЖД»

В соревнованиях участвовало 130 команд. Из них 15 сельских. Спортшкола № 2 пос. Улукбек, УзССР, заняла на этих соревнованиях двадцать седьмое место.

Юных спортсменов ждут олимпийские стадионы.

Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

БОРЮТСЯ ЗА СВОИ ПРАВА

«Женщина и мужчина имеют в СССР равные права», — сказано в нашей Конституции. Мужчины и женщины у нас равноправны в учебе и труде, в семейной жизни. Государство особо заботится об охране труда женщин, помогает матерям с маленькими детьми, многодетным семьям.

Но не во всех странах это так. О борьбе женщин за свои права рассказывают гостьи «Пресс-центра «Пионера», участницы международной встречи «Октябрь и молодежь», которая проходила в Ленинграде.

Даниэль Ферлан, член Исполкома Союза коммунистической молодежи Канады:

— От болезней капиталистического общества больше всех страдают женщины. Например, обучение в Канаде стоит дорого, особенно в университетах — 500 долларов в год. У многих студентов нет таких денег, и они вынуждены бросать учебу или подрабатывать. Юношам иногда удается найти такую работу, которую можно совмещать с занятиями. Девушкам — почти никогда...

Сейчас в Канаде особенно много безработных. Слоняются без дела, стоят в бесконечных очередях на бирже труда недавние выпускники учебных заведений. Среди них и девушки. Им труднее устроиться на работу, а если привалит такое счастье, то плату за свой труд они получают меньшую, чем мужчины.

Девушки моей страны понимают: только объединившись, в борьбе можно добиться победы над монополиями. И мы вступаем в Союз коммунистической молодежи Канады.

Мария Кассилда Шавиер, член руководства Организации мозамбикской молодежи:

— Почти четыре столетия колонизаторы угнетали народ Мозамбика. Рабский труд, невежество, унижения, побои — такой была судьба женщины. Женщины Африки сделали первый шаг к своему освобождению, когда встали в один ряд с мужчинами — борцами за независимость. Среди бойцов ФРЕЛИМО — Фронта Освобождения Мозамбика — было немало девушек и женщин. С оружием в руках они бесстрашно бились с колонизаторами.

Сейчас мозамбикская женщина равноправна с мужчиной. Девушки Организации мозамбикской молодежи вместе со всем народом борются за построение социализма. Они ударно трудятся на заводах и фабриках, в сельскохозяйственных кооперативах, помогают ликвидировать неграмотность в стране, руководят пионерскими отрядами.

Виолетта Ибанес, член Политического Секретариата Союза молодых коммунистов Испании, секретарь организации молодых коммунистов провинции Арагон:

— В годы фашистской диктатуры любая общественная деятельность для женщины была невозможна. Впрочем, не только для женщин. Например, мой отец, прогрессивный деятель, должен был каждые две недели

ходить в полицейский участок, давать подписку о невыезде. Угроза ареста всегда висела над ним...

Но испанских женщин вдохновляли на борьбу героические судьбы патриоток, коммунисток. Я вступила в Союз молодых коммунистов Испании. Коммунистическая партия была в те годы в подполье. Мы помогали коммунистам в антифашистской борьбе.

Сейчас в Испании идет открытая политическая борьба, и в рядах борцов — тысячи женщин и девушек. До сих пор в стране сохранились мужские и женские школы. Мы требуем совместного обучения. К участию в последних выборах не допустили два миллиона молодых испанцев. А они поддержали бы прогрессивные партии! Мы требуем избирательного права с 18 лет. Правительство считает, что мы слишком молоды, чтобы решать судьбу своей страны. Но когда нас арестовывают и бросают в тюрьмы, не спрашивают, сколько нам лет!

На предприятиях, в учебных заведениях сейчас создано много женских комиссий. Вместе со всеми трудящимися страны наши женщины борются за счастливое будущее испанцев.

Записал **С. МАКЕЕВ**

МАРШРУТАМИ ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ

Вена — Хельсинки

В 1959 году юность мира собралась на VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Вене. В нем участвовало 1200 молодежных организаций почти из всех стран мира. Впервые фестиваль проходил не в социалистической стране. Враги фестиваля решили сорвать международную встречу молодежи.

В западногерманском городе Франкфурте-на-Майне офицер НАТО Загнер организовал так называемый штаб антифестивальной борьбы. Было подготовлено шесть тысяч хулиганов. В день открытия фестиваля они пытались попасть на стадион «Пратер» и выпустить целые полчища крыс...

Но солидарность молодежи оказалась сильнее провокаций. В торжественном открытии фестиваля приняли участие тысячи юношей и девушек со всех пяти континентов Земли. По-своему приветствовали их жители столицы Австрии: под звуки бессмертных вальсов Штрауса на поле стадиона «Пратер» закружились пары.

Здесь, в Вене, состоялась манифестация солидарности с молодежью колониальных стран и стран, недавно сбросивших цепи рабства. На берегу Дуная впервые был зажжен костер мира и солидарности. Юноши и девушки в руках держали горящие факелы. Выступавшие на митинге гневно обличали колониализм, звали на борьбу с угнетателями, призывали молодежь крепить дружбу и солидарность. Председатель Совета молодежи Африки Али Бухар сказал тогда:

— Фестиваль дал нам возможность подружиться с молодежью Востока и Запада. От имени африканской молодежи мы говорим: «Фестиваль — это шаг вперед в освобождении народов Африки».

Юноши и девушки Земли еще раз доказали, что их стремление к миру, дружбе и солидарности неодолимо.

На IX Всемирный фестиваль молодежь собралась в 1961 году в столице Финляндии.

И снова враги фестиваля пытались помешать его успеху.

Советские делегаты приехали в Финляндию на теплоходе «Грузия». Там они жили, там был штаб советской делегации. Однажды ночью раздался тревожный звонок: кто-то предупреждал, что банда хулиганов направляется к «Спутнику» — так назывался клуб советской молодежи на берегу. Несколько делегатов-комсомольцев быстро оделись, вскочили в автобус. Они подоспели вовремя — молодчики уже подходили к клубу. Ребята начертили на асфальте черту — попробуйте переступить! Хулиганы отступили.

На другой день в «Комсомольской правде» советские люди прочитали стихи Евгения Евтушенко:

Но не забыть, как твердо, угловато
У клуба «Спутник» — прямо грудь на грудь,
Стеною встали русские ребята,
Как их отцы, закрыв фашизму путь.
«Но — фестиваль!» — взвивался вой шпаны.
«Но — коммунизм!» — был дикий вой неистов.
И если б коммунистом не был я,
То в эту ночь я стал бы коммунистом!

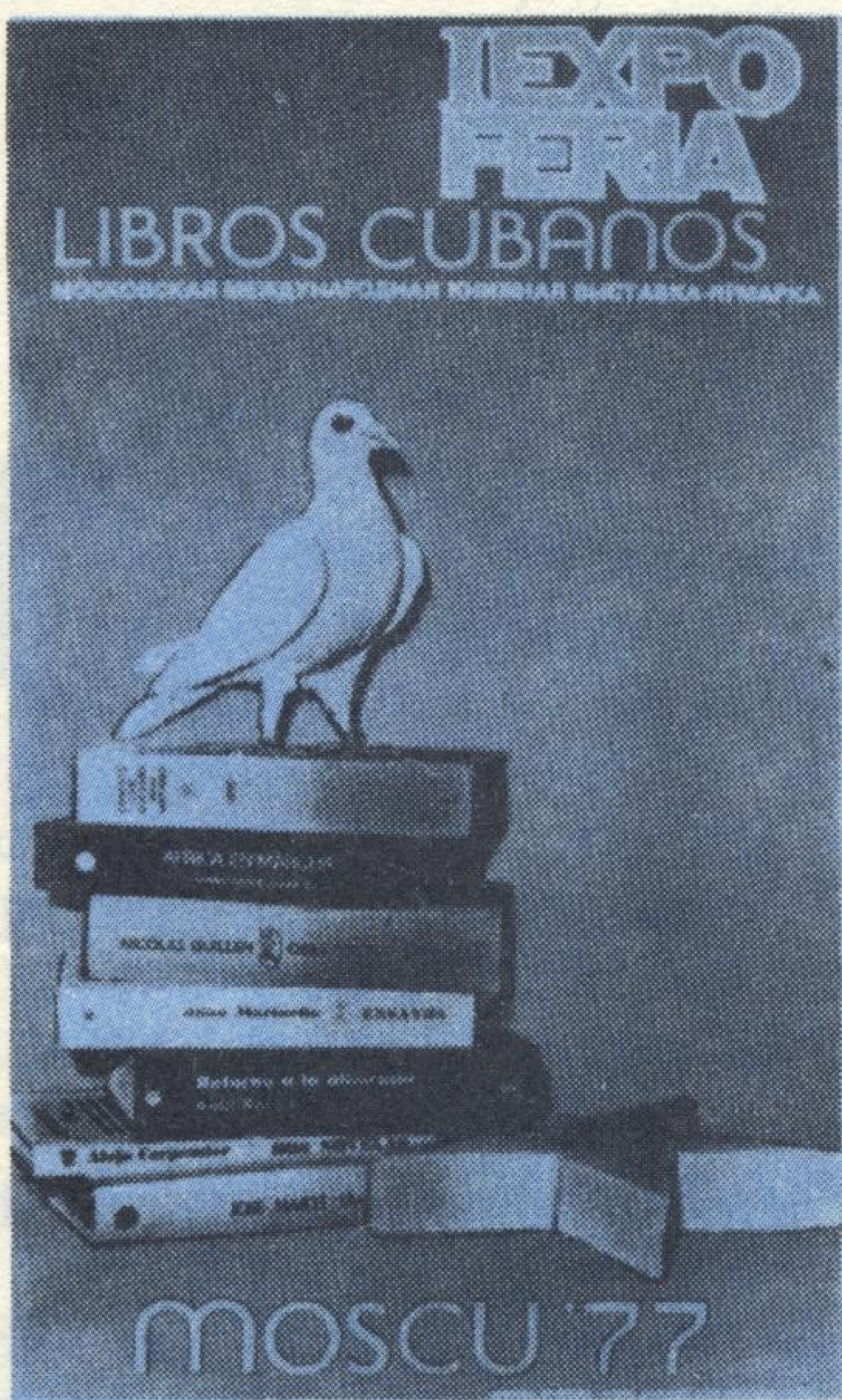
На этом фестивале впервые открылся международный клуб. Здесь встречалась молодежь разных стран мира: проводили диспуты, вместе танцевали, пели. Здесь делегаты и жители столицы встретились с первым космонавтом Земли Юрием Гагариным. «Мы готовы, — сказал он, — дружить не только на Земле, но и в космосе. А пока давайте дружить здесь, чтобы наш праздник прошел хорошо!»

Фестиваль в Хельсинки действительно прошел успешно. Когда теплоход «Грузия», увозивший советских делегатов на Родину, отошел от пирса хельсинкской гавани, вслед ему долго прощально гудели рыболовецкие суда...

А. ШВЕДОВ

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

ДЛЯ КУБИНСКОЙ ДЕТВОРЫ

Мы вам рассказывали о первой Московской международной книжной выставке-ярмарке. На стендах издательств Республики Куба, принимавших в ней участие, почти половина книг были книги для детей, школьные учебники. Среди них «Тарас Бульба» Гоголя, «Разгром» Фадеева, «Тимур и его команда» Гайдара, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Динка» Осеевой.

— До победы революции на Кубе не могло быть и речи об издании советских книг, — рассказал руководитель кубинской выставки, директор крупнейшего на Кубе издательства «Орбе» **Умберто Гонзалес**. — Диктатора Батисту и его заморских хозяев всегда страшила мысль о том, что кубинские дети могут узнать правду о жизни в свободной стране. Зато издатели-янки усиленно снабжали кубинских детей комиксами, в которых воспевались «подвиги» гангстеров, шпионов, пиратов. Эти книги уродовали души детей, учили жадности и жестокости.

Сейчас кубинские книги для детей воспитывают у ребят доброту, честность, трудолюбие, товарищество. Среди них всем известные «Робинзон Крузо» Даниэля Дэфо, «Три мушкетера» Александра Дюма, «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена, «Тартарен из Тараскона» Альфонса Додэ. Особой любовью кубинской детворы пользуется книга Хосе Марти, революционера и поэта революции, «Золотой возраст». Книги для детей стоят не дороже 90 сентаво, чаще 25—50 сентаво. Это дешево. А учебники государство продает школьникам и студентам с большой скидкой.

Я вам говорил о комиксах, которыми пичкали кубинских детей американцы до революции. Мы тоже издаем комиксы — рассказы в картинках. Но теперь их герои — борцы за независимость, бойцы кубинской революции. Любят ребята и юмористические комиксы, в которых действуют никогда не унывающие юные пионеры. В них высмеиваются лень, глупость и зазнайство. Много таких историй в картинках печатает еженедельник пионеров Кубы «Пионеро» — тезка вашего журнала.

На прощание наш гость передал советским ребятам:

«Дорогие юные пионеры Советского Союза!

Мы, кубинские издатели, горячо желаем вашему журналу радовать своих читателей. Пусть крепнет сотрудничество ребят с журналом благодаря вашим письмам, заметкам, мнениям».

Умберто **ГОНЗАЛЕС**

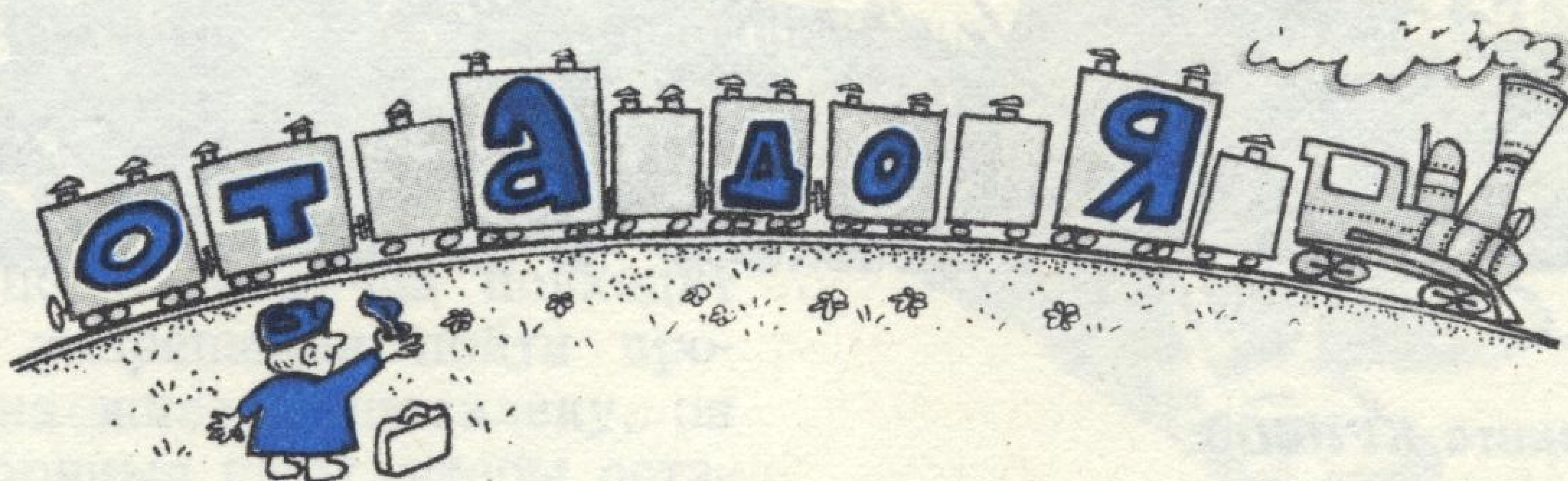
ЭХО ОКТЯБРЯ

Так называется пластинка, выпущенная недавно Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия». Песни на этой пластинке разные, но объединяет их тема революции, борьбы за мир, за национальное освобождение и социальную справедливость. Поют их уже известные артисты — Эрнст Буш, Жак Дрежак, Пит Сигер, Жильбер Беко, Виктор Хара, Мириам Макеба, ансамбль «Инти-Илимани» из Чили, ангольский народный ансамбль, большой студенческий хор из Финляндии.

Владимир Ильич Ленин писал: «Но никакие полицейские придирки не могут помешать тому, что во всех больших городах мира, во всех фабричных поселках и все чаще в хижинах батраков раздается дружная пролетарская песня о близком освобождении человечества от наемного рабства».

Нет на свете силы, способной заглушить голос народа, песню народа. Она не знает границ и преград.

Международная встреча «Октябрь и молодежь». Она состоялась в Ленинграде в ноябре прошлого года, когда наша страна, все передовые люди земли праздновали 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

В международной встрече «Октябрь и молодежь» приняли участие посланцы 163 национальных и 7 международных молодежных и студенческих организаций. Пять дней работала конференция «Октябрь, современный мир и молодежь». Ее участники встретились с ленинградской молодежью, побывали на легендарном крейсере «Аврора», в штабе революции — Смольном, на Пискаревском кладбище, встречались с ветеранами революции, войны и труда.

В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева участникам встречи говорилось: «Мы, советские коммунисты, с глубоким удовлетворением отмечаем, что идеи Великого Октября вдохновляют революционную и демократическую молодежь всего мира, которая вместе с широкими массами трудящихся энергично борется против эксплуатации и власти монополий, за демократию, национальное освобождение и независимое развитие, за торжество прочного мира на земле».

МАНИФЕСТАЦИЯ — массовое выступление, выражающее солидарность или протест его участников.

Московский художник Никита КРИВОВ много лет посвятил тщательному изучению истории Парижской коммуны. Эти рисунки взяты из его книги о Париже и коммунарах.

КОММУНАРЫ НЕ СТАЛИ РАБАМИ

Роберт БАБЛОЯН

«Предвестником нового общества» назвал Парижскую коммуну Карл Маркс.

Вооруженные рабочие 18 марта 1870 года создали свое революционное правительство — Парижскую коммуну. В одном из документов того времени указывается, что основную массу коммунаров составляли писатели, слесари-механики, каменщики, столяры, торговые приказчики, сапожники и т. д. Всего 20 тысяч человек. Рядом с французами плечом к плечу сражались поляки Домбровский и Врублевский, венгр Франкель, русские революционеры П. Лавров, А. В. Корвин-Круковская и Е. Дмитрова.

Коммуна просуществовала 72 дня. Всего-навсего! И за это время она сделала немало:

отделила церковь от государства, организовала детские сады, бесплатные школы, народные клубы, ввела ряд демократических законов. Коммуна заботилась о бедняках и безработных, переселила многие семьи из подвалов и трущоб в дома сбежавших богачей.

В «Воззвании к сельским жителям» написано:

«Брат, тебя обманывают! Наши интересы одни и те же! То, чего требую я, хочешь и ты: освобождение, которого я добиваюсь, это твое освобождение!

Париж хочет, чтобы сын крестьянина получил такое образование, как сын богача, и получил бесплатно».

И еще: «Итак, Париж хочет: земли для крестьян, средств производства для рабочих, работы для всех!»

21 мая в город ворвалась вооруженная до зубов стотысячная армия. Французская буржуазия решила потопить в крови Парижскую коммуну. Целую неделю шла ожесточенная борьба. 582 баррикады построили парижане. Но силы были неравными. Коммуна потерпела поражение.

27 мая последние 200 коммунаров были расстреляны на кладбище Пер-Лашез.

Вместе с взрослыми коммунарами сражались и дети... Сверстники Гавроша, того самого полюбившегося нам героя из романа «Отверженные» Виктора Гюго. А сколько их полегло на баррикадах!

Один из современников, вспоминая о защитниках баррикады, пишет: «Мальчик подходит к офицеру и просит разрешения пойти проститься с матерью. Она живет неподалеку, он хочет отнести ей серебряные часы, чтобы оставить память о себе. Офицер отпускает его, хотя и не верит, что мальчик вернется. Три минуты спустя он слышит возглас: «Вот я!». Мальчик вернулся и стал у стены, где, пока он отсутствовал, были расстреляны его товарищи».

Не об этом ли мальчике писал Виктор Гюго?

На баррикаде, кровью залитой,
Ребенка лет двенадцати с толпой
Других бойцов солдаты захватили...
— И ты был с ними?
— Да, мы вместе были.
— Ну, так тебя мы расстрелять должны.
Жди свой черед!
Стволы поднялись рядом.
Сверкнул огонь, и пали у стены
Товарищи его по баррикадам.

...Прошло более ста лет со времен Парижской коммуны. Человечество помнит и чтит имена тех, кто защищал революцию. Человечество помнит и клеймит позором тех, кто расстреливал коммунаров.

«...Извлекая уроки для себя из Парижской Коммуны, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь».

В 1978 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕМЕЛЬЯНА МИХАЙЛОВИЧА ЯРОСЛАВСКОГО — ОДНОГО ИЗ СТАРЕЙШИХ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ, ВИДНОГО ДЕЯТЕЛЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ПИСАТЕЛЯ И УЧЕНОГО.

Всю свою жизнь, с ранней юности, он отдал борьбе за дело трудового народа — создавал первые рабочие кружки, писал листовки, воззвания, организовывал отряды Красной гвардии, готовил Октябрьское вооруженное восстание в Москве. После победы Октября Емельян Ярославский становится пламенным пропагандистом идей партии, борцом с пережитками старого мира в мировоззрении, во взглядах и обычаях людей.

Емельян Ярославский любил ребят, помогал в организации пионерской печати, писал статьи в журнал «Пионер». О встречах в редакции с видным деятелем Коммунистической партии рассказывает писатель Николай БОГДАНОВ.

ВСТРЕЧИ С ЕМЕЛЬЯНОМ ЯРОСЛАВСКИМ

В 1924 году появились на свет первые номера «Пионера». Мне, пионерскому вожатому, выпало счастье работать тогда в редакции «Пионера», быть членом первой редколлегии журнала.

Помню, с какой любовью разглядывали мы только что оттиснутые, пахнущие свежей краской номера журнала. Захотелось поделиться своей радостью со старшими друзьями пионерии.

Наши курьеры — ребята из пионерской редколлегии — разбежались во все стороны по Москве. Они доставили первый номер в ЦК комсомола — Петру Смородину, в ЦК партии — Емельяну Ярославскому, наркому просвещения А. В. Луначарскому, любимцу ребят — С. М. Буденному. И, конечно же, нашему лучшему другу — Надежде Константиновне Крупской.

Все отозвались на добрый порыв редакции. Луначарский дал статью, Буденный прислал поздравительное письмо, Емельян Ярославский обещал Надежде Константиновне написать для «Пионера» статью о религии.

Статья такая нам очень была нужна...

Шел 1924 год — седьмой год Советской власти. Еще сильны были кулаки в деревне, буржуи-нэпманы в городе. Было много верующих, и нередко попы настраивали отсталых, неграмотных людей против Советской власти.

Попадали под влияние церкви и дети. А тех, кто хотел стать пионером, попы стращали адскими муками на «том свете». Бывало, что и родные бабушки запрещали внукам носить красные галстуки, говоря, что «боженька накажет»...

И вот однажды звонит Надежда Константиновна в редакцию и говорит:

— Сегодня к вам зайдет наш главный безбожник Емельян Ярославский. Не выпускайте его, пока не напишет статью!

Емельян Ярославский — соратник Ленина, пламенный революционер, автор знаменитых книг «Азбука безбожника», «Библия для неверующих». Их знал тогда едва ли не каждый комсомолец!

Мы очень обрадовались. Мы ведь знали, что Ярославский занят ответственной работой — он был секретарем Центральной контрольной комиссии, одним из редакторов «Правды». Даже не верилось, что он найдет время для «Пионера»...

Когда Ярославский вошел в скромную комнату нашей редакции, мы сразу поразились тому, какой он общительный человек. Не успели мы опомниться, как уже шел горячий разговор о жизни, о мечтах, о планах. В ком-

нате стало тесно и шумно, набежали сотрудники из других редакций.

Ярославский уселся на край редакционного стола, а мы столпились вокруг. Встряхивая копной темных волос, он, словно дирижер, руководил общим разговором. Это было так интересно, что мы забыли про статью.

Вспомнил сам Ярославский. И тут же сел за работу. И написал обещанную статью, написал точно, ясно, доходчиво и кратко. Она украсила очередной номер «Пионера».

Но наша дружба на этом не кончилась.

Ребятам из отряда имени Емельяна Ярославского захотелось подробней узнать о том, как он жил и как боролся за их свободу и счастье.

И вот составлено ему письмо с просьбой написать свою биографию. Узнав адрес Емельяна Михайловича, пионеры решили сами отнести ему свое письмо.

Звонок в дверь... Открывает сам адресат.

Минута смущения.

— Вы ко мне? С письмом! От кого?

— От нас...

— Сами написали, сами доставили? — улыбнулся Ярославский.— Ну так сами и читайте! — Он пригласил ребят войти, и они прочли ему свое письмо.

Ярославский расспросил ребят о жизни, учебе, о том, как идет работа в пионерских отрядах. А насчет биографии сказал, что она у него такая длинная — сразу не напишешь. Нужно время, чтобы изложить покороче.

Ребята ушли обнадеженные. И в тот же вечер мотоциклист в кожаной куртке разыскал их отряд и вручил пакет с надписью: «Биография от Е. Ярославского». Несколько страничек, за которыми встает героическая, полная борьбы и лишений жизнь революционера.

Вскоре биография товарища Ярославского была напечатана в «Пионере», и ее прочитали все наши читатели. А теперь прочитаете и вы.

Биография товарища Ярославского

Юные ленинцы!

Сообщаю вам, по вашей просьбе, краткую свою биографию.

Я родился в гор. Чите, Забайкальской области (в Сибири) 19 февраля 1878 года,— мне, стало быть, теперь около сорока семи лет. Отец был ссыльный, занимался учительством, мать — дочь рыбака с озера Байкала, поденщица. Окончил я трехклассное городское училище. Работал с девяти лет в переплетной мастерской, потом мальчиком при магазине, учеником в аптеке. Все время занимался самообразованием. С 1898 года начал организовывать вместе с рабочими железнодорожных мастерских рабочую организацию. До этого работал в ученических кружках. Вырос среди старых революционеров из организаций «Земля и Воля», «Народная Воля», нечаевцев, пролетариатцев и других. С учением Маркса познакомился в 1896 году.

В 1902 году был впервые арестован на родине за составление воззваний к рабочим, казакам, солдатам и офицерам. С 1903 года перешел на нелегальное положение, работал под разными именами (Лапин, Красильников, Высокоостровский, Емельян Ярославский) в Питере, Одессе, Туле, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Москве, Костроме, Ярославле, Николаеве. За это время несколько раз был арестован, бежал из тюрьмы, подвергался продолжительным голодовкам.

В 1907 году был арестован после возвращения из поездки на Лондонский съезд нашей партии и осужден был на каторгу. Каторгу окончил в 1913 году, в Сибири, в Горном Зерентуе, и сослан был в Якутскую область. В Якутской области пробыл до революции 1917 года. До каторги выполнял по поручению партии всякую революционную работу: был организатором кружков и заводских комитетов, пропагандистом и агитатором, военным организатором, писал листовки, воззвания. В Якутске тоже организовывал подпольные кружки из местной якутской молодежи, из которых вышли хорошие коммунисты.

После возвращения из ссылки все время работаю по поручениям партии. Был организатором Красной гвардии и Красной Армии, работал на Урале и в Сибири, в комитетах партии, во ВЦИКе, секретарем ЦК и ЦКК, в газетах и кружках.

Счастлив, что жил и работал рука об руку с Лениным. Счастлив тем, что вижу победу пролетарской революции и сам участвую в ней. Еще более счастлив тем, что участвую в подготовке новых поколений ленинцев, которые доведут до конца дело коммунизма. Придаю огромное значение пионерскому движению. Думаю, что из самих ребят наших мы воспитаем дисциплинированную, честную, смелую, закаленную армию труда, способную победить все препятствия и затруднения.

Москва, 18 IX—24 г.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.

ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ

Как найти свой любимый предмет? Что значит любить математику, литературу или биологию? Как заниматься, если хочешь знать больше, чем написано в школьных учебниках? Эти вопросы волнуют ребят. Об этом пойдет речь на страницах «Пионера». Начинает разговор о любимом предмете заслуженный учитель РСФСР С. А. ГУРЕВИЧ.

Наверное, каждый ученик считает, что у него есть любимый предмет. В мой класс пришла новенькая девочка. Она считала, что ее любимый предмет — литература. Я спросил ее, читала ли она Чингиза Айтматова? Расула Гамзатова? Константина Симонова? Эдуардаса Межелайтиса? Мои вопросы не получили ответа.

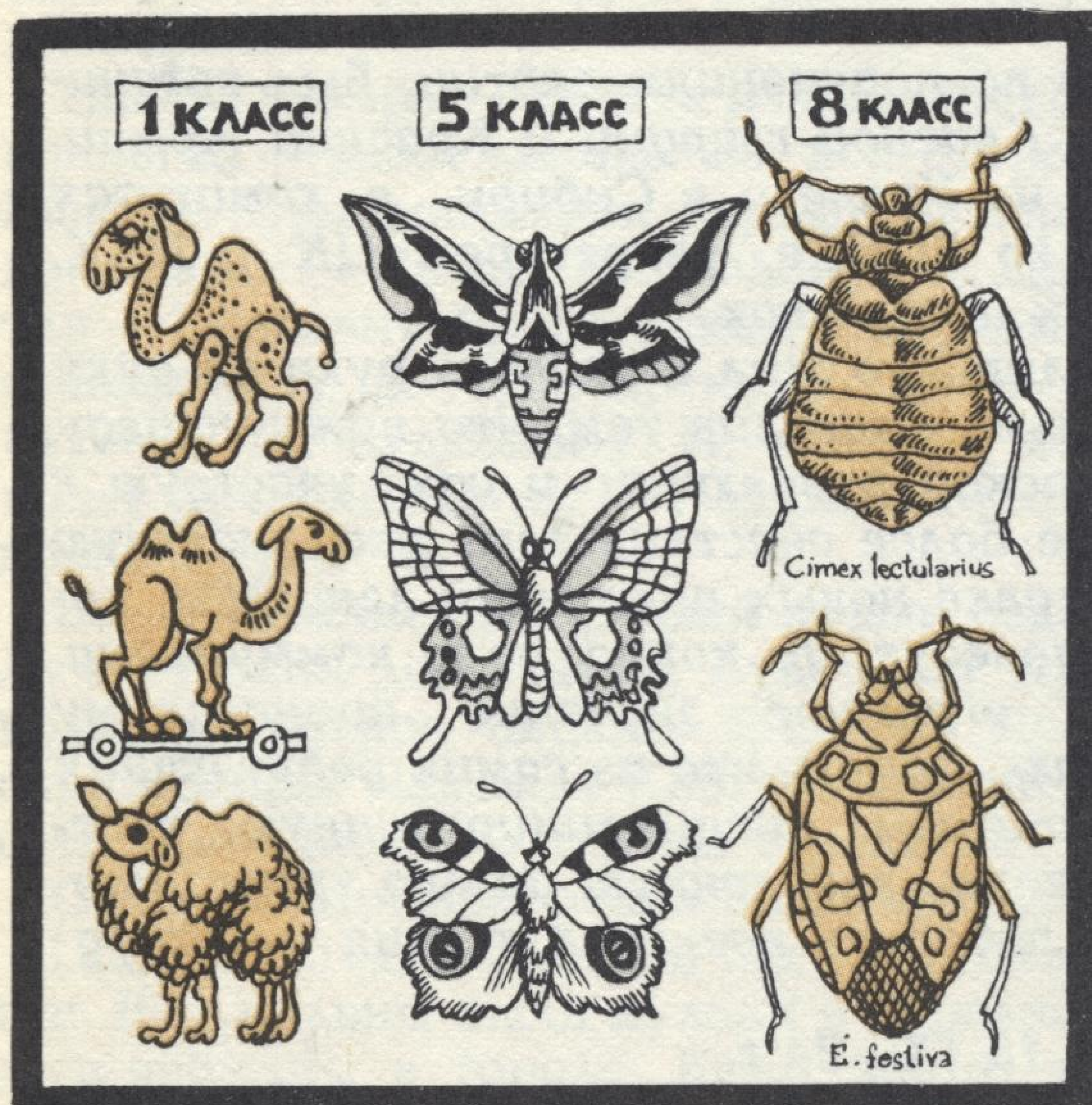
— Писать пробовали?

— Пока рановато, — скромно сказала она.

«Десяти лет начал вести дневник, куда заносил впечатления, выносимые из жизни и книг», — вспоминал Максим Горький.

«Сочинять» я стал чуть ли не с пяти лет», — говорил Александр Блок.

В первом классе мальчик коллекционировал игрушечных верблюдов, в пятом он ловил бабочек на даче, а в восьмом уже различал все виды насекомых и знал их латинские названия.

«Сочинять стихи начал лет с четырех. К одиннадцати годам я написал уже несколько длиннейших поэм и перевел оду Горация», — вспоминал С. Я. Маршак.

«Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой», — говорил А. Твардовский.

— Сами вы не пишете, а других наизусть помните? — спросил я девочку.

— Нет, у меня память плохая.

Не любит она литературу.

Любить предмет — это значит самостоятельно пополнять свои знания, не ограничиваясь тем, что узнаешь на уроках.

Каждый год я прошу своих выпускников рассказать, как они в разных классах увлекались своим любимым предметом. Вот таблица, которую сделал один мальчик, Владимир Мещеряков. Его любимый предмет — биология.

«1-й класс. Увлекаюсь верблюдами. Дома 17 штук игрушечных. Живых с натуры рисую в зоопарке.

2-й класс. Пробую собирать насекомых. Держу на даче грачей. Читаю книги Брема, Бианки, Пришвина.

5-й класс. Начал собирать бабочек.

6-й класс. Купил том «Фауны СССР».

8-й класс. Впервые попал в энтомологический кружок биофака МГУ. Разрешили работать с коллекциями зоомузея. Делаю доклад в студенческом кружке МГУ».

Полюбив предмет, вы должны использовать свои знания не только на данном, но и на других уроках.

Мой ученик Женя Умнов видел физические явления везде: в школе, на улице, дома и даже во сне. Он любил физику.

На уроке истории он поразил всех блестящим объяснением, как в археологии пользуются магнитной съемкой и электрозондированием.

Когда на уроке литературы мы говорили с ре-

бятами о Льве Толстом, Женя сообщил, что известный физик Цингер рассказывал Льву Толстому о жидком воздухе и сопровождал свое объяснение опытом. Женя достал и показал нам фотографию: Толстой слушает лекцию профессора Преображенского о рентгеновских лучах. Значит, Толстой интересовался физикой. Теперь ребятам стало ясно, почему в романе «Война и мир» писатель, образуя метафоры и сравнения, пользовался физическими терминами.

Другой ученик, Сергей Цыганков, был прирожденным математиком. Он искал ответы на интересующие его вопросы в цифрах и их сопоставлении. Все, что он узнавал, приобретало математический оттенок. В географии его особенно интересовала плотность населения разных стран, миграция. Он находил математические ошибки и несоответствия у писателей-фантастов. Сергей сообщил товарищам, что в личной библиотеке Пушкина были труды по математике. И напомнил слова поэта: «Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».

Читая «Войну и мир», Сергей отметил развернутые математические сравнения, к которым прибегал Толстой, раскрывая свое понимание законов истории. Ему особенно понравилось сравнение устройства армии с фигурой конуса.

Желая представить историю мира в цифрах, он принес на урок схему, найденную им в одной из статей, примерно в миллион раз уменьшавшую временные пропорции. В этом масштабе получалось, что первые рисунки неандертальцев были сделаны позавчера. Вчера в полночь пал Рим. И сегодня около 10 часов утра заработала паровая машина Уатта. Двадцать три минуты прошло с того момента, как тронулся с места автомобиль, более похожий на коляску, чем на современную машину. Шесть минут назад люди овладели разрушительной силой атома. Каких-нибудь два-три десятка секунд отделяют нас от того момента, когда советские ученые заставили эту силу покорно служить в котлах электростанций и атомоходов.

В 1964 году Лев Кассиль рассказал мне о двенадцатилетней московской школьнице Наде Рушевой. Вскоре ее рисунки появились на страницах журнала «Юность», а выставки — в толстовском музее и в Центральном Доме работников искусств. В 17 лет, незадолго до окончания школы, Надя Рушева внезапно скончалась. Она оставила около 11 тысяч рисунков.

Ее интересовало все: мифы Древней Греции и сказки всех времен и народов, многонациональное шумное население «Артека» и балет, биография Пушкина и «Война и мир», трагедии Шекспира и «Маленький принц» Экзюпери, мир животных. Все это она рисовала настойчиво и неутомимо.

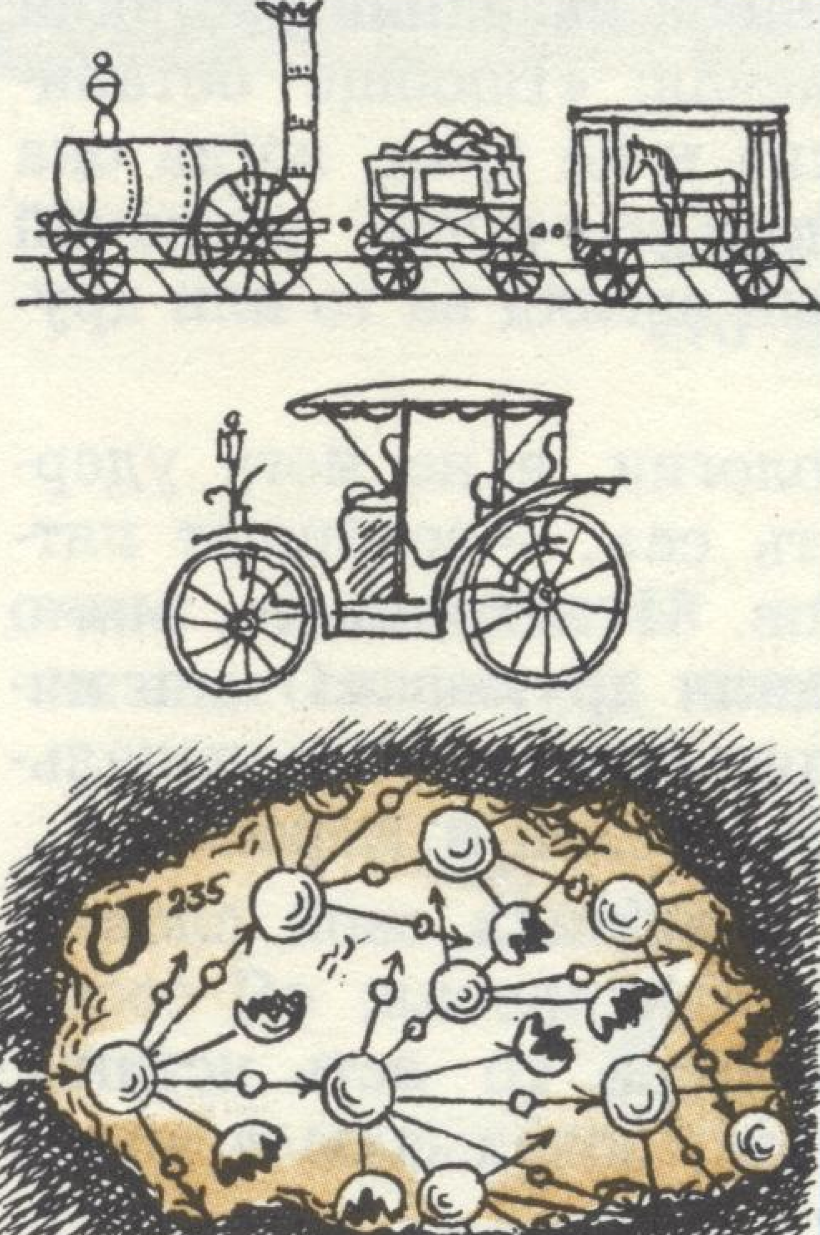
В ее рисунках к биографии Пушкина даны те моменты его жизни, о которых не рассказывает учебник. В «Войне и мире» она увидела то, чего не заметили или иначе поняли большие художники, до нее иллюстрировавшие роман.

Чернилами, фломастером, акварелью Надя Рушева выражала свое отношение к жизни. Она ни к чему не была равнодушна.

«Читала она не по летам много, любила музыку, танцы, театр, кино, бывала в музеях, на выставках и в мастерских художников Москвы, Ленинграда, Горького, Варшавы. Успевала вести обширную переписку с друзьями, особенно по Артеку-67: она была участницей III Всесоюзного слета пионеров», — писал в статье, посвященной памяти Н. Рушевой, замечательный

Время, прожитое человечеством, в этой схеме сжато в один миллион раз. Позавчера были рисунки неандертальцев, вчера пал Рим, сегодня люди овладели силой атома.

художник В. Ватагин. Читая ее письма к ребятам, говорит он, видишь, какой там кладезь острых наблюдений и чистых мечтаний. Увлечение живописью сделало ее богаче, взрослее сверстников.

Те, у кого любовь к избранному предмету глубока, всегда интересны окружающим. Они впередсмотрящие.

Хочу верить, что большинству ребят хочется иметь свое увлечение, которое бы сделало более щедрой их жизнь. Но как, — я предвижу такой вопрос, — как работать? Как добиться успеха в той области знаний, которая, возможно, станет делом всей жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, расскажу вам о крупнейшем ученом, филологе Алексее Шахматове.

В Москве, у Покровских ворот, сохранилось здание 4-й гимназии. Здесь в семидесятых годах прошлого века он учился. Двенадцатилетний гимназист коллекционировал слова из различных языков. «Милой филологии», так он говорил, Шахматов отдавал весь свой досуг. От окружающих его людей и из книг Алексей старался узнать, как то или иное слово пишется и произносится на разных языках.

Сестре он посылает список названий растений на шведском языке, замечая: «Вообще ботаника только тогда интересна и не суха, когда она заключает сравнительное изучение названий растений и сравнительный взгляд на то или другое древних людей».

«Видя книгу по филологии, я не могу удержаться, чтобы не купить ее», — сообщает пятнадцатилетний Шахматов. И находит то, мимо чего равнодушно проходили другие: «Очень интересная книга, где описывается первоначальный язык наших представителей в Европе».

Гимназист не только пополнял свой словарный запас. Он и экспериментировал: «Я составил филологические теоремы, то есть истины, требующие доказательства; доказываю я алгеброй».

Через четырнадцать лет за диссертацию, представленную на степень магистра, он получил степень доктора, а через год тридцатилетний ученый избирается в Академию наук.

Так увлечение детства переросло в призвание.

Любить предмет — это значит самостоятельно ставить вопросы, искать и находить ответы на них, делать свои знания полезными для окружающих.

Придумывать и фантазировать мало, надо собственными руками осуществлять придуманное, постоянно продвигаться к намеченной цели.

Крупнейший специалист по кибернетике, Герой Социалистического Труда академик Виктор Михайлович Глушков вспоминает: «Еще в школе по чертежам какого-то журнала я смастерил электрическую пушку. Убедившись, что работает она неустойчиво, решил сконструировать автоматический прицел с дальномером и автоматической регулировкой тока. Для этого нужны были обширные знания, которых у меня, тогда пятиклассника, не было. Но охота пуще неволи. Я взялся за аналитическую геометрию, дифференциальные исчисления, добрался до самого Ландау (но это уже в старших классах).

...Я делал довольно интересные вещи: микрофоны, точные приборы, управля́емые по радио модели. Но лучше мне удавалось составление и расчет новой схемы приемника, чем его изготовление».

Я рассказал о том, как учились и работали люди, судьба которых стала исключительной: о девочке четырнадцати лет, участвовавшей во многих выставках, гимназисте и школьнике, которые стали впоследствии известными учеными. Обратите внимание: исключительными людьми они стали именно потому, что с детства были преданны своему любимому делу, отдавали ему все свободное время, постоянно стремились узнать как можно больше.

Вы спрашиваете: откуда черпать знания? Из книг. Читать нужно как можно больше, отбирая книги по тем вопросам, которые вас особенно интересуют. Увлекательную книгу старайтесь передать тем, кто ее еще не читал. И расскажите о ней так, чтобы у ваших собеседников дух захватило от интереса.

Книга не единственный источник знаний. Интересные люди, природа, искусство расскажут вам не меньше, чем книги. Ищите интересных людей. Их много вокруг вас. Ищите единомышленников. Среди взрослых и ровесников, в школе, в кружке, в библиотеке.

Присматривайтесь к увлечениям других людей. Может быть, вы обнаружите что-то интересное и для себя. А тем, что хорошо знаете сами, щедро делитесь. Знания залеживаются и плесневеют, если вы храните их только для себя. Они напоминают хозяйство Плюшкина.

Помогая товарищам, вы получаете больше, чем отдаете. Для того, чтобы объяснить, что хорошего я увидел в книге, спектакле или услышал в беседе с интересным человеком, я должен мысленно взвесить и продумать все, что я хочу рассказать.

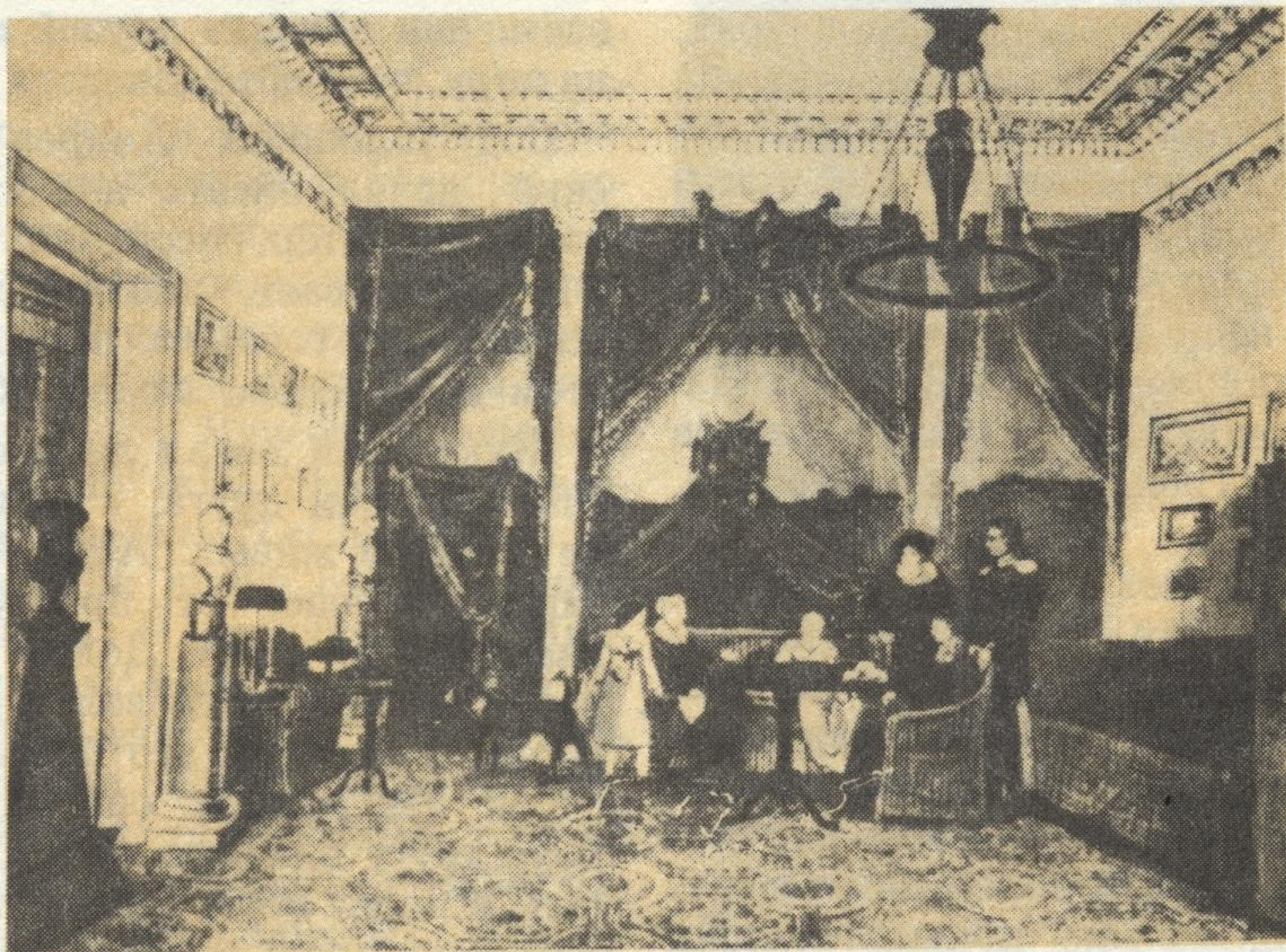
Занимайтесь любимым делом настойчиво, убежденно и добросовестно.

Мы называем это растение «горох», англичане — «peas», чехи — «grăh»...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

О чем рассказали портреты, или краткая история жизни Василия Андреевича Жуковского

«Что за прелесть чертовская его небесная душа!..»
А. С. Пушкин

Бывают комнаты, которые передают характер владельца, похожи на него. О спальне в доме поэта Василия Андреевича Жуковского этого, пожалуй, не скажешь: комната для своего времени обычная. Почему же мы начинаем с нее рассказ?

Обратите внимание, сколько портретов на стенах!

Люди первой половины XIX века любили окружать себя портретами близких. Фотографии изобретено еще не было. И портреты тех, кого хотелось видеть часто, всегда, заказывались художникам. Благословенный, как выяснилось, обычай! Благодаря ему мы в лицо знаем не только Державина, Жуковского, Пушкина, но и всех, кто был рядом с ними.

К счастью для нас, образованные люди той эпохи умели рисовать. Вы, наверное, видели рисунки Пушкина. Его энергичное, скорое перо, мгновенно схватывающее сходство, запечатлело друзей, знакомых, фигурки литературных героев, самый ход его мыслей: вот тут он остановился, задумался — и мы знаем, о чем. Сохранились и рисунки Жуковского. Рисунки эти драгоценны, потому что жизнь поэта рассказывается в них как бы его собственными словами.

Разглядывая рисунки, сравнивая между собой портреты Жуковского, написанные его современниками, мы лучше поймем и этот необыкновенный характер и строй его стихов. Перед нами приоткроются «окошечки» в эпоху, в жизнь, совсем на нашу не похожую.

Рисунок первый. Детство

Кто эта женщина? Почему она сидит, так странно скрестив ноги? Это мать Жуковского. Она была турчанкой. Во время русско-ту-

рецкой войны убит ее муж, разграблен дом, а сама она, шестнадцатилетняя вдова, привезена из Бендер в село Мишенское. Вместо турецкого имени Сальха получила русское Елизавета Дементьевна. И стала Елизавета Дементьевна домоправительницей в доме помещика Бунина.

Неслышно двигалась она по дому, в присутствии господ не смела сесть, перед сыном робела. Сын ее Василий рос в помещичьих покоях, среди девочек Буниных. Они вместе учились, бегали по парку и дубовой роще, ставили спектакли. Пьесы сочинял двенадцатилетний Василий Жуковский. «Камилл или Освобожденный Рим» называлась его первая пьеса. В длинных белых рубашках, с венками на головах девочки изображали римских сенаторов. Вместо занавеса — простыня, плошками для светильников служили скорлупки от грецких орехов. Забавно, весело!

И все же от детских лет осталось у Жуковского чувство одиночества, привкус несчастья, обделенности теплом. Обдумывая свои детские годы, он запишет в дневнике: «Не имея своего семейства, в котором я бы что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных мне, принадлежащих по праву, я привык отделять себя от всех, потому что никто не принимал во мне особливого участия, и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем...»

И все, что не смогла дать ему семья, подросток стал искать в дружбе.

Портрет, которого нет в нашей коллекции, и тем не менее очень важный

Жаль, что нет у нас портрета Андрея Тургенева. Вот кто в жизни Жуковского сыграл огромную роль! Не просто друг — старший друг, умный друг, поэт. С братом его Александром Жуковский учится в Московском благородном пансионе. Андрей уже студент. Он самостоятелен в суждениях, у него пылкое сердце, нетерпеливое воображение. Юноши вместе читают Шиллера, делятся мечтами. Но Андрею Тургеневу кажется, что дружба может стать чем-то бо́льшим. Это не только встречи, прогулки, споры и признания. Глазами друга меряешь, проверяешь всякую свою мысль и поступок, дружба — честное зеркало. Это Андрею Тургеневу принадлежит идея создания Дружеского литературного общества. «Что соединяет нас всех в одно, — говорится в уставе общества, — это то же, что до сих пор составляло радость и счастье нашей молодости, это дух благий дружества, сердечная привязанность к своему брату, нежное благожелательство к пользам другого...»

1 и 7 апреля — для членов общества дни особые, праздничные, в эти дни они встречаются. А если кто-то из них окажется в разлуке с другими, он должен вспоминать отсутствующих (так позже Пушкин будет праздновать лицейскую годовщину). В 1802 году Андрей Тургенев по службе уезжает в Вену, но и оттуда летят письма. Причем письма пишутся одному и всем, они обходят друзей вкруговую, как чаша на пиру, всех объединяя.

Под влиянием Андрея Тургенева Жуковский начал писать дневник, всматриваться в свой характер, особенно отмечая недостатки. Он обдумывает, как избавиться от медлительности, как говорить правду, не оскорбляя при этом достоинства людей, как побороть зависть.

Жуковский писал дневник, как бы под строгим взглядом друга, в то время как друга уже не было в живых. Андрей Тургенев умер внезапно, нелепо, от простуды, не дожив и до двадцати двух лет. Долгие годы Жуковский горевал, живо чувствовал утрату. Любовь к другу он перенес на его брата Александра. Почти сорок лет делили они радость и горе, дарили друг другу близких людей, всех близких соединяя в один круг, как делал Андрей Тургенев. Замечательный юноша наделил их пламенным и нерушимым чувством дружбы. К друзьям прежде всего обращены стихи Жуковского:

И где же вы? Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
Разведены мы в разные края...
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О, верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.

(«Цвет завета»)

Если вдуматься, до чего бедна внешними событиями жизнь Жуковского — по пальцам можно пересчитать! (Трудно приходится его биографам.) И сколько в ней движения силы душевной! Если в ровное течение дней и врываются события, они так и остаются незавершенными, размытыми: начало всегда энергично, а концы словно бы потеряны. В самом деле, вот в 1812 году (ему уже двадцать девять лет) он вступает в московское ополчение. В решающий момент Жуковский даже был на Бородинском поле, но полк так и простоял в резерве: взрывы снарядов, бегущие фигурки Жуковский увидит издалека. Воином он так и не стал, его положение в армии точно определяет название стихотворения «Певец во стане русских воинов». Он сочинял бюллетени о боевых операциях. А когда русская армия начала победное наступление, Жуковский заболел и был отправлен домой.

В балладах, которые переводит поэт, происходит столько странных, мрачных и героических событий: дерзкий паж бросается за кубком в пучину морскую («Кубок»), рыцарь Де-

лорж входит в клетку с разъяренными львами и тиграми («Перчатка»); жадного, злого епископа Гаттона, не пожелавшего поделиться с голодными хлебом, раздирают крысы («Суд божий над епископом»); любовь к Франции поднимает императора Наполеона из гроба, и он устраивает своим войскам смотр («Ночной смотр»).

Как послушно передает гибкий стих поэта движение. Прочтите вслух строчку: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой» — и вы услышите стук копыт, что ни слово — удар, увидите, крупно, как в кино, ноги скачущего коня. Странная особенность стихов Жуковского заключается в том, что при подвижности ритма герои баллад застыли, застигнутые на месте одним переживанием, одним состоянием, как скульптурные изваяния. Навсегда замерла перед зеркалом Светлана: «Подпершися локотком, чуть Светлана дышит» («Светлана»), в страхе прижались друг к другу отец и сын в балладе «Лесной царь». И царская дочь Минвана, которая любит молодого певца, но не может стать его женой, всю жизнь будет ждать его под деревом свидания («Эолова арфа»). Неподвижная, застывшая фигурка, полная тихой скорби. Они замерли словно бы под тяжестью сильного, я бы сказала, монолитного переживания: если уж любовь, так и смерть над ней не властна; если героя толкает на поступок достоинство — достоинство это самой высокой, золотой пробы, и жадность поэт изображает не обычную — сверхъестественную, злодейскую. В балладах (как и в жизни Жуковского) главным становятся не события, они в названии пересказаны, а чувства, состояния его героев.

История «Эоловой арфы», история бедного певца, отправленного в вечное изгнание деспотичным царем, — история любви Василия Андреевича Жуковского. В балладе есть слова, которые часто выводил он в письмах, мечтая о будущем: «веселое вместе».

Но почему так грустно, так несчастливо обрываются все истории Жуковского, почему не сбываются?

Рассказ о двух портретах

Вскоре после окончания пансиона он стал воспитателем в родственной семье Протасовых, у него две ученицы — Саша и Маша. С Сашей он дружит, бегает наперегонки, смех ее звучит то в доме, то в парке. Саша проказница. Зазвучит ее смех в ритмах баллады «Светлана», ей посвященной: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали»... Саша оставила нам портрет Жуковского тех лет.

А вот другой рисунок, набросанный рукой поэта, — Маша Протасова, сдержанная, поэтичная, молчаливая. Ей семнадцать лет. Жуковский полюбил свою ученицу. Они мечтают о счастье, планируют «веселое вместе». По

складу характера они похожи, они и чувствовали себя единой душой, разделенной на две половинки. Они писали один дневник, по очереди передавая его друг другу.

Но мать отказалась выдать Машу Протасову за Жуковского. И долгие годы, до смерти Маши, они продолжали любить друг друга издалека.

История портрета, оцененного в человеческую жизнь

Вот портрет Жуковского, написанный талантливым живописцем Карлом Брюлловым. История его прекрасная и жуткая одновременно.

Разве не жутко представить, что во времена Жуковского, когда поэты писали прекрасные стихи и творили художники, человек мог принадлежать другому человеку. Буквально принадлежать, как вещь. Так принадлежал Тарас Шевченко помещику Энгельгардту. Застав однажды «мальчика» за неположенным занятием: он срисовывал портреты в гостиной — Энгельгардт приказал выпороть его на конюшне. Но потом, подумав, что в имении свой портретист пригодится, отправил его в учение к «комнатному живописцу» Ширяеву. В Летнем саду, где Тарас копировал статуи, его заметили петербургские художники и решили выкупить способного юношу. Энгельгардт заломил цену по тем временам огромную: две с половиной тысячи рублей. Таких денег не было ни у художников, ни у Жуковского, который принял участие в судьбе юноши.

Тарас был в отчаянии. От потрясения он заболел. И тут к нему пришли с известием, что с сегодняшнего дня он, Тарас Шевченко, вольный человек. Деньги были выручены за тот самый портрет, с которого начался рассказ. Брюллов написал портрет Жуковского, портрет разыграли в лотерею, и Тараса Шевченко выкупили. Вот какой это дорогой портрет: он спас человека.

Своих четырех крепостных Жуковский отпустил на волю еще в 1820 году. Он был человеком деятельной доброты. Он не умел оставаться равнодушным, пройти мимо чужой беды. Для него просто не существовало понятия «чужая беда». Беда — значит, необходима помощь.

Своим положением при дворе (он был воспитателем наследника) Жуковский пользовался, чтобы помогать людям: снова и снова просил он царя о смягчении участи декабристов; Герцену было невмоготу в захолустной Вятке, куда его сослали, и Жуковский добился, чтобы Герцена перевели во Владимир. Столько раз приходилось ему сопровождать просьбы словами: «Я за него поручиться могу!» Пока Николай I не прикрикнул на воспитателя сына: «А кто мне за тебя поручится!» И всю ночь Жуковский писал царю письмо: «...я защищаю тех, кто вами осужден или обвинен перед вами... Разве вы не можете ошибаться? Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно?.. И разве могу, не утратив собственного к вам уважения и вашего, жертвовать связями целой моей жизни».

«Его стихов пленительная сладость...»

Портрет художника Кипренского воспроизводят почти во всех сборниках поэта. Художник хотел передать и подвижные, живые черты мечтательного юноши и душу поэзии, загадочную, таинственную, романтичную. Она любит развалины замков, туманы и тайны. Мы, сегодняшние люди, чувствуем поэта несколько иначе. Почему дошел до нас тихий (слово «тихий» — любимое) голос Жуковского?

Чтобы понять это, вспомним еще раз Державина, который свалился на русскую поэзию грохочущим водопадом. Землю и государство Державин видит как бы сверху, в блеске нестерпимом. Стихиями, молниями, ветрами, войнами, явлениями монархов и похоронами героев он распоряжается, как бог и как ребенок. Державину мало сказать о водопаде: «далече рев в лесу гремит». К реву он добавит «стук млатов», «визг пил и стон мехов подъемных». Он замешает в этот адский оркестр громы, озорно и театрально эхом прокатится по строке: «Грохочет эхо по горам, как гром, гремящий по громам» («Водопад»).

А сверкание в его стихах такое, что глазам больно от злата-серебра. «Какое зрелище очам!» — воскликнет он восхищенно. Мир для него — прекрасное театральное зрелище, радость и механизм которого он живописует в стихах.

Жуковский открыл мир в душе человека, мир ничуть не менее грандиозный. Потому что в человеческих чувствах и мыслях отражаются и земля, и небо, и люди, и государства. Сам он жил «жизнью души» и вдохнул ее в поэзию.

Вот чем близки нам его стихи: в них и сегодня жива деятельная «небесная» душа Жуковского — его доброта, верность любви и дружбе, отвращение ко всякому злу, детское непонимание самого механизма зла.

«Тихий» голос, конечно, больше подходит к Жуковскому. Он вслушивается в неуловимое, улавливает мгновенное, даже в стихах о природе поэт пытается остановить падение листка или летучий его блеск:

Лишь сорван ветерка минутным дуновеньем
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

Самый лад, строй стихов перестраивается. Державин запечатлел мощь и державную твердость русской речи — рычащие, скрежещущие звуки согласных. В мелодичных стихах Жуковского русский язык запел, зазвенел. Поэт дунул в гласные, как музыкант в дырочку флейты — и такая полилась мелодия! Пушкин считал его своим учителем. Это Пушкин писал о Жуковском:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость.

И. АНДРЕЕВА

Перчатка

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прянул;
Но видит льва — робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицы взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Ночной смотр

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под Русских снегов,
С роскошных полей Италийских,
Встают с Африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сертук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг;
И ФРАНЦИЯ — тот их пароль,
Тот лозунг — СВЯТАЯ ЕЛЕНА.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

ИЗЮМ НА ДЕРЕВЕ...

Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Когда вы говорите или пишете, что вам приходится делать?

Ну, само собой разумеется, прежде всего — так искусно подгонять друг к дружке звуки или буквы, чтобы из них получались слова.

Однако каждому, казалось бы, ясно, что, составьте вы из букв хоть сто тысяч слов, толку не будет, если их россыпью вывалить на страницы будущей статьи или книги.

«Казалось бы»,— написал я... По-видимому, понимать это надо так: «а на деле получается совсем по-иному». И я действительно хотел именно это сказать.

Странно: да ведь еще до школы мы уже выучиваемся связывать слова в предложения. Написав «вороной», вы уже никак не поставите рядом ни «бык», ни «кот», вы присоедините к этому прилагательному только слово **«конь»,** показав тем самым, что вы умеете так согласовывать слова друг с другом, чтобы из них, в общем, складывались осмысленные предложения, фразы. Не так ли?

По-моему, уже в третьем-четвертом классе все хорошо умеют делать это. А если так, зачем же весь этот шум? Почему мне пришло в голову писать о таких всем известных вещах да еще поставить вверху столь непонятное заглавие: «Изюм на дереве»?

Читайте дальше. Вот точная копия одной этикетки, которую я в свое время бережно снял с консервной банки и уже лет десять, если не больше, тщательно храню. И вот пригодилась!

ОГУРЦЫ СТАНДАРТНЫЕ СОЛЁНЫЕ 1кг.

БАЗА ПО ТОРГОВЛЕ ДИКОРАСТУЩИМИ СУХОФРУКТАМИ И ПРОЧИМИ ПЛОДАМИ.

Ленинград, Такая-то улица, 78

Все мы слыхали в детстве присказку про страну, где молочные реки текут в кисельных берегах. Но мы так и понимали: это для смеха. Этого не бывает.

А тут — смотрите-ка! Тут речь идет о куда большем чуде.

ДИКОРАСТУЩИЕ СУХОФРУКТЫ! Ведь это же благодать! Идешь, смотришь — деревце, а на его ветвях густо-густо, гроздьями, висит сушеный чернослив. А на соседнем дереве — абрикосы-курага с уже вынутыми косточками. Между деревьями вьется лоза, и с нее свешиваются тяжелые кисти ИЗЮМА... Как изюма? Винограда!

Да ничего подобного: и-з-ю-м-а! Ведь «база»-то торгует не просто фруктами, а СУХОФРУКТАМИ. И берет она их не из каких-нибудь складов, а просто из леса. Потому что это сухофрукты — не какие-нибудь, а ДИКОРАСТУЩИЕ!

Вы скажете — «какая чушь»! Это-то сказать просто. Но ведь того, кто написал эту этикетку, казалось бы, не в чем обвинить. Он из правильно подобранных букв составил совершенно правильные слова: «сухофрукты». Есть такое слово? Есть. А «дикорастущие»? Тоже есть. Этот человек знал грамматику. Он не знал одного: не **каждое** слово можно соединить с **каждым,** грамматически подходящим. Вот у него и получился «изюм на дереве».

Я иду по улице, точнее — через улицу. Издали я вижу наклеенную на стену газету. И останавливаюсь с риском попасть под автобус, потому что не могу ничего понять. На газетном листе крупно напечатано:

СЕНА — ВОЛГА

Я приближаюсь к газете как завороженный. Что это значит? «Целая Волга сена», «Целая река»? Или «Волга» — легковая машина? Но тогда его немного? А может быть, это обращение к косцам Поволжья: «Сена, Волга! Даешь больше сена!» А может быть, я неправильно ставлю ударение: речь идет о сенах? «Сенà, Волга! Сенà и хлебà!»

Только когда я проглядел первые строки статьи, я понял, что тут Сена — река. Разговор идет о дружбе между двумя европейскими реками. Но... Но — вместо благодарности автору за его свежую мысль — я рассердился. Он умеет составлять слова из букв. Он знает, что из составленных слов родятся мысли. Но он не знает, что **не все** слова МОЖНО ставить рядом. Эти — пожалуйста, а те — нельзя. Никак нельзя.

Я читаю: «Научно-исследовательский корабль «Академик Королев». Я радуюсь. Буквы отлично сложились в слова, слова прекрасно подошли друг к другу, и я вижу перед собой гордое судно на фоне ярко-синего моря.

Но вот в другом печатном органе я читаю: «Все суда хороши, но наш трехпалубный белоснежный красавец **«Доярка Анастасия Николаева»** смотрится лучше всех!» — и все уже пропало. Меня не охватывает уважение к отличной, по-видимому, труженице! Тот, кто написал эти строки, не может внушить мне восхищение красавцем кораблем. Он внушает мне только смех. И — досаду...

А вот объявление о телевизионном фильме. Напечатано: «ДЕЛО ДЕСЯТОЕ. Следствие ведут ЗНАТОКИ».

Я очень люблю эту телесерию, но мне уже не хочется ее смотреть. Ведь в русском языке «Это — дело десятое!» означает: «Это — нечто не важное. Это — мелочь, пустяки!» А писавший **о таком значении** сочетания двух этих слов забыл.

Вчера я прочел в одном журнале: «Я сидел и ел окрошку с девушками». Журнал был художественный, умный. Но я умоляю вас, милые мои очень юные читатели: когда вам придется говорить или писать — помните, что слова лукавы и коварны. Не кушайте окрошку с девушками! Ешьте ее попросту — с огурцами!

Есть у нас на Украине Мироновский научно-исследовательский институт. Там работает наш выдающийся ученый Василий Николаевич Ремесло. Сорта пшеницы, выведенные этим институтом, дали стране в денежном исчислении выигрыш порядка 1 миллиарда 600 миллионов рублей.

Из выступления товарища Л. И. Брежнева на встрече с руководителями Академий наук социалистических стран. 17 февраля 1977 года.

Создатель знаменитых мироновок — академик В. Н. Ремесло.

ПШЕНИЦЫ-РЕКОРДСМЕНКИ

А. В. КОЛОМАЦКИЙ,
кандидат сельскохозяйственных наук

Знакомьтесь: мироновки!

Пшеницы-мироновки высевают сегодня в нашей стране от Прибалтики до Алтая. Даже в Нечерноземье мироновка потеснила тамошних старожилов — ячмень, рожь, овес. Сегодня почти каждый второй гектар пшеничной озими засевается этими сортами.

И земледельцы Чехословакии, Польши, Венгрии, ГДР, Румынии знают, сеют эти щедрые сорта на тысячах гектаров и получают ежегодно богатые урожаи.

Недавно на знамени института рядом с высшей наградой нашей страны — орденом Ленина — засверкал орден Труда Чехословацкой Социалистической Республики. Так отблагодарил братский народ наших ученых за новые сорта.

Создал эти удивительные сорта дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик Василий Николаевич Ремесло. О нем, о его работе сегодня наш рассказ...

Спросите у тех, кто растит хлеб: чем хороши мироновки?

«Морозов не боятся!» — скажут одни.

«Нетребовательны к почве, к влаге, солнцу», — добавят другие. Мироновская-808 везде дает приличный урожай, чего не скажешь ни об одном другом сорте пшеницы, даже самом знаменитом. Безостая-1, скажем, лучше всего наливает зерно в степи, Ильичевка — в лесостепной зоне.

В Подмосковье, в колхозе имени Макарова Одинцовского района, был собран рекордный урожай мироновки: 86 центнеров с гектара! Даже на черноземах не часто удается собрать половину такого урожая!

Мироновская-юбилейная открыла на наших полях эру стоцентнерных урожаев пшеницы. А еще недавно такие урожаи были фантастикой, несбыточными мечтами...

Мечта земледельца

Академик Николай Иванович Вавилов, выдающийся советский генетик и селекционер, считал, что идеальный сорт пшеницы должен превосходить все другие по сорока шести показателям, и прежде всего по весу колоса. Если колос жидковат, о таком сорте и разговор никто не будет вести.

Кое-кто из читателей, наверное, сейчас подумал: значит, надо вывести такой сорт, у которого по каждому признаку была бы пятерка! Сорок шесть пятерок! Пшеница-отличница. Но такого еще никому не удалось получить, и вот почему. Сорт создают для определенных природных условий.

Людям нужны сотни разных сортов пшеницы.

Там, например, где лето короткое, рады скороспелым сортам, а где лето подлиннее — хорошо, если пшеница подольше растет, набирает колос потяжелей.

Для манной крупы, макарон годится только твердая пшеница с янтарно-желтым, словно поджаренным на солнце зерном. Но зато из такого зерна ни румяного калача, ни пахучей украинской паляницы не испечешь...

Для сдобного хлеба, для тортов и пирожных нужны мягкие пшеницы, с рыхлым зерном.

В засушливых степях хорошо себя чувствуют пшеницы, не боящиеся жгучего солнца. У них корневая система особенная — она добывает влагу из глубоких слоев почвы. А в Нечерноземье, где солнца меньше, зато влаги достаточно и где нередко промокшие хлеба ложатся на землю, нужна пшеница с прочной, короткой, негнущейся соломиной — опорой колоса.

Вот и получается — на одну чашу весов селекционер кладет главные для данных условий признаки (вес колоса, качество зерна, зимостойкость), на другую — неизбежные потери (слабость соломины, подверженность болезням, нестойкость перед вредителями). Годами селекционер подбирает наилучшее сочетание признаков, которое позволяет растению давать наибольший урожай в данных условиях.

Над Мироновской-808 академик Василий Николаевич Ремесло работал тринадцать лет.

Другой известный конструктор пшеничного колоса, академик Павел Пантелеймонович Лукьяненко, затратил тридцать лет на создание Безостой-1.

Секрет новых сортов

Василий Николаевич Ремесло родился на Полтавщине. С детства он видел, как тяжела доля хлебопашца, как беспомощен порой человек перед природой, как ни во что может обратиться по воле стихий его труд.

Василий Николаевич всю жизнь считал себя в долгу перед хлеборобом, стремился своим трудом помочь земледельцу. Он мечтал, чтобы на поле пришли щедрые и стойкие пшеницы, чтобы хлебороб был уверен в богатом урожае, в том, что поле воздаст сторицей за его труд. И первые свои исследования по селекции пшениц он начал вести на опытной станции в Ростовской области. Там еще до войны он получил растения, которые в будущем могли бы стать новым сортом — тем, о котором он давно мечтал.

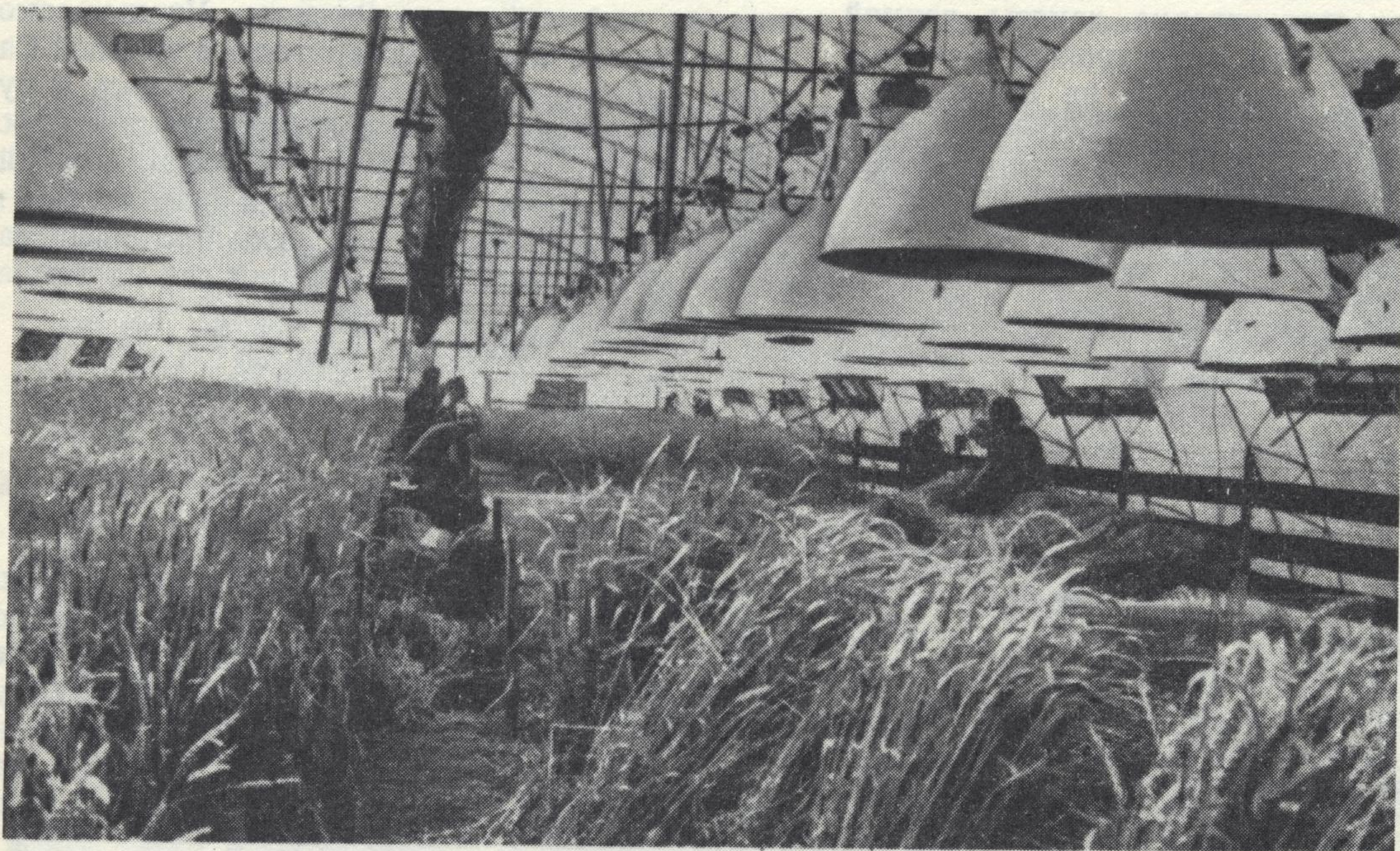
Работе этой помешала война. С вещмешком, где лежал килограмм тех самых драгоценных пшеничных зерен, Василий Николаевич прошагал до рейхстага. Бывало, бойцы посмеивались: «Не золото ли у тебя там, Василь?» И ученый серьезно отвечал: «Дороже золота».

Драгоценные зерна, которые стали давать прочные и обильные урожаи, ученый получил уже после войны, вернувшись на родную Украину.

Начинал свой поиск он, как и все селекционеры: сеял на опытных делянках пшеницы, не похожие друг на друга, родом из разных частей света. У одних — соломина в два метра высотой, у других — короткая, по колено; у одних — колос мощный, но зиму не выдерживает, другие — стойко противостоят прихотям природы, но колос у них легковесный.

Приходит время урожая. Селекционер изучает все эти столь разные колосья, примечает их достоинства и недостатки. А в сознании у него образ будущей пшеницы — зимостойкой, высокоурожайной — образ, который Василий Николаевич пронес с собой от Сталинграда до Берлина...

Из первого урожая ученый отбирает растения с теми признаками, которые он хочет видеть в своем новом детище. Пока они принадлежат разным растениям. Его задача — соеди-

В теплицах Мироновского института и зимой — под мощными светильниками — вызревают богатырские колосья.

нить их в новом невиданном сорте. Во время цветения он переносит пыльцу с одного растения на другое, скрещивает сотни колосьев. Осенью собирает урожай загадочных еще по своим качествам зерен. Их он высевает на следующий год, и вот тут с особым волнением ждет урожая...

Долго тянется время у селекционера: пошел второй год, а он все еще не знает, что принесло ему скрещивание.

И вот первый урожай совершенно новых растений. Каких только колосьев не увидишь на делянке! Признаки родителей проявились у потомства в самых разных сочетаниях. Здесь нужен глаз да глаз и особое мастерство. Отобрать ведь надо самое ценное!

На первый взгляд кажется: это просто — отбирай нужные тебе колосья. Но в Мироновском институте опытных делянок более тридцати тысяч. Сколько же колосьев растет на них! А среди них надо отыскать колосья не только самые плодовитые, но и обладающие другими важными для будущего сорта достоинствами — словом, колосья той пшеницы, которая еще не росла на земле, но которую ждут трудовые руки человека.

Во многих случаях скрещивание и отбор помогают селекционерам создавать новые сорта.

Но история мироновских пшениц иная. Василию Николаевичу Ремесло пришлось искать свой путь к тайнам этого древнего злака.

Рождение нового сорта

Перед советскими селекционерами была поставлена сложнейшая государственная задача: создать сорта озимой пшеницы для Нечерноземья и Прибалтики, Алтая и Белоруссии, для тех мест, где пшеница обычно вымерзает.

Это очень важно для нашей страны, где огромные территории издавна заняты озимой пшеницей. А кроме того, она и урожай дает больше яровых сортов и созревает на две-три недели раньше.

Сорт нужен был теперь богатырский — и урожайный, и неприхотливый, и с короткой соломиной, и, главное, не боящийся морозов.

Сортов с коротким стеблем в природе много — тут селекционеру есть что выбирать для скрещивания. А вот сортов зимостойких не так-то много.

Чтобы создать новый сорт, Василий Николаевич Ремесло не стал скрещивать известные сорта, он занялся «направленным изменением» яровых пшениц в озимые. Путь это тяжелый, никому еще не удавалось при этом получить не только зимостойкий, но и плодовитый колос.

Дело в том, что пшеница — неподатливое растение, на уступки идет неохотно, с трудом отказывается от сложившихся привычек.

...Давайте вспомним историю пшеничного злака.

Он пришел к нам из теплых краев — Ирана, Афганистана, Сирии, Ирака, нашего Закавказья. В течение многих веков пшенице не приходилось сопротивляться зимним холодам.

Зимостойкие пшеницы академика Ремесло родились в совершенно иных, более суровых условиях. Ученый сеял яровую пшеницу под зиму, то есть ставил ее в непривычные, неблагоприятные условия! Большинство растений погибало, но были и такие, которые все же выживали. При этом они даже внешне изменялись: уже с весны будущего года «одевались в шубу» — листья у них были опушены, колос остистый, покрытый восковым налетом.

Но самое главное — изменялись их наследственные свойства. Так, к примеру, у яровой пшеницы Народной обычно было 28 хромосом — главных носителей наследственности. А после перезимовки появились растения с 42 хромосомами. Конечно, это произошло не сразу — процесс этот длительный, и надо было им умело управлять.

В результате длительной работы мироновским селекционерам и удалось получить зимостойкие, податливые сорта пшеницы с хорошо наливающимся колосом.

Они-то и шагнули в те края, где раньше пшеница вымерзала. Сейчас мироновки выдерживают морозы в 19—20 градусов — если от холодов защищает снежный покров.

Но в очень суровые бесснежные зимы погибают даже закаленные мироновки...

Селекционеры продолжают работать. Они мечтают теперь о пшенице, которая выдерживала бы 23 градуса мороза. Тогда озимая ее форма могла бы спокойно расти и на Урале, и в Сибири, и на севере Казахстана, где огромные пространства засеваются пока яровыми хлебами.

В благородной борьбе за большой хлеб селекционеру сегодня помогают ученые других специальностей: физики, химики, даже кибернетики.

Сейчас в Мироновке строится фитотрон — станция искусственного климата. Ученые смогут создавать климат Антарктиды и знойной Сахары, субтропиков и высокогорья. Здесь и будет происходить отбор новорожденных колосков, не боящихся ни суровых морозов, ни знойных ветров. Те из них, кто выдержит холода и засухи, станут основой для создания новых растений — растений, которых еще нет на земле.

Школьники на мироновских делянках

Если летом пройдешься по дорожкам, которые разделяют многочисленные делянки мироновок, увидишь здесь и твоих сверстников: из местной школы № 4, из школ соседнего Богуславского района. Школьники помогают убирать урожай: серпами срезают колосья на делянках, обмолачивают зерно на миниатюрных

молотилках, считают в колосках количество зерен, расставляют этикетки... Но вот и закончена работа. Там, где еще недавно колыхалось золотистое хлебное море, стоит, словно щетина, желтоватая стерня.

По традиции юные хлеборобы рапортуют главному конструктору мироновок академику Василию Николаевичу Ремесло о своей работе.

Они рассказывают, как много узнали о хлебных злаках, о труде ученых, создающих хлебные растения. Говорят и о том, что многие из них собираются прийти сюда после школы, чтобы посвятить свою жизнь прекрасному делу создания новых сортов.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

К нам, в Мироновский институт селекции и семеноводства пшеницы, часто приходят ваши сверстники — школьники. Почти ежедневно получаю от них письма со всех концов нашей страны. Я хорошо знаю многих из этих ребят, слежу за их судьбой. Некоторые уже закончили школу, работают в колхозах и совхозах, учатся в ПТУ, сельскохозяйственных вузах и техникумах.

В их руках — будущее нашего сельского хозяйства, новые сорта, невиданные урожаи. И первую подготовку к этому, первую закалку ребята получают в школьных трудовых объединениях — в ученических бригадах и на опытных делянках, в школьных лесничествах и юннатских кружках. Здесь, в труде на земле родного колхоза или совхоза, рядом с товарищами по учебе и комсомолу крепнет у ребят уважение к труду отцов — чувство, заложенное с детства, но осознанное теперь заново.

Человек не может, мне кажется, не стремиться отдать свой сыновний долг родной земле. И я глубоко уважаю тех сельских школьников, которые чувствуют свою связь с родными полями, берут на себя ответственность за их будущее...

Недавно у нас в Мироновке проходила конференция молодых ученых. Собрались те, кто делает первые шаги в нашей науке, кто решил посвятить свою жизнь созданию колоса, полного крупных, отборных зерен, или, как говорят селекционеры, полнозерного колоса.

Особенно мне запомнилось выступление Лидии Коломиец.

Помню, как лет десять тому назад Лида пришла работать к нам после сельскохозяйственного техникума. Поручили ей сначала самое простое — считать, сколько зерен в колосе. Казалось бы, такая скучная и однообразная работа! Но Лида кропотливо, аккуратно считала и считала. Она понимала, как ее работа важна для ученых института — ведь речь шла о колосьях совершенно новых растений, созданных здесь, в Мироновке, в нашем институте пшениц.

Думаю, что трудолюбие передалось Лиде от ее родителей — крестьян, которые всю жизнь проработали здесь, на мироновской земле: отец — трактористом, мать — полеводом.

Потом Лида начала самостоятельно вести небольшие исследования на опытных делянках. Она почувствовала вкус к нашей работе и поняла, что знаний у нее еще не хватает. Лида поступила в заочный институт, окончила его, стала агрономом с высшим образованием.

И вот — ее первый научный доклад о том, как удалось разгадать одну из тайн пшеничного растения. Сколько вложено труда в эту работу, какую радость при этом испытываешь, трудно передать. Думаю, что Лида нашла свой путь в жизни, верю, что еще не одна загадка пшеничного колоса откроется ей...

Выбор профессии, своего места в жизни — самый ответственный момент в жизни молодого человека. К этому он готовится все школьные годы. И если будущий труженик сумел взять все, что дают ему школа, Дворец пионеров, юннатская станция, ученическая бригада, школьный цех, учителя и наставники, ему легче выбрать верную дорогу. Не теряйте времени, дорогие друзья! У вас впереди еще несколько лет—пробуйте себя, активно участвуйте в жизни и труде.

Многие из вас, я знаю, мечтают о счастье. О нем мечтают не только школьники. Но мне кажется, что это понятие мы нередко путаем с удачей, сиюминутным успехом. Настоящее счастье — это когда мы ставим перед собой большие цели и боремся за них всеми своими силами.

По новой Конституции ты, как гражданин СССР, имеешь право на выбор профессии в соответствии со своим призванием, образованием и с учетом общественных потребностей. Это право гарантирует всем вам, ребята, наша страна — могучая держава развитого социализма. Так пусть же школьные годы помогут и тебе сделать верный выбор, встать на тот участок, где ждет тебя страна.

Желаю тебе в этом успеха!

Василий Николаевич РЕМЕСЛО,
академик, дважды Герой Социалистического Труда.

Как сделать, чтобы стенгазета не была скучной? Кто выпускает стенгазету? Что такое «интервью», «планерка», «макет»? О чем писать в газету?

Об этом рассказывает вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» Ольга ДМИТРИЕНКО.

ДЕЛАЕМ ГАЗЕТУ

«У нас в отряде газета висит по нескольку месяцев. Новую выпускаем только к праздникам. О чем в нее писать, я не знаю... Получается, что все время в ней одно и то же». Так написала в «Горн» одна девочка.

Мне тоже приходилось видеть в отрядах такие газеты, похожие одна на другую. С чего же начать работу, если в твоем отряде висит именно такая газета?

На сборе отряда ребята выбирают в свою редколлегию пять человек. Решают, кто будет главным редактором. И вот от инициативы этих пяти, от их желания работать, от того, как сумеют они увлечь остальных ребят и организовать работу корреспондентов, и зависит, какой будет газета.

Мне вспоминается Оля, главный редактор газеты нашего лагеря в одну из летних смен. Ребята избрали ее и не ошиблись. Оля умела работать так, что и ребята всегда брались за дело с удовольствием. Если у нее что-то не получалось, она не обижалась: не получился рисунок, рисовала по нескольку раз, не нравилась заметка — переделывала. Работала очень сосредоточенно, терпеливо. За одну «Олину» смену мы выпустили семь газет, и ни одна не была похожа на другую.

Обычно, когда газета плохая, члены редколлегии оправдываются тем, что ребята не хотят писать в стенгазету, говорят, что «не умеют» и «не знают, о чем». Но ребят, которым не о чем рассказать, не бывает. Тут важно знать, кому что поручить.

Звеньевой может рассказать о том, как его звено готовится к сбору отряда, посвященному XVIII съезду комсомола. Ответственный за «Зарницу» — о том, как прошли зимние «маневры» армии «синих» и «зеленых». Можно взять интервью у самого занятого человека в отряде, который и учится хорошо, и спортом занимается, и в музыкальную школу ходит. Как он планирует рабочее время, чтобы все успевать? Мальчик, который занимается в Доме пионеров в кружке фотографии, может рассказать о работе кружка и поместить в газете свои самые интересные снимки. У каждого из ребят есть свое увлечение: кто-то собирает марки, кто-то любит рисовать. И поделиться радостью от занятия любимым делом этим ребятам поможет газета.

Поэтому редколлегия должна хорошо знать, чем живет каждый человек в отряде, чем он увлекается, как у него обстоят дела с учебой. А помогать ей в этом должны собственные корреспонденты газеты. Такие ребята, которым интересно помогать редколлегии делать газету, есть в каждом звене. Они лучше знают свое звено, а писать о том, что хорошо знаешь, всегда легче.

Чаще всего корреспонденты пишут для газеты заметки. Но если в газете **только** заметки, читать ее скучно. Должен быть и репортаж, и интервью, и несколько информаций. То есть ма-

териалы, как говорят журналисты, должны быть разными по жанру. Тогда и номера газет будут более разнообразными.

«В товарищеской встрече по хоккею между шестым «а» и шестым «б» победу одержал шестой «а». Это **информация.** Короткое сообщение. Чем больше информаций будет в газете, тем лучше ребята будут знать о делах дружины, отряда, звеньев.

Заметка может быть критической. Но писать в таких случаях надо тактично, чтобы не обидеть товарища, а помочь ему. Мальчики в который раз «забыли» пропустить девочек в школьный буфет первыми и устроили у дверей «кучу малу». Разве это не тема для заметки? Идут по школе ребята. Одни вежливы: «Добрый день! Здравствуйте!» Другие мчатся, расталкивая всех.

На страницах газеты может быть разговор с участием многих ребят.

Репортаж — это рассказ с места событий. Корреспондент должен так рассказать о спортивном соревновании, которое он видел, или о выставке рисунков, чтобы ребята, которые будут читать газету, словно сами, своими глазами их увидели.

Интервью для газеты можно взять у человека, личность которого интересна ребятам, чье мнение они хотели бы узнать. В стенгазете, посвященной Дню Победы, можно, например, поместить интервью с ветеранами Великой Отечественной войны, защищавшими ваш город.

Заранее попросив ребят написать материалы для очередного номера газеты, редколлегия проводит планерку. И на ней точно решает, что именно будет на этот раз в газете. И как лучше все разместить. И чем будет заниматься каждый член редколлегии.

Оформители делают макет будущей газеты. На обычном альбомном листе прикидывают, как разместить материалы. Макет надо продумать так, чтобы одна часть газеты не была перегружена, а другая не пустовала. Рубрики тоже надо разместить правильно: самые важные серьезные материалы размещаются в левой части газеты, юмор и сатира — в правой.

Заголовок надо написать так, чтобы он обращал на себя внимание. Название материалов можно нарисовать разными шрифтами.

Хорошо, если в газете будет много фотографий. Ведь в любом отряде есть ребята, которые неплохо фотографируют. Они могут быть фотокорреспондентами газеты. Фотография — это отличная иллюстрация.

Редколлегия газеты — маленький дружный коллектив. И жить ребята должны интересно. Надо встречаться с разными людьми, бывать на выставках, обсуждать вместе статьи из пионерских журналов и газет.

Ведь газета интересна тогда, когда ее делают интересные люди.

Отрядная газета — это орган совета отряда. Редактор входит в состав совета отряда. И весь пионерский актив должен помогать редколлегии.

Как часто должна выходить газета? Это вы решаете сами. Но одно могу сказать: выпускать ее нужно не от случая к случаю, а регулярно, тогда читатели будут ее ждать. И писать в газету начнет больше ребят.

Рисунок И. КРАСУЛИНА

Зона пионерского действия

Почти двадцать лет тому назад в нескольких школах Костромы собрались пионерские активисты и стали думать о том, чем занять свободное время. Долго спорили и решили провести пионерскую разведку: узнать, как отдыхают ребята, чем занимаются после уроков, как помогают родному городу.

Через несколько дней пионерская разведка донесла: тут каток пустует, там в детском саду нужно игрушки починить. В донесении были и хорошие вести: в библиотеке работает группа ребят и приводит в порядок потрепанные книжки, на почте пионеры разносят телеграммы и письма в праздничные дни, много ребят ходят в клуб интернациональной дружбы. Активисты обсудили данные пионерской разведки и решили: пионерские дружины должны действовать и после школьного звонка, там, где живут пионеры.

Кто-то предложил составить схему микрорайона школы, и впервые прозвучали слова **«зона пионерского действия».**

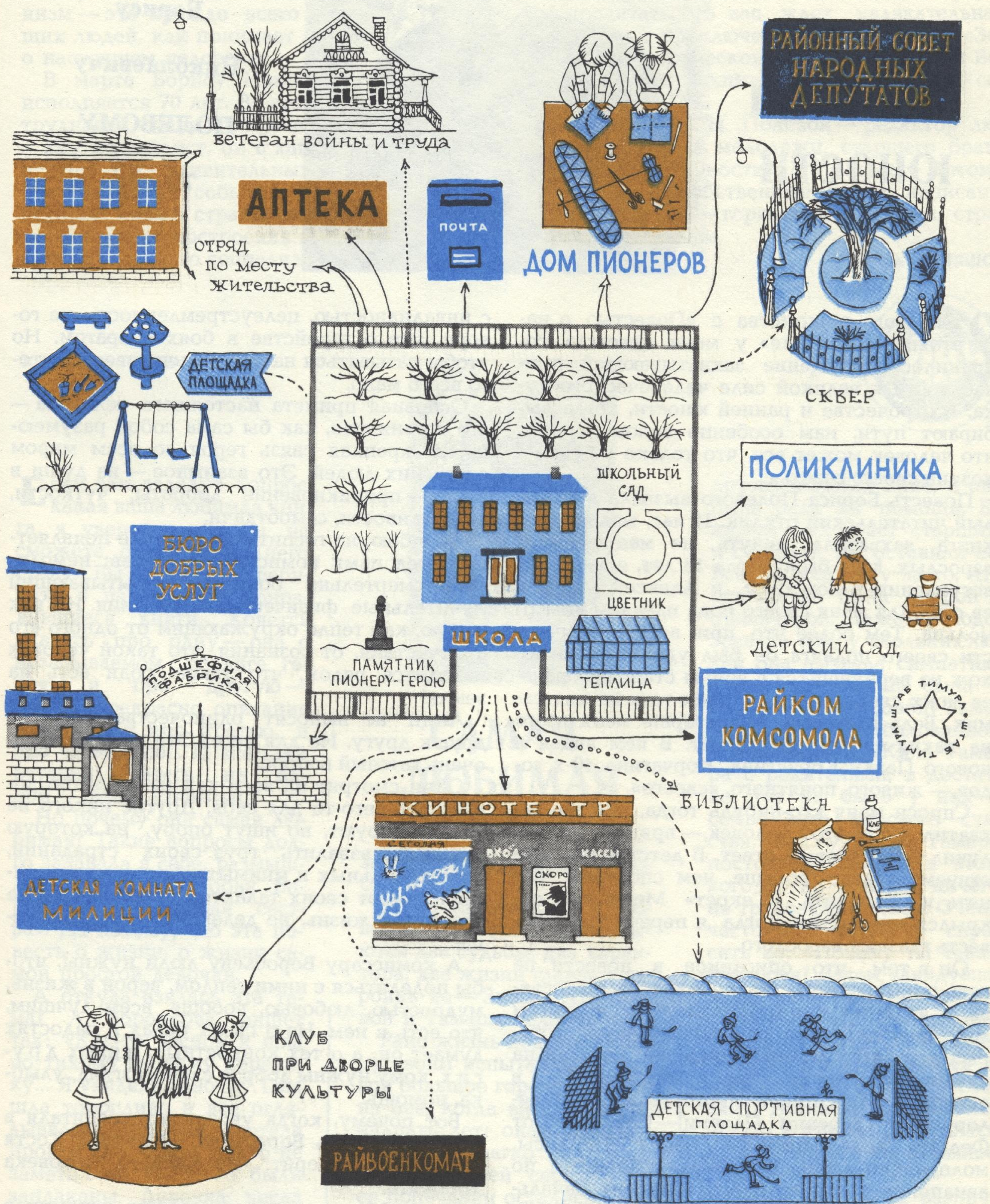
Взгляни на эту схему: перед тобой зона пионерского действия, такая схема должна висеть в каждой пионерской комнате — боевом штабе дружины. На ней обозначены районный Совет народных депутатов, райком комсомола, подшефная фабрика или завод, детская библиотека. Прежде чем составить план работы в зоне и назначить ответственных за нее, проведите пионерскую разведку, посоветуйтесь со взрослыми и узнайте, кому какая нужна помощь. В районном Совете народных депутатов, райкоме комсомола вы можете получить задания по озеленению улиц, на подшефной фабрике договориться о совместном субботнике, о шефском концерте для рабочих. В райвоенкомате и райсобесе вам помогут составить список ветеранов войны и труда, дать их точные адреса, и вы узнаете, кому из них нужна помощь. В детской комнате милиции вам посоветуют, как привлечь трудных ребят к работе дружины, как организовать отряд юных друзей милиции. В детском саду вас попросят отремонтировать игрушки, провести для маленьких ребят интересный утренник.

После того, как разведка соберет все данные, назначьте из пионеров-активистов ответственных за работу в зоне, за проведение отдельных пионерских дел.

В течение учебной четверти совет дружины два-три раза собирает всех пионеров, ответственных за работу в зоне, составляет вместе с ними подробный план работы на ближайшее время.

У пионерской организации нет каникул. Она работает постоянно и в дни школьных занятий и в свободное от учебы время. И если вы хорошо организуете работу, вам самим будет интереснее жить и отдыхать. «Пионеру» хотелось бы получить от вас схемы ваших зон пионерского действия, подробные сообщения о самых интересных ваших делах в дни каникул.

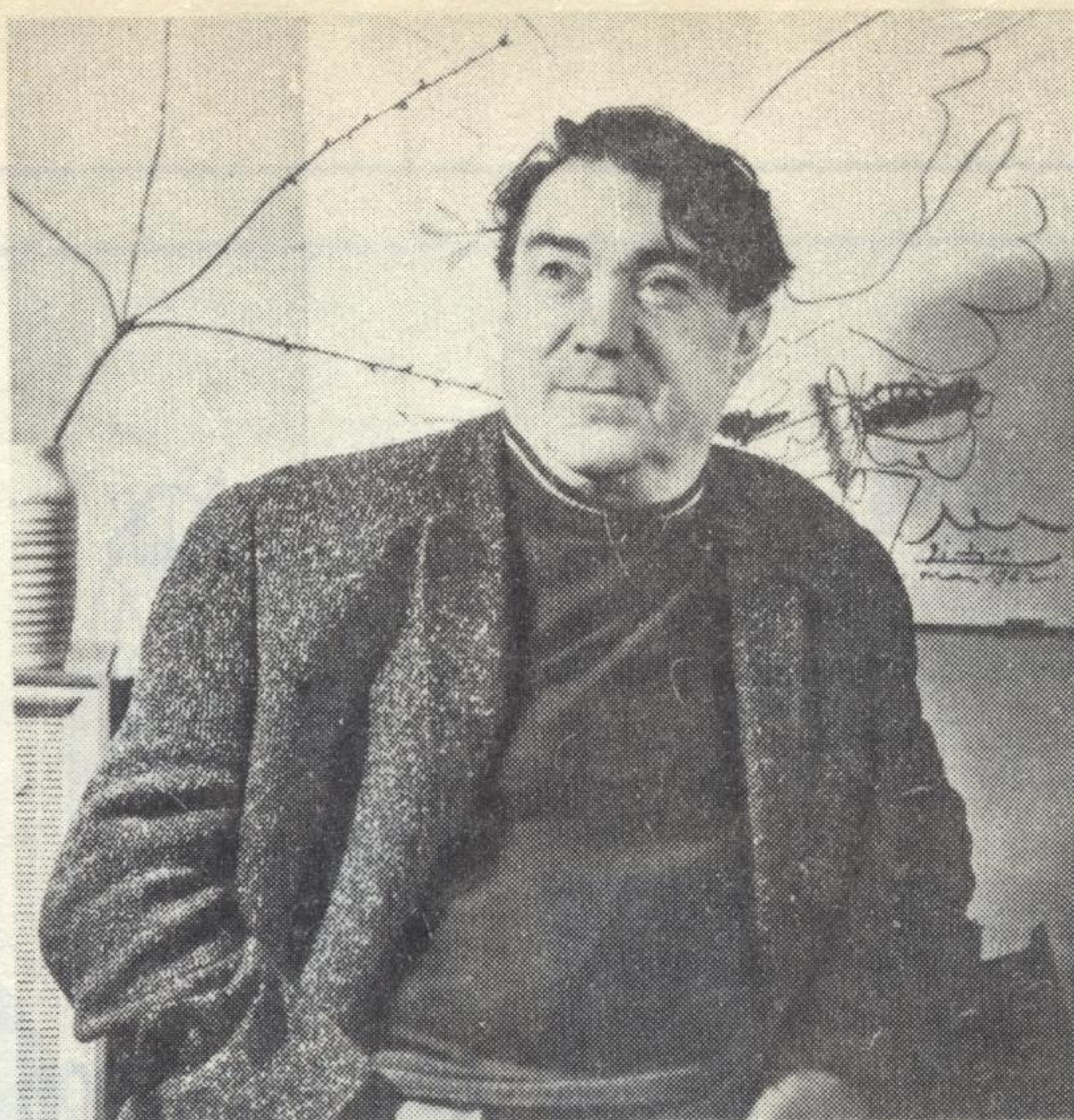
Ждем ваших писем.

Вот такую примерную схему зоны пионерского действия нарисовал наш художник. А что отмечено на схеме, которая висит в пионерской комнате твоей дружины? Расскажи нам об этом.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Языком юности

Борису Николаевичу ПОЛЕВОМУ 70 лет

От первого знакомства с «Повестью о настоящем человеке» у меня навсегда сохранилось ощущение захватывающей причастности к великой силе человеческого духа. В отрочестве и ранней юности, когда выбирают пути, нам особенно важно верить, что человек может все, что только он сам — хозяин своего счастья.

Повесть Бориса Полевого вызвала небывалый читательский отклик. И нас, мальчишек, книга захватила ничуть не меньше, чем взрослых. Мне было тогда 13 лет, я мечтал о вступлении в комсомол, и Алексей Мересьев стал для меня своего рода идеалом комсомольца. Тем более что при всей необычности своего подвига он был удивительно похож на вернувшихся с войны старших братьев моих сверстников, а в чем-то и на нас самих. Ведь Мересьев был старше меня всего на каких-нибудь десять лет. В нем видел я нового Павку Корчагина, Корчагина 40-х годов,— живого, понятного, «своего».

Спроси меня кто-нибудь тогда, чем же захватил душу этот человек,— вряд ли он получил бы толковый ответ. В детстве мы чувствуем гораздо больше, чем способны понять и объяснить. «Секрет» Мересьева открылся мне позже, когда я перечитывал повесть глазами взрослого.

Он в том, что описанное в повести не есть подвиг одного только Алексея Мересьева, а является как бы суммарным подвигом многих прекрасных советских людей, которых встречает тяжело раненный Алексей на труднейшем пути своего возвращения в авиацию. От жителей многострадальной белорусской деревни Плавни — Серёньки, от Федьки, деда Михайлы, бабки Василисы, молодой солдатки Вари — до товарищей по авиаполку, танкиста Гриши Гвоздева, начальника госпиталя Василия Васильевича, снайпера-сибиряка Степана Ивановича, медицинской сестры Клавдии Михайловны и еще многих — каждый из этих людей помогает Алексею выжить, поверить в свою мечту и осуществить ее.

Бесспорно, Алексей проявляет большое мужество, волю к жизни, упорство в борьбе с инвалидностью, целеустремленность, не говоря уже о геройстве в боях с врагом. Но чтобы называться настоящим человеком, этого всего мало.

Основная примета настоящего человека — это органичная, как бы сама собой разумеющаяся крепкая связь героя со всем миром советских людей. Это взаимное — из души в душу — проникновение доброты, чуткости, совестливости, самоотдачи.

Не в бою, на госпитальной койке появляется перед нами комиссар Воробьев: немолодой, смертельно больной, испытывающий мучительные физические страдания. Но как светло, как тепло окружающим от одного его присутствия, от сознания, что такой человек находится рядом, что такие люди есть на земле!

Люди не выносят одиночества, тянутся друг к другу. Но для чего? Это не праздный, очень важный вопрос.

Одни смотрят на всех как на средство достигнуть чего-то для себя. Другие никого не эксплуатируют, но ищут опору, на которую могли бы взвалить груз своих страданий, действительных и мнимых. И те и другие независимо от своих талантов и активности не украшают жизнь, не делают ее светлее, лучше.

А комиссару Воробьеву люди нужны, чтобы поделиться с ними теплом, верой в жизнь, мудростью, любовью, вообще всем лучшим, что есть в нем. Не о своих бедах и радостях думает он, а о тех конкретных, живых д р у г и х, кому нужны доброе слово, взгляд, улыбка, помощь.

Вот почему, когда увозят из госпиталя в последний путь Воробьева, лейтенант Костя Кукушкин говорит: «Настоящего человека хоронят».

И сам Мересьев позже скажет, вспоминая комиссара: «Хороший, настоящий... человек». Как аккумулятор от источника тока, заряжаются Мересьев и многие другие герои повести от комиссара его добротой, оптимизмом, святым умением быть не в тягость, а в радость и в поддержку другим, как бы самим при этом ни было тяжело.

И в этом не просто высший героизм и мудрость. В этом необходимое условие создания коммунистического общества. Ибо коммунизм — это прежде всего общество Настоящих людей, как понимает их автор «Повести о настоящем человеке».

В марте Борису Николаевичу Полевому исполняется 70 лет. За его плечами большая, трудная и очень интересная жизнь.

Как журналист, он с юных лет всегда был в гуще тех удивительных, грандиозных и драматических событий, которые составили историю нашей страны за последние полвека — историю построения первого в мире общества развитого социализма.

Как очевидец и участник героических и волнующих народных подвигов, он написал много хороших книг. И если вы еще не успели прочитать, то вас ждет увлекательная встреча и с приключенческим романом «Золото», и с лирической повестью «Доктор Вера», и с героическими рассказами «Мы — советские люди...».

Много лет Б. Н. Полевой — редактор любимого журнала молодежи, старшего брата «Пионера» — «Юности». И по праву. Потому что все его собственные книги написаны языком юности — горячим, искренним, страстным, правдивым.

Игорь МОТЯШОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

САМАЯ ЛЮБИМАЯ

Если вам зададут вопрос, какая ваша любимая книга, я уверена, что вы не сможете ответить на него сразу. Вы начнете перебирать в памяти все понравившиеся книги. Хочется сказать про одну — она о незабываемом подвиге героя, и про другую — в ней прекрасно описание природы, и про третью, и про четвертую... И все-таки останавливаетесь на одной — самой любимой.

Но почему она самая любимая? Такие вопросы долго задавала я себе, размышляя о повести Любови Воронковой «Старшая сестра». Да потому, что эта повесть о жизни, о жизни самой простой девочки.

А откуда взялась эта тема? Л. Воронкова пишет так: «Как-то весной я шла по тихому глухому переулку... Я увидела девочку. Она шла торопливо и все оглядывалась, словно хотела пройти так, чтобы никто не заметил ее. Глаза ее были заплаканы. Девочка несла белый узелок. Она свернула к церкви, стоявшей в этом переулке, и я поняла, что она идет «святить кулич». Мгновенно я представила себе судьбу этой девочки...» И вышла замечательная повесть, где показаны все трудности и радости жизни.

Мне кажется, эта повесть, в которой сравниваются две судьбы, два характера, две жизни главных героинь ее — Зины Стрешневой и Тамары Белокуровой.

Рано жизнь подвергла Зину своим испытаниям. Первое большое горе свалилось на нее, когда ей было тринадцать лет: она лишилась матери. Нелегко было ей стать старшей сестрой, на ее попечении остались брат с сестренкой, надо было помогать отцу, делать работу по дому, учиться, не отставая от других. При всем своем старании Зина не смогла бы справиться со всем этим, если бы не друзья. Хорошие, добрые друзья помогли Зине, и она была рада их помощи. Ей нужен был совет старших, и старшие не оставили ее. Все любили Зину за то, что она всегда была доброй и отзывчивой. Даже не подозревала она, у скольких людей она вызвала симпатию.

А что за жизнь была у Тамары Белокуровой? Тамара была злой, избалованной и лицемерной. Жила Тамара с родителями, в достатке. Но не было у них в семье того простого счастья, как у Зины. Тамара постоянно винила в этом кого-то, но никогда ничего не требовала от себя. Очень часто мне хотелось спросить ее: «Почему ты такая недобрая? Зачем завидуешь Зине? Отчего тебе везде скучно? А что ты сделала хорошего для других? Почему тебя должны любить и верить твоим громким словам?» Жаль мне было Тамару. Но искренне радовалась я за Зину, за ее большое счастье.

Нередко в самых различных ситуациях моей жизни я вспоминала эту повесть. А сегодня я спросила себя: «Почему?» Да потому, что эта книга о жизни.

Таня Воропаева,

г. Ленинград

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Листья будущего лета

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 2.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

Почему мы виноваты...

Бабушке я про всех наших ребят рассказала.

— А знаешь, бабусь, еще один мальчишка, Карпэй, его самого зовут Коська, так он Сашку Константиныча величает «Коськин сын».

— Что за фамилия такая «Карпэй»? — бабушка спрашивает, — не русский, что ли?

Я хохочу:

— Русский! Карпов он! Это у него прозвище такое — «Карпэй».

— Ишь как по-иностранному — «Карпэй».

И Коська вдруг кажется мне смешным и добрым, а не таким, как в классе. Когда он хватал кого-нибудь из мальчишек своими красными ручищами с черной каймой под ногтями, у меня сердце каждый раз замирало: вдруг покалечит? Особенно страшно становилось, когда рядом с Карпэем не было Лешки. Лешка имел над ним какую-то странную власть: если Коська очень уж расходился, стоило Лешке крикнуть «Да фиг с ним!» или просто «Ну, будя, Карпэй!», тут же вся свирепость Карпэева кончалась. Будто его выключали. Правда, без Лешки Карпэй и в буйство не впадал. Он или как-то странно задумывался, или начинал оглядываться с тоской в глазах, будто не знал, что ему делать, за что приняться. Вот тогда мне и становилось страшно: мало ли что придет в эту лохматую голову, а остановить будет некому.

Так они и ходили все время вместе. Был Карпэй при Лешке вроде дубинки, вроде собственных его кулаков. Тонкий, гибкий, бледнолицый Лешка, казавшийся рядом с Коськой особенно хрупким, вертел этой тяжелой дубинкой, как хотел.

Сейчас с бабушкой я словно кино вспоминала. Но в то же время с некоторым удивлением я призналась себе, что и в самом деле никому ничего плохого ни Коська, ни Лешка не сделали. Тузят-тузят друг друга в свалке, а никто не плачет и не обижается. Когда же мы всем классом пилили и кололи дрова для школы — на зиму готовили, — так Карпэй брал себе самые сучковатые толстые плашки и так лихо, всадив в них колун, кидал через плечо обухом о колоду, что с одного раза рассаживал!

Маму я увидела лишь на следующий день. Она пришла к завтраку, успев наработаться, а папа, сказала она, поехал в дальнее отделение совхоза — там на ферме девчата-свинарки перессорились. Мама рассказала нам прекрасную новость: рабочий комитет совхоза решил тем ученикам, которые учатся вдали от дома, давать рабочие карточки на хлеб, то есть по шестьсот граммов на день, а не по триста, как полагалось иждивенцам.

Вот здорово! Теперь я буду брать с собой в школу только свой хлеб, и мне его хватит как раз на неделю. И семью не обделю! Все это я сразу сообразила.

А мама, видно, думая о том же, сказала:

— Главное, за Садова, за Иван Палыча, с души отлегло: они же Степану весь хлеб отдавали, сами на одной картошке сидели.

Я знала, родители у Степки были совсем уже пожилые, мать больная, не работала, у одного отца, плотника Ивана Павловича, была рабочая карточка, вот и все. Цыганистый, черный Степка был длинный и худой, как жердина, а бледно-смуглые щеки его втянуты, запали. По одному его виду скажешь, что он все время есть хочет.

Знала я это все и видела, а порадовалась прежде всего за себя! И мне было стыдно теперь, будто мама, подумав о Садовых, уличила меня в эгоизме. Мама не то что я!

Весь остаток этого дня мы копали картошку за оврагом, за тем самым, где землянки-бани. Мы работали с мамой. К вечеру должен был приехать папа, пригнать лошадь, чтоб увезти картошку.

Хорошо нам было, когда мы все выкопали, ссыпали картошку в мешки и сели на них, чтоб подождать папу. Еще светло было, спокойно, тихо.

Может, оттого, что мы сами устали и теперь отдыхали, все вокруг казалось усталым и тихо отдыхающим. Отдыхая, стояли деревья сада; отдыхая, шагала медленно лошадь, а рядом с ней женщина, держащая вожжи, — они приближались к совхозу от недальнего леса. И тесно припали к земле постройки — дома, особенно фермы — длинные, низкие. Они, кажется мне, растянулись на земле, расправив каждый деревянный суставчик длинного своего тела.

Мы сидели, прижавшись друг к другу. Я положила голову на плечо маме. А она держала мою руку у себя на коленях. И я видела с гордостью, что наши руки похожи: одинаково задубевшие от земли и картофельного сока, шершавые, горячие. Я глянула вверх, в лицо мамы и увидела ее глаза кротко-голубые, как осеннее небо, большие на похудевшем, загорелом лице. Она смотрела на меня так ласково, что я от смущения стала бодать ее головой в бок, в плечо, приговаривая: «Пришла коза рогатая, рогатая, бодатая...»

— Ну, значит, отдохнула! — засмеялась мама. — Тогда поди-ка сбегай домой, не приехал ли папа? Поторопи его!

— Да он сейчас сам приедет.

Не хотелось мне уходить сейчас с поля. И тут же мы увидели лошадь и папу на телеге.

— Едет! — вскрикнула мама.

А я сорвалась с места и понеслась навстречу папе, чувствуя, как повторяется миг, уже давно пережитый, будто я бегу спасать папу, будто от того, как быстро я достигну, достану до него руками, прижмусь к нему лицом и всем телом, зависит его спасение. Тогда он возвращался с войны, больной, после госпиталя. И сейчас я бежала, как тогда, не дыша, ничего не ощущая, кроме стремления — добежать! Чтобы спастись возле папы. Спастись от Пеньков. Ведь только папу, придя домой, я еще и не видела. И, значит, для него я как бы еще не возвращалась, и теперь, увидев его, я бежала, возвращалась совсем!

Я налетела на папу вихрем, и он меня подхватил. Теперь он мог это, а тогда, после госпиталя, был он так слаб и так бледен, что я невольно остановилась и побоялась обнять его крепко.

Он меня подхватил и чуть приподнял, а потом отстранил, заглянул в лицо:

— Ну, как дела, студентка?

— Ой-е-ей! Студентка!

— А что? Ради ученья живешь на стороне, значит, студентка!

Наконец мы отправились домой. Медленно и торжественно шагали возле телеги, груженной мешками с картошкой.

И встречающиеся изредка женщины, ласково здороваясь с нами, непременно оглядывались, разминувшись, и смотрели нам вслед. С выражением совсем иным, чем при встрече: будто хотели что-то понять или вспомнить. Так оглядывают чужака встречные люди на деревенской улице.

Я заметила это, случайно оглянувшись на одну из совхозных красавиц, Амину Садыкову, работавшую в конторе. У нее было лицо, как у Земфиры на иллюстрациях к пушкинским поэмам. В черных спиральных кудрях, обрамлявших удивительно белое со впалыми щеками лицо, и темные, огромные глаза без блеска — сказочное, прекрасное лицо. И я оборачивалась, чтоб взглянуть на нее еще раз. И сейчас увидела: она стоит и смотрит нам вслед с этим вот странным напряжением на прекрасном лице.

И еще раз я оглянулась случайно, чтоб помахать рукой почтальону, тетке Анне, которая разминулась с нами, возвращаясь домой с пустой сумкой. Лицо у нее было ясное, покойное. Значит, сегодня не было «похоронок». И на ее лице я опять увидела то же выражение, что и на лице Амины.

А после я уже на каждую смотрела. Возле дома, взяв папу за руку, чтоб он отстал от мамы, спросила его:

— Почему они все так смотрят?

Папа ни разу не оглядывался, но догадался, о чем я. И ответил, не глядя мне в лицо:

— Вспоминают, как было до войны...

Я поняла его сразу. И досадовала на себя за то, что спросила... Сама бы могла догадаться. И больно стало моему сердцу. И отчего-то стыдно, и папу жалко, я вдруг остро поняла, что он чувствует себя виноватым. Он вернулся, а их мужья — нет. И, может, не вернутся. А мы идем втроем: мама, папа и дочка. Так было у всех до войны. Это ведь просто чудо, что наш папа с нами. И чудо, что он не погиб, когда был ранен. У папы бывают страшные боли в желудке, тогда лицо его делается изжелта-серым. Есть он может совсем помаленьку. Но все-таки он с нами! И вот почему все мы виноваты перед другими.

Когда поняла я, откуда это чувство вины, к сердцу будто кипяток прихлынул от гнева, и кулаки сами собой сжались так, что ногти впились в ладони.

— У... гады... фашисты...

Вот так наказали!

Утром меня разбудила мама. Она сказала, что пора собираться. Скоро подойдет лошадь. Мне хотелось заплакать, но я сдержалась. Надо, значит, надо. Пусть на сердце тяжко. И плакать хочется от предчувствия всяческих бед, которые, конечно же, свалятся на меня в Пеньках.

И правда! В понедельник мы опоздали.

— Ой, да не бойтесь! Мы каждый понедельник опаздываем! — учила нас Лена, когда мы подошли к враждебно молчащей школе. — Поругают, конечно, а что делать?!

Потом, когда сложили поленницы возле школьной стены, мы присели на козлы, и увидели, что вокруг ночь, а над нами чистые звезды.

И, вот, пожалуйста, вам: на перемене созывает Мелентий Фомич всех на построение и приказ читает с высокого крыльца: «За опоздание в школу группу учащихся совхоза такого-то наказать: пусть пилят и колют дрова для школы по кубометру на человека».

— И чтоб на этой неделе было сделано! — грозно закончил Мелентий Фомич и сверкнул своим «недреманным оком».

— Ур-ра! — вдруг заорал длинный Степка Садов, правый фланг всей школы. И какие-то девчонки, не разобравшись, подхватили тонкими голосами: «Урра-а!» — думали, так надо. Но вид у директора был недовольный, и кричавшие примолкли.

Тогда в тишине Мелентий добавил зловеще:

— А Садову — два кубометра...

Степка уже не орал, но смолчать все-таки не смог и стал, как у нас говорят, «вяньгать» — жалобно канючить: «Ла-ад-но, ла-ад-но, Мелентий Фомич! Вишь, какие строгости!»

— Строгости обычные, Степан, военные, — отрезал Мелентий.

И ряды смешались. Ребята окружили попавших в наряд.

— Эка! — басил Карпэй, — что в наряде, что так, все равно дрова-то надо пилить!

— И правда, — обрадовались мы.

— А сколько это — кубометр? — спросила я Тоню Антипову, — на субботнике мы не считали сколько, пилили да и все.

— Пойдем, прикинем.

Мы пошли с ней за школу, где у безоконной ее стенки были свалены осиновые, березовые и сосновые бревна.

— Ну вот, гляди: сколько у этой кучи высота будет? Метр? Да в глубину не меньше двух. Так? А длина? — Тоня широко зашагала вдоль лежащего на земле, откатившегося бревна. — Раз, два, три!

— Значит, здесь шесть кубометров! — сосчитала я. — А как одну шестую от всего отделить? Нас ведь шестеро!

— А чего ее делить? Ты, что ли, сама с собой будешь пилить? — удивилась Тоня.

И я вдруг поняла простую и очень важную вещь: мы же все вместе будем работать! И то обидное, что сказал директор: «на каждого по кубометру!» — потому и было обидно, что разделяло нас на отдельных людей со своим кубометром в охапке! Попробуй-ка, потяни одна пилу! Но дело-то в том, что мы не врозь, а вместе! Вот какая интересная арифметика получалась: когда шесть не делилось никак на шесть, а одна целая работа шестерым поддавалась!

— Правда твоя, Тоня! — сказала я. — Что я сама с собой, что ли, буду пилу тягать? Все тут мое — все шесть кубометров. Да еще Степкин — седьмой!

— И Степкин здесь! — ворчливо сказала Тоня. — Я же не точно вымеряла, тут и в высоту повыше метра и в глубину побольше двух! Как раз и набежит Степкин второй кубометр!

Вот так наказание!

Но прошло целых полторы недели, прежде чем мы расплатились за опоздание: школьную сараюшку занимала пока колхозная картошка — колотые дрова некуда было класть. Наконец мы получили команду: в среду после уроков!

Тетя Еня доверила нам свою пилу. Как и все в ее хозяйстве, была эта пила в лучшем виде, гибкая, отливающая у спинки вороненой синевой, светлеющая ближе к зубьям, жаляще-острым и словно раскаленным добела, словно нарочно начищенным.

— У-у! Щука, а не пила! — сказал Степка со знанием дела, выгибая пилу туда и сюда. Пила, правда, казалась в его руках живым, гибким хищником.

И пошла работа!

Удобно пилить на хороших, устойчивых козлах! Когда бревно лежит, не шелохнется, а отпиливаемый конец собственной тяжестью разводит щель распила, не зажимая пилы. И в конце — хрясь! — оставляя торчащую занозистую щепку, полешко летит наземь.

И еще на метр продвигается бревно на козлах, чтоб свободно повис его конец. И снова визгливо-звонко начинается: вз-з-з! — в одну сторону, зж-жж-а! — в другую.

Брызжет чистейшая крупка опилок.

— Вот бы кашу сварить! Белая будет! — мечтает кто-то.

— А давай! Тут каши, знаешь, все Пеньки накормим!

— Нам бы волшебный горшок: насыпал опилок: «Горшочек, вари!» И варил бы горшок сладкую белую кашу на все село!

— Эй, кончайте душу травить!

— Потерпи, Степочка! — Это Шурка поет тоненько. — Вот кончим, пойдем все к нам, картошек сварим.

— Ко-ончим! — Энгелька тоже спину распрямил. — Когда это нам кончить!

И словно только этих слов дожидались, вышли из-за угла школы Лешка Никонов со своим верным Карпэем. У Лешки пила на плече, а у Карпэя, как у заправского лесоруба, топор за поясом!

— У-рра! Второй фронт открылся!

— Союзникам — урра! — заорали все.

А я так обрадовалась и так удивилась! Это ж надо: самые «вредные» ребята пришли! Из нашего класса! Не из Лениного, седьмого, не из Энгелькиного, шестого, а из нашего, пятого!

Но вдруг Вера Зозуля — и сама ведь радовалась! — задумчиво проговорила:

— А може, воны нам на го́ре?

— Как это на го́ре?!

— А так! — повысила голос Вера. — Директор скажет: «То не совхозовские зробыли!» — и еще добавит по кубометру!

— Да пусть попробует твой директор! — взметнулся резкий Лешкин голос. Он уже стоял у козел, широко расставив ноги в разбитых то ли сапогах с отрезанными голенищами, то ли в ботинках без шнуровки...

— Твой! — передразнила его Вера. — Це твий, а не мий директор! Пеньковский! А мой далече, тоби такого, як мий, не бачить!

Когда она сердилась, то всегда переходила на украинский.

Не знаю, что бы тут началось, может, «союзники» стали бы свирепыми врагами — теперь уж этого не узнать, если б не вмешались в спор «сверхъестественные силы»: мирно разговаривая, к нам подходили Мелентий Фомич и Мария Степановна.

Все, как на сцене, застыли в разных позах.

А Мелентий, как ни в чем не бывало, своим дребезжащим, вредным голоском приветствует всех нас:

— Ну, как дела-то идут? — и к Лешке повернулся. — И Никонов здесь! Вот это молодец! И нас с Марией Степановной опередил. Мы с ней только собрались на помощь, а он уж тут с верным Карповым!

Как услышали мы про «верного Карпова», так не выдержали — прыснули от хохота. И уж посмеялись, дали себе волю.

Как же быстро мы одолели эти дрова! И не устали.

Потом, когда сложили поленницы возле школьной стены, мы присели на козлы и увидели, что вокруг ночь, а над нами чистые звезды. Чистые, холодноватые, спокойные. И мы запыхавшиеся, потные, радостные, увидев их, вдруг притихли.

А Мария Степановна стала похожа на девочку, таким задумчивым и кротким было ее лицо, запрокинутое к небу. Какая чудесная наша учительница! «Вот как мне повезло!» — подумала я и увидела, как на лицо учительницы легла тень от облака. Нет, не от облака! Сегодня они легкие и прозрачные, как папиросный дым, сизые облачка на предночном черно-синем небе. Не тень, догадалась я, о войне она подумала. Ведь и я подумала про войну, как только увидела тихое небо, и звезды, и облака. Наверное, и другие ребята тоже. Все смотрели на небо, а оно было и там — над войной. Это же все время в тебе сидит: здесь тихо, а там — война. И чем прекраснее и тише вокруг, тем больнее душе.

Мелентий Фомич

После истории с дровами мне легче стало жить в школе. Быстрее побежали недели. Не с такой болью уезжала теперь из дому. Директор Мелентий Фомич, его «недреманное око» уже не пугали меня.

Грозные речи Мелентия Фомича и обещания жестоких кар не сбывались никогда, а если сбывались, то вот так, как было с дровами: сам пришел помогать. И потому никто его и не боялся, слушались из уважения к директорскому его положению, но частенько вступали с ним в пререкания.

И мне даже казалось, что самое большое удовольствие получает при этом сам Мелентий Фомич.

Мелентий Фомич хотя и диктовал Душке, стоявшей у доски, но сам думал о чем-то своем.

— Ты, Домоседов, — говорил, например, директор на своем уроке Сашке Николаевичу, — того, не разбирался, видать, долго с правилом. Прочитал раз, да и того, ужинать, поди, поспешил. Верно я говорю? — вытягивал он к Сашке тонкую морщинистую шейку. — Покушать захотел? Чай, блины мать-то пекла?

— Картофельные, — покаянно соглашается наш Николаевич. — И вдруг спохватывается: — А што? И ужинать, что ли, нельзя теперь?

— Ну-ну, как можно без ужина? — серьезно говорит директор. — И все в классе покатываются со смеху, а лицо Сашки Николаевича, и без того красное, принимает прямо свекольный оттенок.

— Ну и вот! — говорит он с вызовом.

— И я про то же. — Тонкий голос Мелентия

успокоителен. — Я, Домоседов, про то же! Только, Домоседов, на свой ус, которого у тебя еще нет, но будет, — поднял вверх Мелентий Фомич темный палец, — на этот свой ус намотай: правила лучше учить на голодный желудок. Да с той же охоткой, как ужинаешь. Понял, нет? — уже резко спрашивает он и смотрит поверх Сашкиной головы, значит, это наставление не одному Сашке, а всему классу.

*

В тот день, когда я поняла про нашего директора нечто очень важное для себя, он спрашивал у доски Душку Домушкину. Наверное, ее надо бы звать Дуся, но все пеньковские говорили Душка, и она совсем не сердилась.

Душка была длинненькая, вся вытянутая, с лицом serовато-бледным, усыпанным крупными веснушками. Глаза сидели глубоко, но были яркими, блестящими, под короткими черными ресничками.

Мелентий диктовал, и она, переступая у доски тонкими ногами в непомерно широких валенках, писала предложение из «Капитанской дочки»: «Лошади шли шагом и скоро стали». И пока она писала, стуча мелом, выводя слабой рукой тонкие, еле видные буквы, Мелентий заметил, как бы про себя, себе под нос:

— Видать, не кормили. Не покормишь — не поедешь.

Сначала я удивилась: он прекрасно знал, почему стали лошади попавшего в буран Гринева. Верно, директор наш думал о чем-то своем и, как говорится, прицепился к слову.

О чем он думал? О чем он думал, сидя ссутулившись, вполоборота к классу, поглядывая на Душку и ее писание? Я вдруг словно впервые увидела, какие впалые щеки у Мелентия Фомича, какая желтая, нездоровая кожа на лице, губы темные, лиловатого оттенка, а руки зябко прячутся в рукава потертого, белесого на швах пальтишка. И весь-то он маленький, согнутый, ссохшийся. Трудно даже сказать, сколько ему лет. Может, много, например, семьдесят. А, может, совсем мало — волосы-то у него черные, без седины.

И Душка, стоящая у доски, под стать ему: бледная, тощая, руки, как прутики, выглядывают из рукавов телогрейки. С началом зимних холодов у нас все сидят в верхней одежде: дров хоть запасли и печки топят, но школьный дом такой старый и худой, что натопленные с утра печи быстро остывают и без пальто уроки не просидишь.

Глядя на Мелентия Фомича, я точно наяву увидела дощатый стол и черный чугунок «с картошками» на нем и поняла: это все, что ест Мелентий Фомич. Вот отчего и все его разговоры о еде! Не знаю, был ли на самом деле скобленый стол и черный чугунок. Но уже много времени спустя Мария Степановна рассказывала мне, как трудно жил Мелентий Фомич. Кроме своих трех детей, он воспитывал еще четверых своего погибшего младшего брата. У этих его племянников и матери не было, умерла вскоре, как отплакала по убитому.

Корову держать Мелентий Фомич не мог: сено трудно было запасти для коровы. Держал кур, коз да овечек.

О чем же думал Мелентий Фомич, когда сказал про гриневских лошадей «не покормишь — не поедешь»? Мог про своих детей: чем их кормить? Мог про нас, учеников своих. Про что-нибудь такое думал. И, видно, придумал. Потому что в конце этой недели произошло общее собрание всех старших классов — пятых, шестых и седьмых, — где директор сказал нам две новости: в школе у нас будут горячие обеды, готовить их станем мы сами, дежуря по очереди на кухне. И еще у нас начнутся уроки военного дела, — наконец, нашли военрука: вернулся один пеньковский воин в чине старшины.

Для горячих обедов дали продуктов пеньковский колхоз и наш совхоз: картошка, овощи, немного муки и пшена. Но повара держать школа не могла.

— Так что перед нами задача, — сказал директор, — а) оперативно заготовить в лесу сучков и хворосту и вывезти все своим ходом, на ручных санках: пустить под котел дрова, предназначенные для отопления классов, мы не можем. И б) оперативно научиться варить похлебку. Так что, любишь кататься — люби что? — возвысил он голос.

— Саночки возить! — грянуло дружно собрание.

И Мелентий Фомич заежил губами, стараясь сдержать довольную улыбку. А потом не выдержал и засмеялся.

Военрук

Его звали Силантий Михайлович. Он был ранен на фронте, говорят, очень тяжело, но с виду этого не было заметно. Руки-ноги целы и даже пальцы все на месте. Ходил он в шинели чуть не до пят и туго подпоясывался широким желтым ремнем. Мальчишки говорили — немецким. Он, дескать, только пряжку нашу приделал.

Первый урок военного дела начался, как обычный урок, — в классе. Силантий Михайлович всех отметил по журналу, но потом велел выйти во двор и построиться по росту перед крыльцом школы, а сам ушел в учительскую. Мы старательно выстроились, как могли. Ждем. Военрука все нет. Мы уж начали толкаться, перебегать с места на место, как вдруг школьная дверь резко распахнулась, и на крыльцо стремительно вышел военрук. Пока он был в учительской, он переменился, будто переоделся, хотя остался все в той же шинели с желтым ремнем. Подтянутый, стройный, он как-то особенно нес теперь голову: горделиво вверх и чуть в сторону, приподняв подбородок. Замерев

на верхней ступеньке, военрук отрывисто скомандовал:

— Смир-рно! Слушай мою команду! Подравняйсь! Ка-ак надо равняться?! Не знаем! — с удовлетворением отметил военрук. — Послушаем! — предложил он бодро. — Значит, та-ак: выпрямили спину, животы подобрали. Теперь смотрим все направо! На-пра-во, не налево, понял? Направо, чтоб было видно грудь четвертого человека. Так, та-ак, так. Справились... Теперь носочки. Носки, говорю, проверьте — на лапти поглядим, чтоб в одну ниточку шли носочки. Вот так. Ну теперь по чистой: поод... — тянул он долго «о» — и рявкнул: — рравняйсь! Молодцы! — похвалил. — Теперь: смир-ир-но!

Военрук сделал паузу и крикнул:

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

Мы удивились: ведь уже здоровались! Ответили вразнобой, кто как:

— Здравствуйте...

— Да, не умеем приветствовать командира, но ничего! Научимся...

Он спустился на землю и стал нас учить.

Резко вбивая каблуки в утоптанный снег, Силантий Михайлович, прохаживаясь перед строем, во-первых, научил нас здороваться. Оказывается, по-военному нужно так: на слова командира «Здравствуйте, товарищи бойцы!» просто отвечать: «З-дра!» Но только громко, дружно, враз и коротко. Этому мы быстро научились.

Но то, что он сказал во-вторых, нас озадачило. Он сказал, что военные люди должны быть подтянутыми, а мы выглядим, как пугала огородные. Мы застыдились и потупились, глядя кто на свои валенки подшитые и неподшитые, а кто и на лапти. И одеты мы были не лучше,

Мы выстроились, как могли. Военрук, подтянутый, стройный, появился на крыльце.

чем обуты, кто во что: тут и телогрейки, и полушубки, и материны старые плюшевые жакеты, переделанные на скорую руку.

Только одна Галия Сабирова из той же татарской деревни Салагыш, что и наш Нурулла, была одета, как красноармеец,— в бушлат цвета хаки, сильно выгоревший, зато с военными пуговицами. Но все вместе не походили мы на военных, хоть плачь.

— А может, нам форму дадут?— тоненько пропищала Вера Матвеева, самая маленькая, самый наш левый фланг. Мы насторожились: как всегда, не понять ее сразу: всерьез она или в насмешку. Я подозреваю, что в насмешку. Она была умная и тихо насмешливая, приметливая. Ты и мимо пройдешь, а она зацепит.

Но Силантий Михайлович в ответ только одну бровь приподнял. Зато кто-то из ребят радостно заорал:

— Э-э-э! Мы будем, как партизаны!

И все захохотали облегченно: ведь и партизаны бьют врага, да еще как!

— Отставить смех!— нахмурился военрук.

Мы сразу же отставили.

— Мы не партизаны, а регулярные войска, курсанты, ну, в общем, учащиеся,— объяснил он.— У нас здесь своя страна, а не временно оккупированная территория. Ясно?

Мне показалось, что в его словах «временно оккупированная территория» просквозило какое-то легкое презрение, будто что-то неприличное было в этом понятии. Но, может, это мне показалось. Потому что для меня самое больное и горькое было думать об этой нашей родной территории под фашистами. И люди, которые там боролись с ними, как вот в Краснодоне, по мне, были самыми героическими героями. Героями из героев. Потому-то меня и задели слова нашего военрука, и я не ответила вместе со всеми «Ясно!» на его «Ясно?».

А он продолжал:

— Однако форма нам не положена. Но мы выйдем из положения и заимеем подтянутый и опрятный вид. Как полагается бойцам.

Мы насторожились: интересно, как же это мы выйдем из положения?

— Ремни!— отрезал военрук. И пояснил:— Расхлябанность достигается распояской. Ежели человека подпоясать, взять живот под ремень, он уже имеет свой вид. К следующему уроку воендела явиться под ремнем. Всем. Кто явится без ремня— ставлю «двойку».

Следы на снегу

Моя надежда на то, что к Лешке я привыкну, как привыкла к Мелентию Фомичу и его «недреманному оку», вся моя надежда рухнула. А затеплилась было она, когда пилили дрова. Теперь же я стала бояться не столько Лешкиных приставаний, сколько коварства. Боялась, что учинит он какой-нибудь мне подвох.

Поэтому, когда в школе стали создавать группы для заготовки хвороста и Лешка вдруг заявил на весь класс, что в его отряде будут Карпэй и Плетнева, я даже подскочила на парте.

— А ты меня спрашивал?!— заорала я на весь класс. Так что Мария Степановна мне замечание сделала:

— Плетнева, Плетнева, что с тобой? Почему так невежливо?

— Мария Степановна, мы же давно договорились с Антиповой и с Галией!

— Вообще-то лучше, если есть в отряде кто-то из мальчиков,— говорит Мария Степановна.— Никонов, а если тебе перейти в отряд к Антиповой? А Галия пойдет с Карповым и еще к ним кого-нибудь.

Я замерла: вот если Лешка согласится, значит, он ничего плохого не затевает...

— Ну уж не-ет, Мария Степановна! Я без Карпова ничего не могу. Друзей нельзя разлучать!

Так я и знала! Хочет меня в лес заманить и там поколотить, поиздеваться. А я еще думала, что он похож чем-то на Сережу Тюленина! Одна только мысль, что я могу оказаться одна с Лешкой и Карпэем в лесу или даже просто в поле, внушала мне ужас.

— Ну ладно,— сказала Мария Степановна,— договаривайтесь сами. К концу уроков сдайте мне списки отрядов.

И в перемену Лешка стал меня осаждать. Подпрыгивая, приплясывая, все время перемещаясь перед моей партой, он канючил:

— Ну, Плетнева! Айда с нами! Коська, знаешь, какой сильный! Хворосту на нем увезем целый воз! Больше всех! Айда! Мы тебя до лесу на санках повезем!

И Лешка хохотал, как леший, и глаза у него были очень веселые.

— Ну, Плетнева! Ну, айда!

— Не запряг, не понукивай,— сказала я Лешке сердито.

— Да мы ж Карпэя запряжем! Скажи, Коська! — подскакивал Лешка к задней парте, где, привалясь к стенке, жмурился на редкое зимой солнышко Карпэй. Но Коська лишь улыбался, показывая свои красные выпуклые десны и мелкие зубы, и ничего не отвечал.

— Во, видала, что он говорит!— ликовал Лешка.

И все вокруг смеялись, и я смеялась, а Карпэй улыбался безмятежно.

И на следующей перемене и после уроков, когда шли домой, Никонов все приставал ко мне, хотя уже знал, что записалась я в тройку с Тоней и Душкой Домушкиной. Галия сказала, что им вдвоем с Тоней делать нечего: «Мы с тобой за мужиков сойдем, не то что за мальчиков»,— добродушно пояснила Галия.

Она, правда, была такая же высокая, как То-

ня, крепкая, широкоплечая. Галия к нам пришла уже где-то после ноябрьских праздников, со второй четверти. Им бы с Нуруллой не мешало поменяться: ему стать девочкой, а Галие — парнем. Она так и говорила про него: «Моя подружка, кызым. Никому не дам в обиду!»

Мы шли домой, как всегда: девчата по правой стороне дороги, а мальчишки — по левой. И Лешка время от времени выкрикивал:

— Не пойдешь с нами, да? С Тонькой пойдешь? Да что вы там нарубите, одни девчата собрались.

— Никонов, сказано тебе, отстань. Знаешь ведь — с тобой не пойду. Никуда и никогда, — добавила я и совсем напрасно!

— Боишься меня? — вдруг застыл Лешка в догадке.

И тут же вытаращил глаза, как только мог, и зубы оскалил, и пошел на меня, растопырив пятерни возле лица и хищно скрючив пальцы.

— А-р-р! Ур-р-р! — зарычал Лешка.

Мы с девчатами стали кидать в него снегом. Снег был морозный, сухой, не слипался в снежки. Небо стояло ясное, голубое, на редкость чистое. Погода не для снежков, а то бы завязалась баталия.

Никонов метался среди девчат и мальчишек и вдруг скинул валенки. Он подхватил их под мышку, прыгнул с дороги на снежную целину, и узкие хрупкие ступни замелькали передо мной, засверкали розовые с черной каемочкой грязи пятки. Сумасшедший! Было, как во сне, жутковато: в снежной морозной пыли, обнаженные, мелькают босые ступни, тянется по снегу цепочка узких, не человеческих и не звериных следов. Такие не увидишь зимой, обутой в широкие валенки и лапти.

А в ушах моих стоит резкий Лешкин голос:

— Плетнева-а! Смотри, как я могу-у-у!

Судя по длине оставленного следа, он недолго бежал. А мне казалось — целую вечность, сто километров.

Никонов впрыгнул в свои валенки на дороге, впереди нас, и понесся дальше, не оглядываясь, к своему дому в наш переулок, гогоча и вскрикивая победно.

Мы с девчатами постояли, поглядели ему вслед, и Галия покрутила пальцем у виска, мол, того парень, не в себе. И я пошла к своему дому налево, а Тоня и Галия прямо, в свои деревни.

Если Лешка хотел, чтобы я пожалела, что не пошла с ним в лес, то он ничего не достиг. Но если хотел удивить меня, то это ему удалось. «Наверное, он был бы храбрым разведчиком, — думала я. — Может притвориться, кем хочет. И не боится босиком по снегу. А носков-то на нем нет, — вспомнила я, — валенки на босу ногу, вот пятки-то и с полоской. Эх, лучше б он не бегал по снегу, но и ко мне не приставал, — с тоской подумала я. И покривила душой: все-таки мне было приятно. Это ж он мне кричал: «Плетнева-а! Гляди...»

Мороженая картошка

За хворостом нам, девчатам, так и не пришлось ехать. Учителя решили, что это дело мужское.

Но зато нам, девчатам, достались дежурства на кухне, поварская доля.

Если б не холод... На школьном дворе стояла небольшая избушка. Как-то раньше мы ее и не замечали. И вдруг она обнаружилась! Может, поповская летняя кухня или каморка церковного сторожа. Там выложили плиту, вмазали в нее котел ведра на три. Под единственным маленьким оконцем сколотили широкую полку от стенки до стенки — разделывательный стол. Вот и кухня готова. Или, как говорил военрук, «котлопункт».

Но холодно здесь было как-то особенно, даже когда плита топилась вовсю. Может, оттого, что картошка была мороженая. Почему она была непременно мороженая? То ли хранить ее было негде, то ли по дороге с колхозного скла-

Никонов подхватил под мышку валенки и босой побежал по снегу.

да замораживали, но из мешка с картошкой, который стоял в холодной школьной кладовой, сыпались в ведро дежурного гремящие кругляшки, а не живые картофелины. Что было с ними делать? Они обжигали пальцы, нож с них срывался. Придумали мы с Тоней так: дождались, пока вода в котле как следует согрелась, начерпали в ведро и обдали замороженную картошку. Теперь шкурка с нее сползала, как с молодой, даже еще лучше. Правда, руки сначала обжигало, в избушке пар ходил пластами, как в бане, картошка едко пахла, так что в носу свербило, и мы чихали, но дело пошло.

Очищенную картошку мы промывали еще раз, а потом ее надо было резать, хотя бы пополам. И тут снова мученье; картофелины сверху были склизкие, как только что выуженный ерш. Сверху склизь, а под ней — ледяная твердость. Картошки выпрыгивали из-под пальцев, словно живые. Мы настигали беглянок на грязном полу, полоскали их опять в двух водах — жалко было терять картошку!

Кончики пальцев уже онемели, держи в кипятке — ничего не почувствуют.

Вода в котле от мороженой картошки перестала кипеть, а время шло, уже кончался второй урок, и мы с ужасом видели, что не поспеем сварить суп к большой перемене.

Мы поглядели с Тоней друг на друга, на кучку еще не резанной картошки, и Тоня сказала:

— Ладно. Что ж делать, ведь не сидели сложа руки. Пусть большую перемену перенесут на четвертый урок.

И я побежала в учительскую. Дежурил в тот день военрук.

— Как так, Плетнева, — сказал он, — как так не успеваем?!

Я стояла перед ним несчастная и виноватая. Глазами я упиралась прямо в пряжку, ярко блестевшую на желтом ремне военрука, видела ворсинки его шинели — серые, белые, серебристые, ощущала крепкий запах махорочного перегара. И злость во мне подымалась на непонятливость этого человека.

— Как не успеваем? Вода не кипит! Не кипит, и все! Мороженая она, — сказала я, не поднимая головы.

— Это вода-то? — усмехнулся военрук. — Ну, пойдем, — сказал он и тронул меня за плечо. Я резко повела плечом и побежала к Тоне.

— Эй-э! Да тут и Антипова! — удивленно протянул Силантий Михайлович. — Что же ты, Антипова, панику порешь, добро бы Плетнева, она дома не хозяйка, а ты-то печь умеешь обряжать.

— Так у нас, Силантий Михайлович, мороженой картошки, слава богу, еще не бывало, — с достоинством ответила Тоня. — Не знаю, как она варится.

— Вот теперь знай. Мороженая, почитай, наполовину сваренная. Мороз ее уже заварил. Долго не закипает, а закипит — так уже тут тебе и готова. Давайте счас побольше огня, чтоб гудело.

И военрук принялся сам ломать мелкий хворост. Да быстро, споро. Большие руки его с прокуренными до темной желтизны ногтями так и мелькали.

Я тоже бросилась подбирать щепки потоньше и бросать в топку. А Тоня стала промывать серое мелкое пшено, чтоб сразу, как закипит вода, бросить его в котел.

Силантий Михайлович так искусно заправил плиту, что она и впрямь загудела, как огромная самоварная труба под хорошей тягой.

Я опустила руки, завороженно слушая это гудение, ощущая, как все предметы вдруг стали на свое место, подчиненные человеку: картошка доспевает, огонь в плите гудит, вода в котле кипит. Кипит ли?

«Эх, зря мы напугались, что не успеем, — думала теперь я. — Самое трудное сделали, картошку почистили и нарезали, воду нагрели, а получилось, что нас военрук выручил.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал военрук. — Порядок. Я пошел.

И он ушел. А я запрыгала вокруг Тони и заорала:

— Котлы кипят кипучие! Пары парят паручие! Супы сипят сипучие! Урра!

Тоня засмеялась, не раскрывая губ.

Когда зазвонили на большую перемену, мы огромным черпаком на длинной палке уже начерпывали суп в три ведра по числу классов. И вот, блестя глазами от любопытства и нетерпения, в дверь кухни заглядывают дежурные по классам.

— Давай обед! — кричит наша Галия. — Нам сверху давай, пожирнее, раз свои повара!

— Ишь, какие хитрые, — обижается девчонка из шестого, сразу попадая в Галиин капкан.

— Ой, а ты жирное любишь? — подняв высоко свои тонкие брови, искусно разыгрывая удивление, смотрит на нее Галия. — Ну, тогда, конечно, первое ведро — тебе! Тебе, тебе не спорь.

И, взяв девчонку за руку, подтаскивает ее к наполненному синеватой жидкостью ведру. Та застыдилась, не ожидая, что ей так сразу уступят, упирается.

— Да ладно уж! Я так!

— Нет, нет, бери это, кызым, бери, дочка!

Но тут вмешивается пара из седьмого класса. На правах семиклассника, старшего в школе, мальчишка, не разобравшись, в чем дело, грубо бросил:

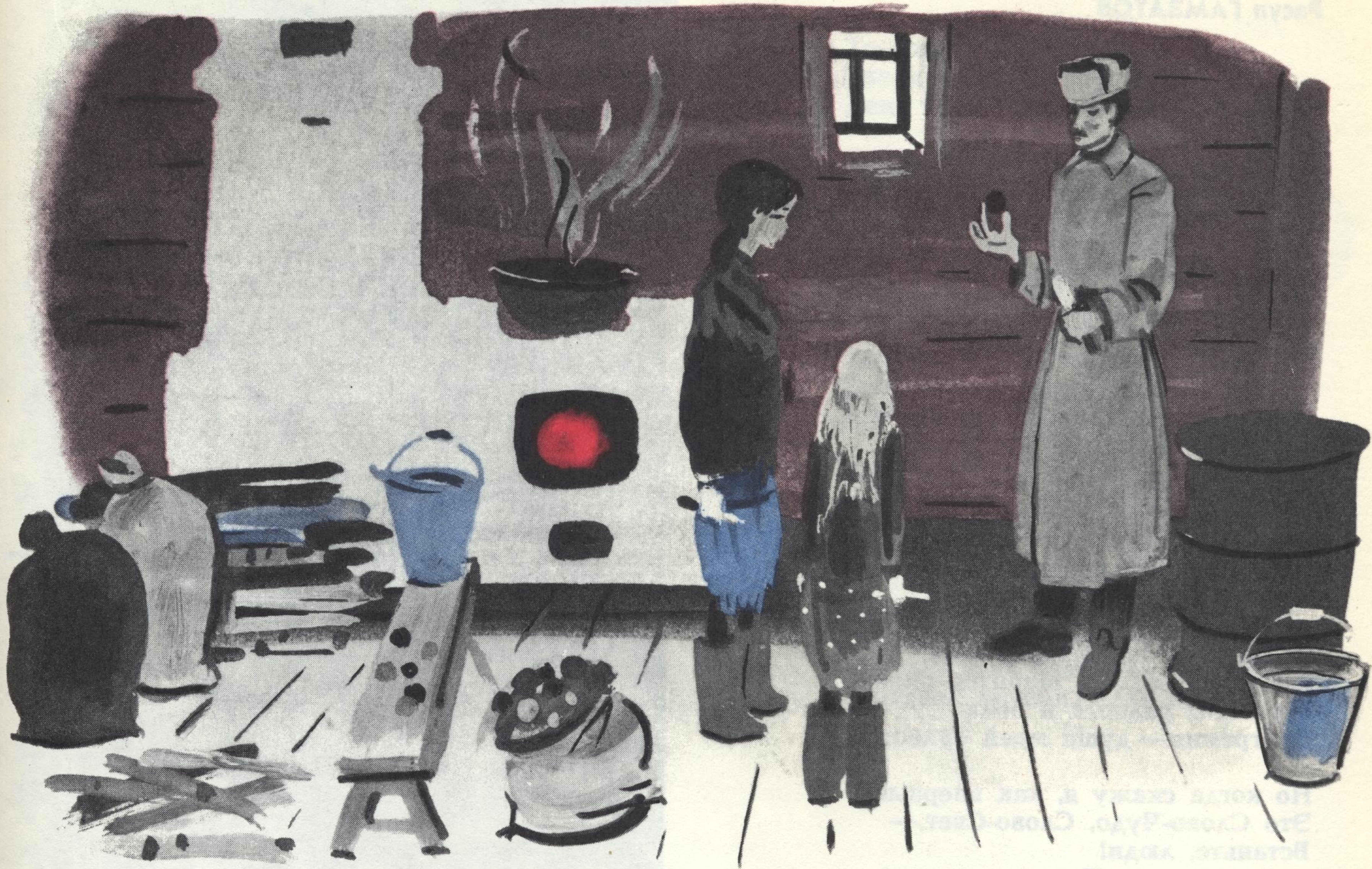
— Что за шум, а драки нет?

И тут же схватился за дужку ведра, приказав девчонке:

— Давай, Лариска, взялись, а то остынет.

И они утаскивают первое ведро, не обращая внимания на нас. А мы с Тоней и Галией корчимся от смеха, и Галия говорит что-то складное по-татарски, а нам переводит:

— На дворе у соседа курица кажется гусем, а гусь — индейкой. Это у нас поговорка есть такая. Ты что, не знаешь, что жир от картошки и сверху и снизу одинаковый? — говорит она шестикласснице.

— Мороженая картошка,— сказал Силантий Михайлович,— почитай, наполовину сваренная. Мороз ее уже заварил.

И они уносят ведра с нашим супом. Мы спешим за ними следом, чтоб увидеть, как едят, что говорят. Да и самим есть хочется!

Как смешно в классе. На учительском столе дымится ведро с супом. Перед каждым на парте миска. Накануне всем велели принести с собой миску и ложку. Все по очереди, начиная с последних парт, подходят к столу, и Галия, каждый раз аккуратно взболтнув черпаком, со дна, чтоб гуща шла равномерно, наливает в подставленную миску. А суп горячий! Уж чего-чего, а этого у нашего обеда не отнять.

Конечно, ни миски, ни ложки не принес один Никонов. Теперь он ждал, когда поест Карпэй, и издевался над ним.

— Ты, Кось, смотри, ложку не проглоти, мне нечем будет хлебать! — и заглядывал ему в плошку.

— Эй, поварихи! А чегой-то там такое синенькое-голубенькое? Это, поди, Плетнева цветочков-василечков наготовила?

— Поглядим, что ты наготовишь, — мрачно пообещала я ему.

— Уж я вам наготовлю! Я вам курицу разварю, вот только бы ворону поймать!

Мы с Тоней тоже получили по порции, и я поняла, отчего Лешка Никонов плел про цветочки-василечки. Мороженая картошка была на вид грязно-голубоватой, стеклянистой, полупрозрачной. А уж вкус... Суп был сладковатый. Скрашивало дело пшено. Оно делало похлебку мучнистой, а потому вроде бы сытной.

— Ребята, а у меня молоко есть, кому забелить? — сказал кто-то из Домоседовых. И пошло! Ребята и раньше приносили с собой чего-нибудь поесть-перекусить, особенно те, кто из других деревень приходил. Кто пару картофелин, кто лепешек из лебеды — черных, как вар. Молоко же многие прихватывали в небольших аптечных пузырьках или четвертинках.

С молоком и вовсе похлебка наладилась. Тут уж и лакомства пошли на всех: кто-то жареным горохом наделял, кто-то конопляное семя сыпал в подставленные горсти. Помаленьку, а все равно здорово. Конопля жареная — это же прелесть: аромат густой, вкус сдобный, маслянистый, так и похрустывают на зубах прожаренные тонкие оболочки круглых коноплюшек.

Одним словом, такой пошел пир на весь мир. Еле-еле в большую перемену уложились. Дружно стало в классе, хорошо, тепло. Все разрумянились, глаза блестят. То-то я радовалась, что мы с Тоней были первыми поварихами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Расул ГАМЗАТОВ

Берегите матерей!

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

* * *

Воспеваю то, что вечно ново,
И хотя совсем не гимн пою,
Но в душе родившееся слово
Обретает музыку свою.

И, моей не подчиняясь воле,
Рвется к звездам, ширится окрест...
Музыкою радости и боли
Он гремит — души моей оркестр.

Но когда скажу я, как впервые,
Это Слово-Чудо, Слово-Свет,—
Встаньте, люди!
Павшие, живые!
Встаньте, дети бурных наших лет!

Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте, все цветы!.. И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!

Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это — древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!.. Встаньте все!

Как леса встают с зарею новой,
Как травинки рвутся к солнцу ввысь,
Встаньте все, заслышав это слово,
Потому что в слове этом — жизнь.

Слово это — зов и заклинанье,
В этом слове — сущего душа.
Это — искра первая сознанья,
Первая улыбка малыша.

Слово это пусть всегда пребудет
И, пробившись сквозь любой затор,
Даже в сердце каменном пробудит
Заглушенный совести укор.

Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем — исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!..
Я произношу его:
«Мама!»

* * *

Знаешь, мама, в странах разных,
Где случалось мне бывать,
Есть один хороший праздник —
День, когда в почете мать.

Астронавт из дали звездной,
Водолаз из глуби вод
В этот день, пусть даже поздно,
В гости к матери придет.

И, забыв о прежних спорах,
Для нее найдут слова
Те счастливцы, у которых
Мама старая жива...

Вот и стало мне обидно:
Просчитал я четки лет,
Дней таких у нас не видно,
Праздника такого нет.

Мы, душевно уважая
То, чем наша жизнь крепка,
Знаем Праздник урожая,
День врача, День горняка...

Как же мы, гордясь трудами
Городов и деревень,
Вечной труженице — маме
Посвятить забыли день?!

«День?!» —
себя прервал я гневно.
Только день из многих дней?!
Разве мы не ежедневно
Всей душой стремимся к ней?!

Не всегда нам светит разве
Нежности ее звезда?..
Так ли нужен этот праздник,
Если в сердце мать всегда?!

Смысла мало в укоризне!
Календарь нам не указ!
Каждый день разумной жизни —
Праздник матери — для нас!

* * *

Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот.

Боль за сыновей — сильнее мела
Выбелила косы добела.
Если даже сердце очерствело,
Дайте маме капельку тепла!

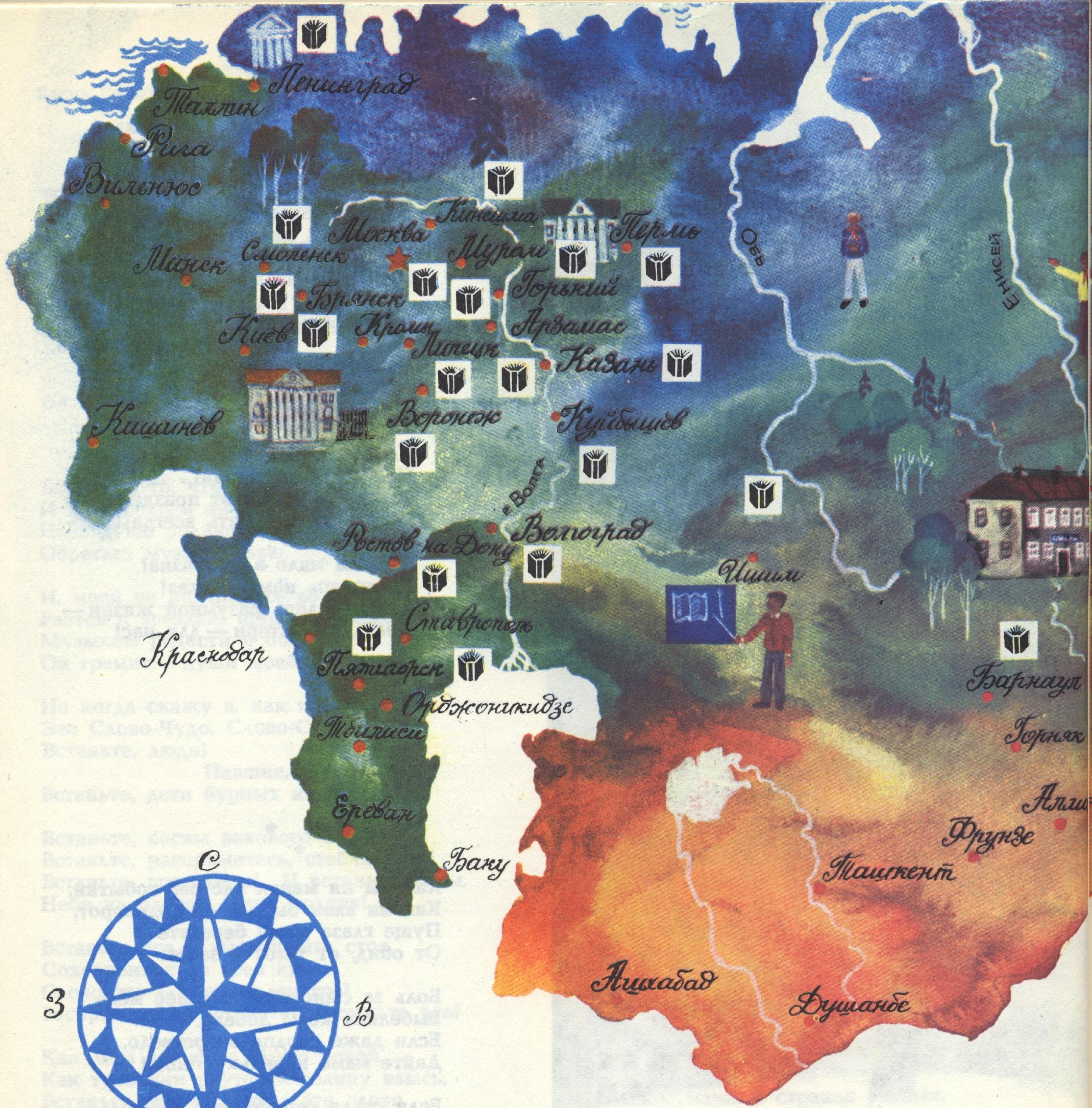
Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова:
Знайте, дети ранят всех больней!

Если ваши матери устали,
Добрый отдых вы им дать должны...
Берегите их от черных шалей!
Берегите женщин от войны!

Мать уйдет, в душе оставив рану.
Мать умрет, и боли не унять...
Заклинаю: берегите маму!
Дети мира, берегите мать!

Перевела с аварского
Юлия НЕЙМАН

Рисунок В. ДУДКИНА

У ВАС В ШКОЛЕ ЕСТЬ МУЗЕЙ?

Каждое утро в редакцию приносят мешок писем, настоящий мешок, под самое горлышко завязанный веревочкой. Стоит распустить веревочку — и сколько вестей вылетает, сколько рассказов о вашей жизни, пионерских делах, прочитанных книгах, вопросов и ответов на вопросы викторины! И всегда среди писем находится что-то неожиданное, любопытное.

Первое письмо о школьном литературном музее нас удивило. Но вскоре собралась целая пачка таких писем! Оказывается, их очень много — школьных литературных музеев. Взгляните сами: мы нарисовали карту

нашей страны и отметили на ней те музеи, о которых ребята написали.

Мы узнали, что музей Гайдара есть в Арзамасе, в Москве и в Ростове-на-Дону. А музей Лермонтова создан не только в школе № 1 Пятигорска, но и в школе № 47 города Липецка. В Липецке Лермонтов никогда не бывал, даже случайно.

Стали мы раздумывать: а можно так? И решили: конечно же, можно! Ведь школьный музей — это признание в любви поэту или писателю, это желание поделиться с друзьями тем, что знаешь. В школьном музее могут быть и портреты, и вещи писателя, и вещи, рассказывающие об эпохе, если вы смогли разыскать их. Но в нем непременно должно найтись место для ваших рисунков к любимым произведениям. И должны звучать строки любимого поэта.

А какое счастье летом отправиться в поход, в те места, где бродил писатель. Пусть даже дом, в котором он родился и вырос, не сохранился — жива природа, она такая же, какой входила в его душу, какой входила на страницы произведений.

А как интересно записывать слова тех, кто знал, дружил с Гайдаром, с Фадеевым, Бажовым!

Вы, конечно, обратили внимание на то, что карта наша неполная. «Молчит» Сибирь, а мы уверены, что в поселках и городах, где жили поэты-декабристы, созданы школьные музеи! На Дальнем Востоке нам известен только музей писателя Фадеева в Чугуевской школе. Станет ли наша карта полной — зависит от вас.

Если у вас в школе работает литературный музей, напишите о нем! Расскажите, как он создавался и когда? Какие интересные экспонаты есть у вас и как они попали в музей? Что дали вам походы по окрестностям, где жил писатель? Кто из взрослых помогал вам? Переписываетесь ли вы с литературными музеями других школ? Ведь интересно же почитателям Гайдара поговорить, обменяться опытом, впечатлениями, а может быть, и экспонатами.

Ждем ваших писем. На конверте просим сделать пометку: «НАШ МУЗЕЙ».

Рисунок Ю. РОДИНА

Оле МИРОНОВОЙ 15 лет, она живет в Барнауле. Стихи пишет давно.
«Стихи у меня еще не очень получаются,— признается Оля,— но не писать их я не могу. Бывают минуты, когда рука сама тянется к перу, когда обо всем, что видишь, чувствуешь, хочется рассказать какими-то особенными словами, а найти эти слова очень трудно».

Мамин праздник

За легкой занавеской на окне
Под первыми весенними лучами,
Словно в подарок маме,
Распустился цветок с красными лепестками.
Белый пестик, синяя кайма...
Посветлело сразу вдруг в квартире,
Мне цветок напомнил, что идет весна,
Что сегодня праздник в целом мире.

Весна

Кончился март,
Отзвенела капель,
К людям на землю
Спустился апрель.
Снег уж растаял,
Чернеет земля,
Новых посевов
Ждут наши поля.

Венере ТОПАКОВОЙ 11 лет, она из Уфы. Венера прислала нам большое письмо, рассказала о своем классе, о своей лучшей подруге Наташе и о том, что сама она любит сочинять стихи. Но стихотворение прислала только одно, по ее словам, самое удачное.

Растут города!

Там, где лежали снега,
Дороги стелятся,
Там, где была тайга,
Люди селятся.

Ты вокруг посмотри —
Как много домов новых!
И в каждом доме таком
Веселые новоселы.

«В поле». Рисунок Тани НАДЕЖДИНОЙ. Тане 10 лет, живет она в Киеве, занимается в художественной студии Дома пионеров Ленинского района.

Дина ИЛЬЮТКО и Ира ГЕРАСИМЕНКО живут в городе Калининграде. Дина учится в четвертом классе, а Ира — в шестом, но это не мешает им не только дружить, но и сочинять вместе стихи и рассказы. Больше всего девочкам нравится писать стихи о космосе, о полетах на другие планеты. Они мечтают сами втроем отправиться в космический полет. Третьим будет их щенок Шарик.

В космос

Ракета улетает
В космическую даль,
Под солнцем сверкает
Ее голубая сталь.
Земляне в ракете
Внимательно смотрят вперед,
Земля космонавтам
Все время сигналы шлет.
Нет, не забудут люди
О милой своей Земле.
Земля, на других планетах
Расскажут они о тебе!

*

В прошлом году «Пионер» напечатал стихи Славы ПАПИНА. С тех пор у него появилось много новых стихов, одно из них Слава посвятил своей бабушке. Слава — шестиклассник, живет в городе Соль-Илецке.

* * *

Людей на свете нет добрей,
Чем бабушка моя,
И вечерами вместе с ней
Читаю книжки я.

*

Валя ТУНИКОВА живет в селе Белогорье, Воронежской области.

Что мне нравится

Мне нравится петь,
И стихи сочинять,
По улице бегать,
И в салки играть,
Книги читать,
Цветы вышивать,
С подружкой дружить,
И в школу ходить!

Москвичке Наташе БАСКОВОЙ 9 лет, она второклассница. Наташа учится играть на скрипке, любит рисовать, читать книжки и бродить по лесу. «Когда приходишь в лес, то стихи получаются сами по себе»,— говорит Наташа. Стихи она сочиняет с шести лет, а сейчас пробует сочинять сказки и рассказы.

Снегири

Я брожу по лесу,
Я гляжу вокруг:
Белые березы,
Белый снег...
И вдруг —
Яркие фонарики
Запрыгали вдали.
Подхожу поближе —
Вижу: снегири!

Пришла весна!

Травка просыпается,
Травка пробивается,
Травка к солнцу тянется —
Чувствует весну.
Птицы прилетают,
Птицы строят гнезда,
Птицы поют песни —
Приветствуют весну.
А я иду по улице,
По нашей светлой улице,
Гляжу на небо синее
И радуюсь весне!

На первом зачете по музыке

Илюше было тринадцать лет, а мне — семь. Мы вошли в класс, раскрыли футляры, вынули скрипки и настроили. Потом вместе сыграли первую ноту. Она прозвучала громко и сочно. Сначала играла я, а потом — Илюша. Он играл Сарасате, а я слушала и думала: «Вот бы так научиться играть».

ПЕРЕМЕНКА

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Какое это время: я бегаю, ты бегаешь, он бегает, они бегают?..

Ученик. Переменка!

Таня Ф.,
г. Краснодар.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Расскажи о землепроходцах и мореплавателях XVIII века.

Ученик. Землепроходцы ходили по земле, а мореплаватели плавали по морю.

Саша Чиржев, г. Николаев, УССР.

Учитель. Как охотились первобытные люди?

Ученик. Когда первобытные люди убивали мамонта, они затаскивали его в пещеру и там ощипывали.

Катя Дармаева,
с. Барачхан, БАССР.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Где обитают рыбы?

Ученик. У рыбы постоянного места жительства нет...

Света Мельник,
пос. Хабаловка,
Актюбинская область.

ПИНГ-ПОНГ

«...Мы решили всем классом записаться в сборную СССР по хоккею! Конечно, без девчонок! Как это лучше сделать?»

4-й «В» класс, г. Рыбинск.

— Дорогой 4-й «В»! Лучше вообще не записываться, а просто выиграть у хоккейных сборных Чехословакии, Канады, Швеции, США, Финляндии, Польши, ГДР и... всех команд нашей страны.

«Я пишу стихотворение, но у меня нет рифмы. Не могли бы вы мне ее прислать?»

Дима Н., г. Караганда.

— С рифмой я помочь готов.
Надо взять десяток слов.
Лучше брать из словаря,
Чтобы не пылились зря.
Разложить слова подряд:
«Ряд»,
«Заряд»,
«Наряд»,
«Отряд»...
И тогда с отрядом этим
Мы отыщем все на свете,
Под землей найдем их мы,
Рифмы будут вам любые...
эти... как их...
ну-у, похожие такие...

Вот видишь, Дима, и у меня она куда-то пропала...

Партию в пинг-понг вели Олег СТАШКЕВИЧ и Ярослав ХОРЕЧКО

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Когда русские дружинники вышли на поле битвы, из-за кургана выскочило монголо-татарское иго».

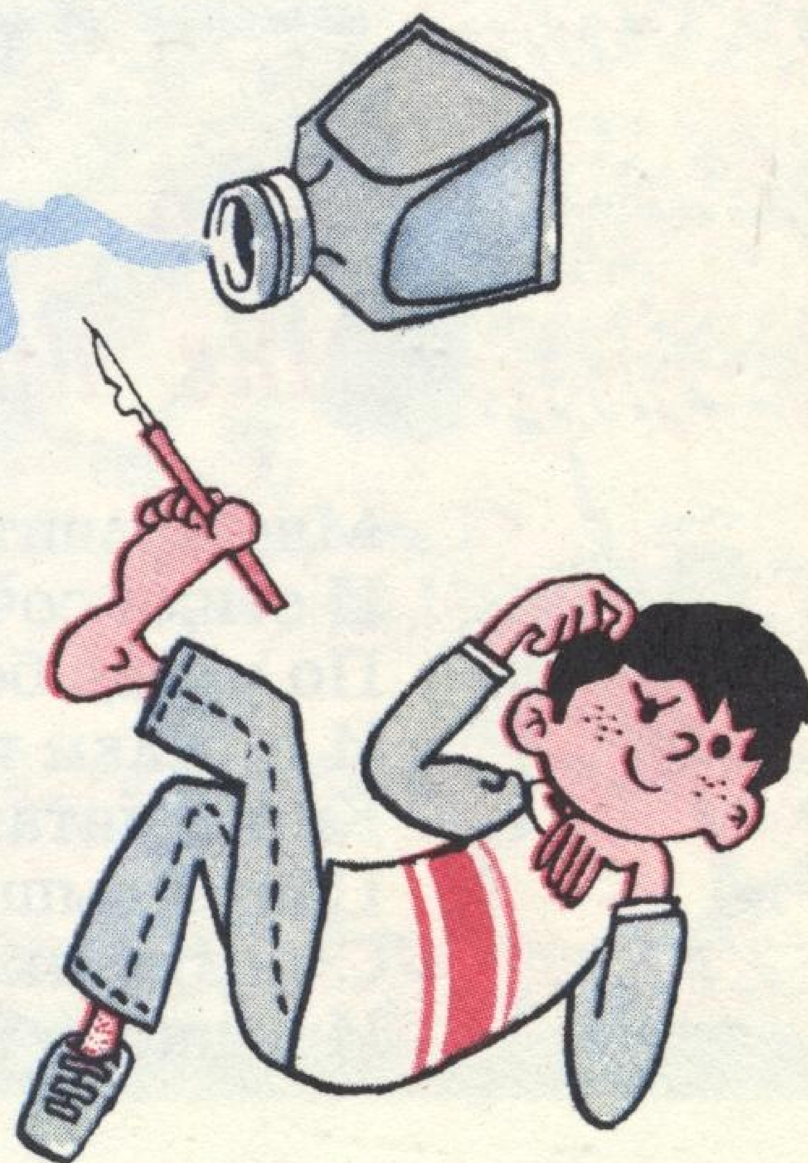
«Мимоза — растение неприкосновенное».

«Кабаниха приказала Тихону, чтобы Тихон приказал Варваре, чтобы она следила за Катериной, чтобы Катерина во всем слушалась свекровь».

«Когда Гринев пришел на совет к Пугачеву, он увидел, что все сидят, пьют и ругаются. Но когда они затянули песню, Гринев увидел, что это хорошие люди».

«Глаза петуха налились кровью, он поднял ногу и стремительно помчался за щенком».

«К озеру ведут три тропинки, бока которых заросли травой».

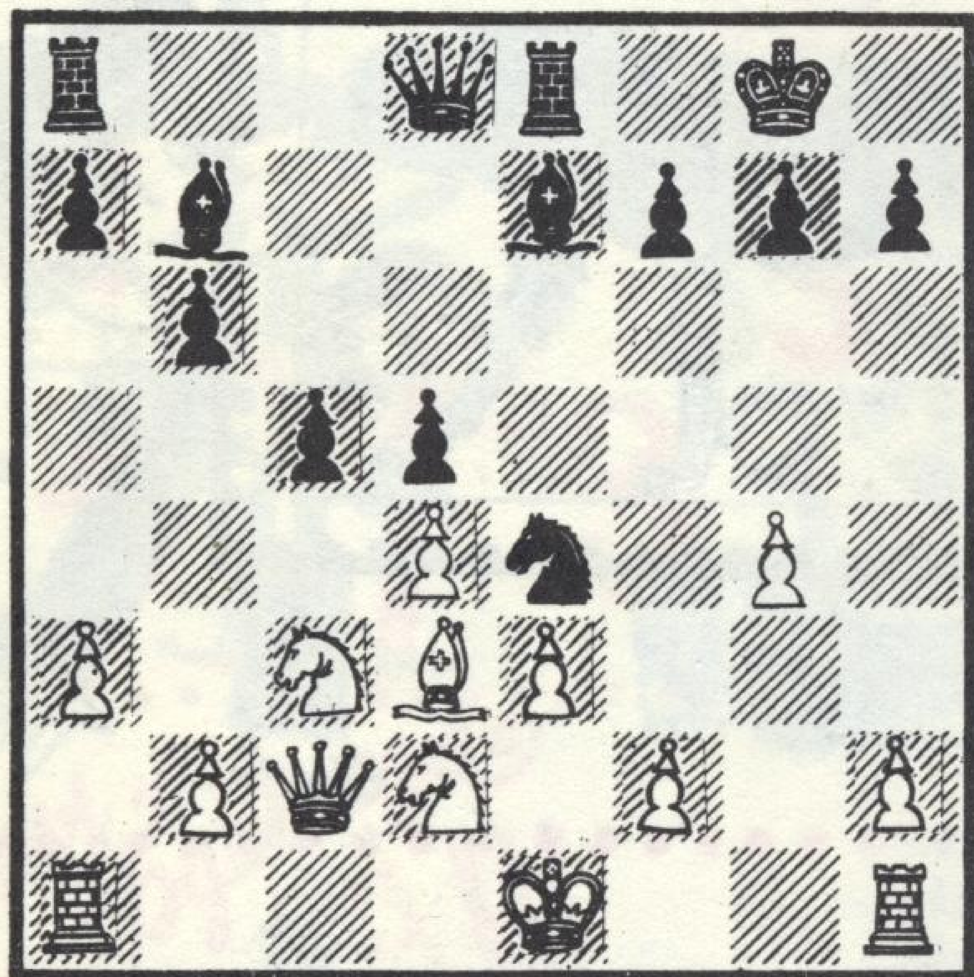
Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Воронеж— Брно

Воронеж и чехословацкий город Брно — побратимы. Ребята этих городов переписываются. А недавно у своих чехословацких друзей побывала команда воронежских юных шахматистов.

Первый матч в Брно воронежцы выиграли со счетом 9 : 3. Второй в городе Готвальдов проходил очень напряженно и тоже закончился победой советских ребят со счетом $6^1/_2 : 5^1/_2$.

Эта позиция возникла в партии между **Зденеком Орел** (Брно) и перворазрядником **Мишей Чикиным** (Воронеж). Белые ошибочно сыграли 14. d4 : c5? (Лучше было бы 14. Cb5), и Миша отлично провел атаку на застрявшего в центре белого короля.

События развивались так: 14... Ke4 : f2!

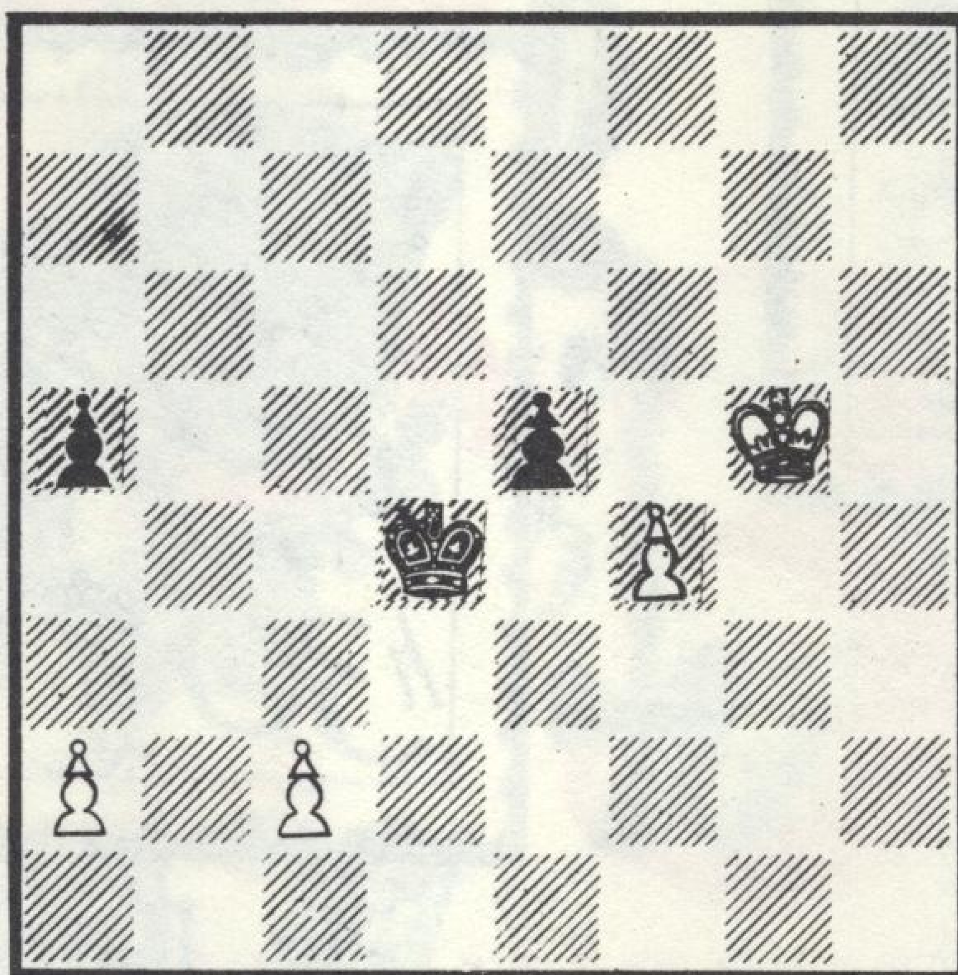
Расчет Миши, пожертвовавшего фигуру, очень точный.

15. Kpe1 : f2 Ce7 : c5 16. Kd2—f3 (Иначе черный ферзь ворвался бы на h4) 16... Cc5 : e3 + 17. Kpf2 — g2 d5 — d4 18. Kc3 — d1 (Упорнее было 18. Ce4) 18... Фd8 — h4! 19. h2 — h3 Лa8 — c8 20. Фc2 — a4 Ce3 — f4. Белые сдались. От угрозы 21... Фg3 + удовлетворительной защиты нет.

Братья и сестры

Семья Хамракуловых живет в Самарканде. Братья Шахоб и Равшан и сестры Мавжуда и Роно увлекаются шахматами. Старший из братьев, Шахоб, уже кандидат в мастера. Самая младшая, одиннадцатилетняя Роно, недавно получила первый спортивный разряд. Немало побед одержала и тринадцатилетняя перворазрядница Мавжуда. Она участвовала в чемпионате Узбекистана среди мальчиков и заняла первое место. В женском турнире общества «Спартак» играло несколько кандидатов в мастера, но лидерами стали тринадцатилетняя ленинградская перворазрядница Ира Вильнер и Мавжуда Хамракулова.

На финише они встретились в решающем поединке. Выиграла Ира Вильнер, и она стала чемпионкой общества, набрав десять очков из двенадцати возможных. Второе и третье места разделили Мавжуда Хамракулова и Ира Челушкина из Херсона. У них по девять очков.

К этому положению пришла партия между **Ирой Вильнер** и кандидатом в мастера из Минска **Еленой Шухман.** Сейчас ход белых. Ира четко реализовала свой перевес.

Далее было: 47. c2 — c3 +!

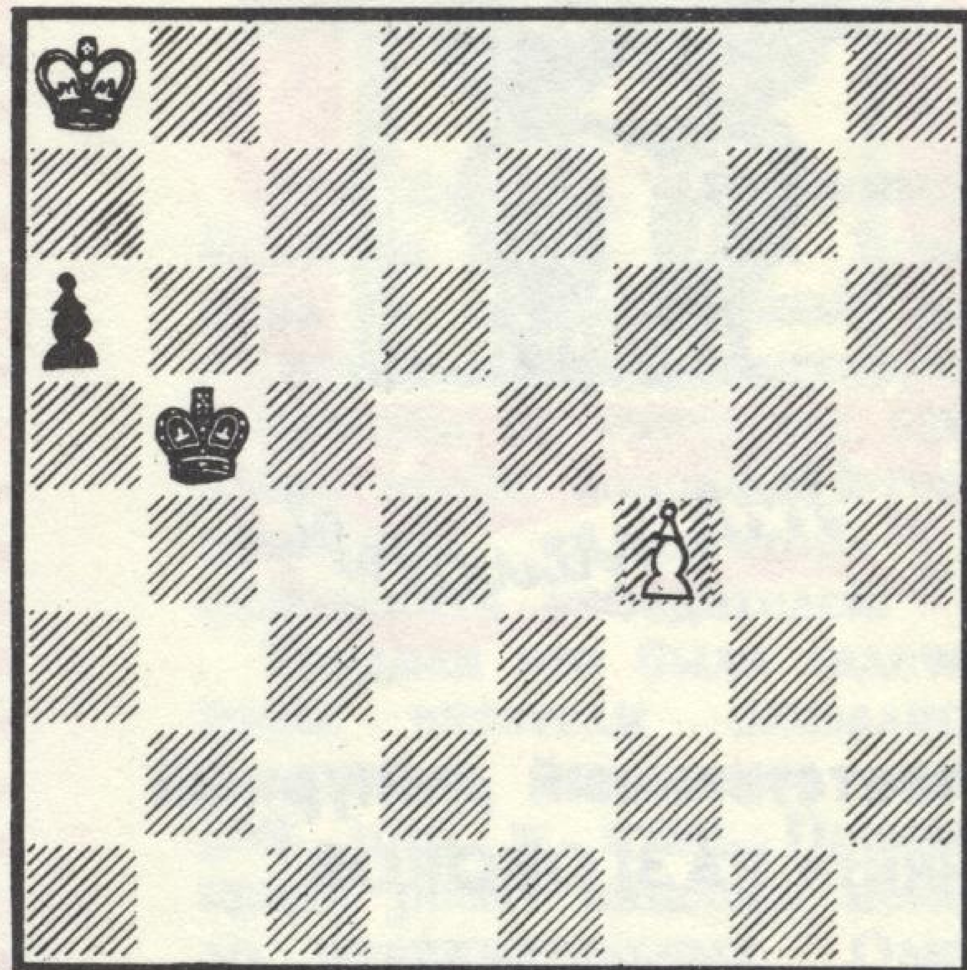
Менее убедительно 47. f5 ввиду 47... e4 48. f6 e3 49. f7 e2 50. f8Ф e1Ф, и исход сражения становится неясным.

47... Kpd4 — d5 48. f4 — f5 e5 — e4 49. Kpg5 — f4 a5 — a4 50. f5 — f6 Kpd5 — e6 51. Kpf4 : e4. Черные сдались.

Казалось бы, в пешечных окончаниях при минимальном количестве боевых сил играть довольно просто. Но это неправильная точка зрения. И в таких положениях возможны красивые и трудные маневры, хитрые комбинации.

Когда вы станете решать одно из заданий Пешкина, которые он дает в этом номере, вы убедитесь в этом.

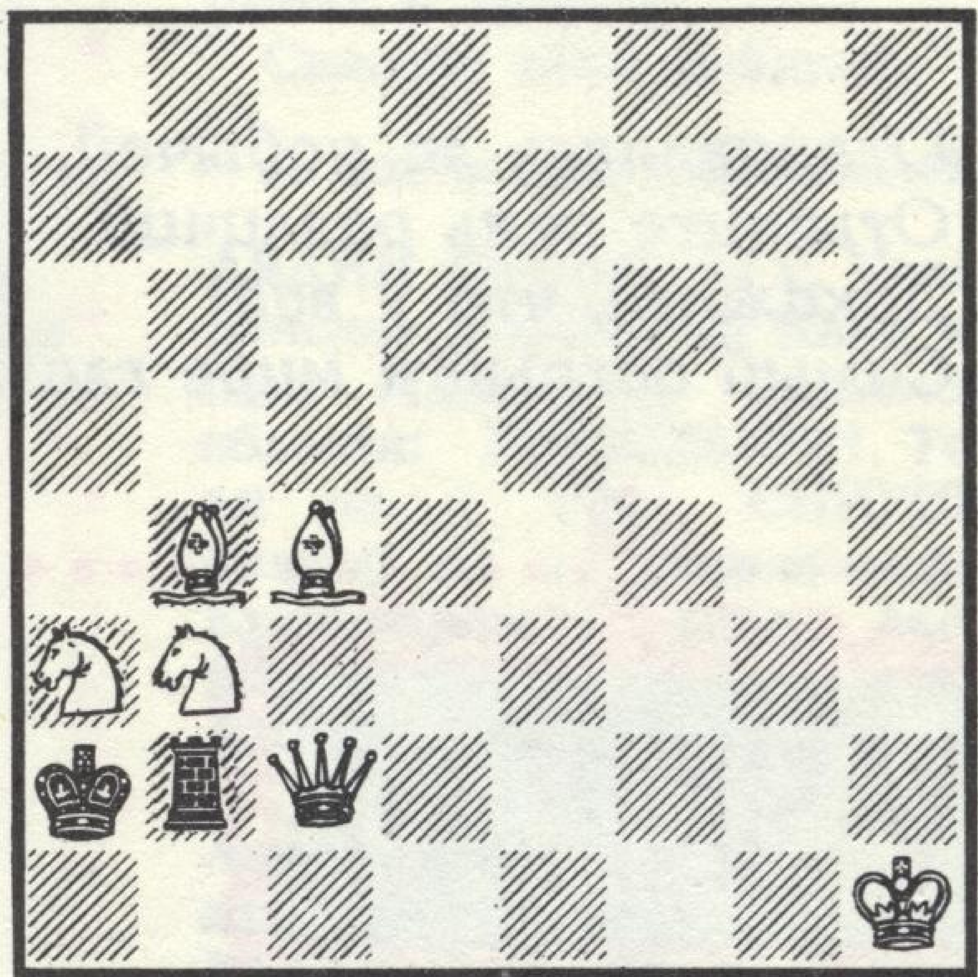
Конкурс Пешкина

На первый взгляд все здесь очень просто. Пешка a6 неудержима, а белую пешку f4 король успевает задержать. Рассчитать это просто, применив так называемое «правило квадрата». Постройте мысленно квадрат от поля f5 (при своем ходе белые играют 1. f5) до поля превращения пешки. Квадрат захватит поля f5 — f8 — c5 — c8.

Если черный король не попадет в квадрат, то пешка проходит в ферзи, но в данном случае при 1... Kpc6 король в квадрате. (2. f6 Kpd6 3. f7 Kpe7 и т. д.).

И все же белые могут добиться ничьей. Как?

А в этой задаче белые, начиная игру, дают мат в два хода. Решив задачу, переставьте короля сначала на g1, потом на f1 и на e1. Изменится ли в этих случаях план белых, будет ли и тогда возможен мат в два хода?

Решение задач из № 2

Задача К. Мусила. К цели ведет красивый ход 1. Ke4 — f6!

Задача Л. Чимбурека. Мат в три хода достигается после неожиданного маневра 1. Ch2—g1!

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Замечательная дата!
Приглашаем всех ребят!
Родилась «Ума палата»
Ровно десять лет назад.
Заходите к нам скорей,
Мы справляем юбилей!

Никита Разговоров,
Алла Вовикова,
Дед Буквоед,
Живживка,
Капитан Перо,
Лупа и Пинцет.

За добычей!

Отправляясь за добычей,
Отыщите семь различий.
Докажите, что у вас
Самый острый в мире глаз!

Игры Лупы и Пинцета

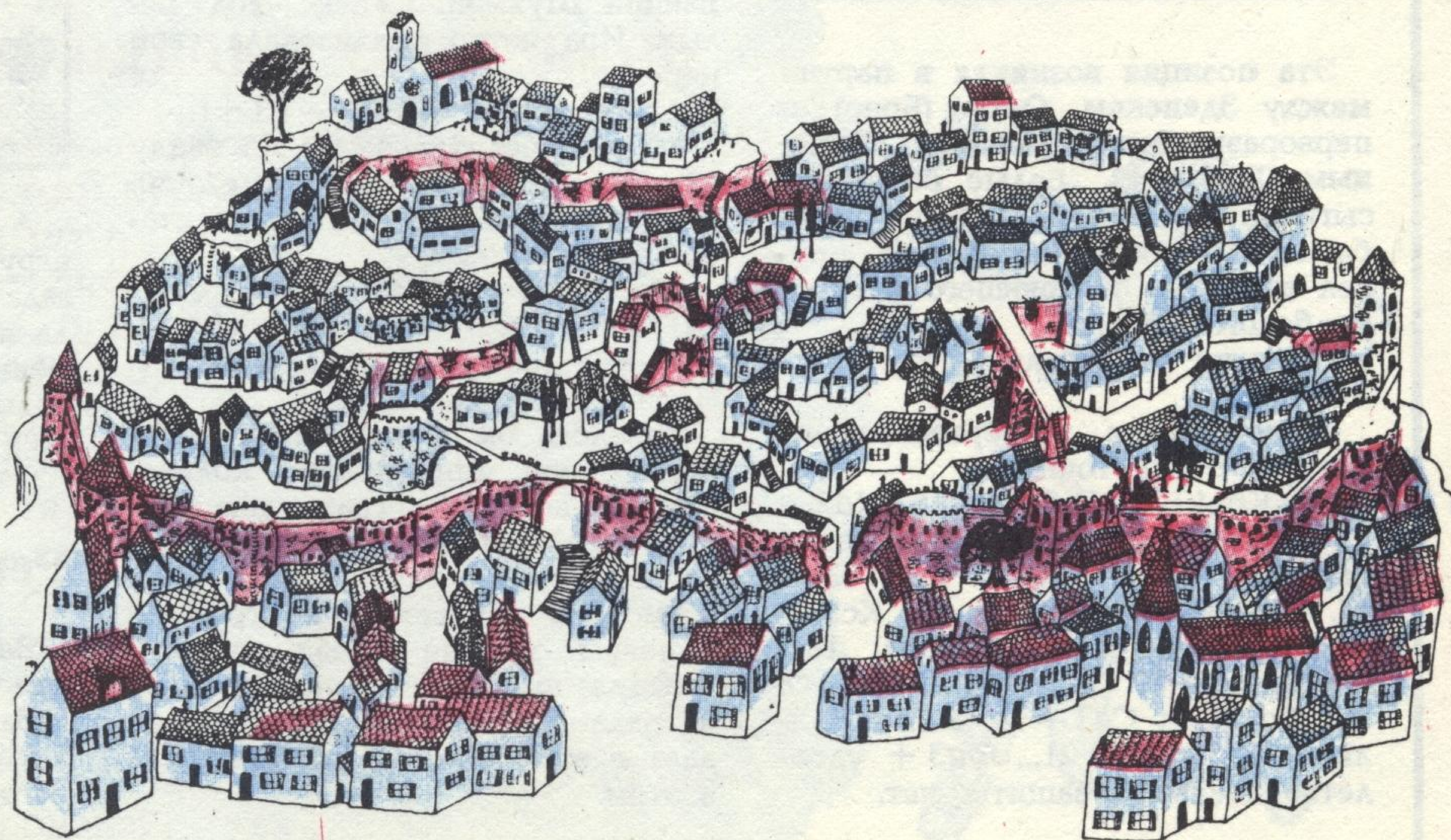
ЛАБИГРАД

Древний город перед вами,
По нему пройдитесь сами.

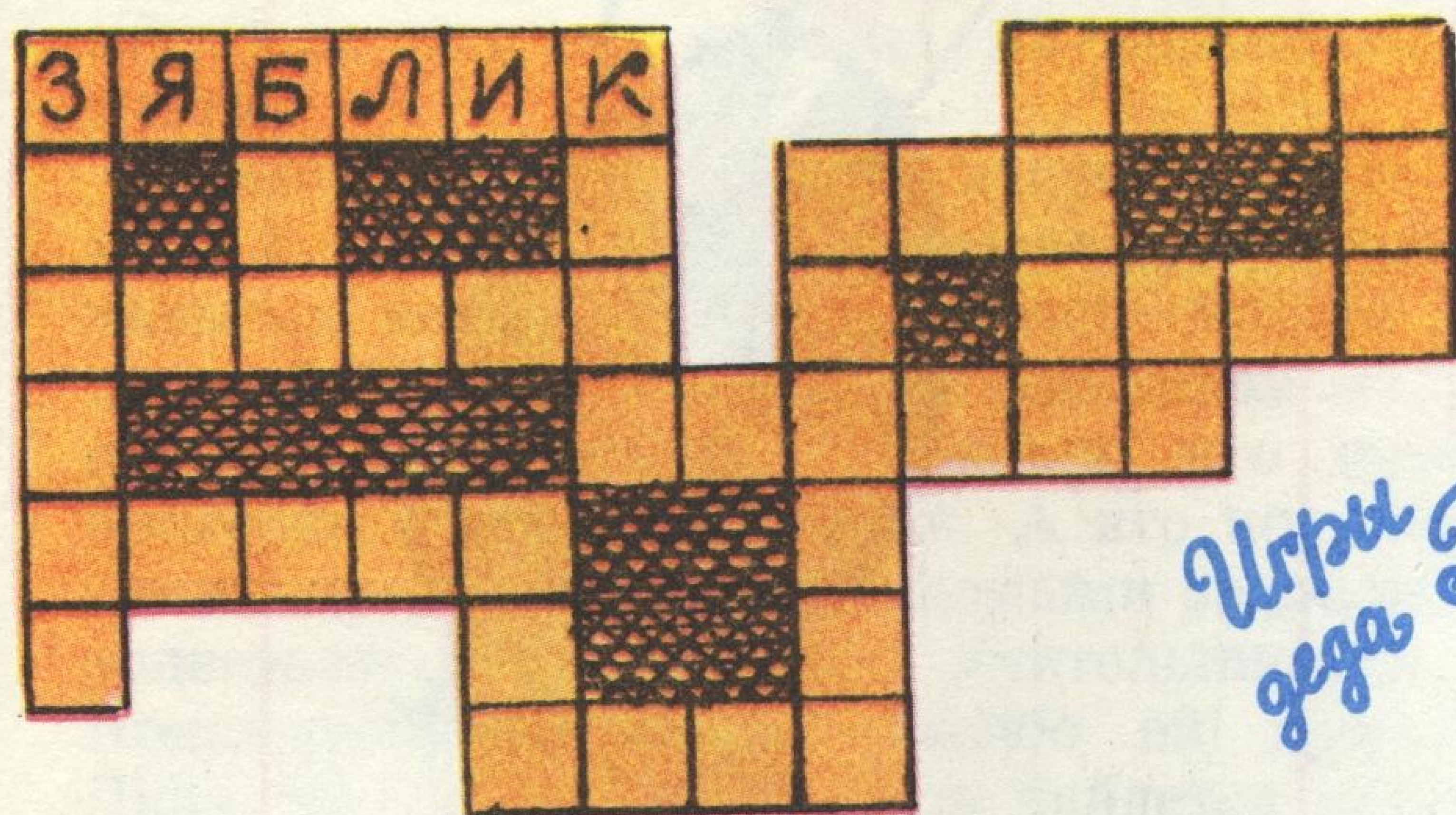
Дуб столетний у обрыва
Ввысь взметнулся горделиво.

До раскинутых ветвей
Доберитесь поскорей.
Живживка

Кроссворд зяблика

Игры деда Буквоеда

Я очень рад, я очень горд!
Я — маленькая птица,
Но сам составил я кроссворд!
Еще бы не гордиться!

Какие же слова в кроссворде? Этого я вам не открою. Скажу только, что зяблик старался как можно чаще при решении кроссворда употреблять букву «з». Попробуйте и вы найти и вписать в него такие же ззз-вонкие слова. За каждое «з» — 10 очков. Кто наберет больше всех?! Нелегкая ззз-адача! Да?

Дед Буквоед

Игры деда Буквоеда

ЕРАЛАШ

Огурцы играют в прятки,
Малыши растут на грядке.
Мушкетеры спят в овраге,
Поросята точат шпаги.
Раки в цирк бегут ватагой,
Дети дремлют под корягой.
Волки плавают по дну,
Щуки воют на луну.
Это что за ералаш!
Заточите карандаш!
Я приказываю вам
Все расставить по местам!

Дед Буквоед

Поздравляем победителей!

Дед Буквоед, Живживка, Капитан Перо, Алла Вовикова и ответственный дежурный Никита Разговоров собрались за «круглым столом», чтобы подвести итоги конкурса «Аллигатор» и определить победителей.

Трудная это была задача: наши читатели оказались большими знатоками зверей, рыб и птиц. Правда, среди ребят нашлось немало невнимательных. Одни причисляли ящериц к зверям, другие — к рыбам. Некоторые не очень хорошо прочли условия конкурса и поэтому даже свои очки подсчитали неверно.

Несколько работ были хорошо оформлены, и Живживка предложил наградить этих ребят особыми призами. Жюри его поддержало.

Дорогие ребята! Жюри благодарит всех за активное участие в конкурсе «Аллигатор». Не огорчайтесь, если вы не стали победителями. Отвечая на вопросы конкурса, вы узнали много интересного о рыбах и птицах.

Спасибо всем ребятам.

А вот имена победителей:

ДЯДИН Георгий из г. Челябинска; **ДОМАНОВ Иван** из села Пластовое, Брянской области; **ПЕРЕСЕЛКИН Толя** из г. Уфы; **СПИРИН Виктор** из г. Дивногорска, Красноярского края; **МАКАРОВ Игорь** из г. Одессы; **АХМАДЕЕВ Ильдар** из г. Казани; **КОНОВАЛОВА Лена** из г. Чкаловска, Ленинабадской области; **КОВАЛЕВ Владимир** из г. Винницы; **СТАРИЧЕВСКИЙ Павел** из г. Владимира; **ЛУГОВАЯ Таня** из г. Грязовца, Вологодской области;

Поощрительные премии жюри присудило: ДУБРОВИНОЙ Наташе из г. Москвы; **СЕРЕБРЯКОВОЙ Ирине** из г. Одессы; **ДАВЫДОВУ Александру** из г. Днепропетровска.

Жюри конкурса «Аллигатор»

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

Адрес для писем: 101459. ГСП-4. Москва, А-15. Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/XII 1977 г. А 09017.
Подписано к печати 1/II 1978 г. Формат 84×60 1/8.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 519. Заказ № 1652.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Плакат Лиды Чучкаловой из Воркуты подписи не требует.

НЕ ДЛЯ ОДНОГО, А ДЛЯ ВСЕХ!

Идет вторая весна нашей операции «Подснежник». Все больше ребят становится на защиту весенних растений. Участники операции пишут нам, рассказывают о своих успехах, просят совета. Сегодня Справочное бюро «Ау!» отвечает на эти письма.

Нам пришло письмо от **Лиды Федоровой** из Пензенской области: «Совсем недавно я поняла, как важно охранять природу. Весной я не сорвала ни одной ветреницы, а моя подруга Надя только одну. Мы с Надей рисовали карикатуры на тех, кто безжалостно уничтожает лесные цветы. Но наши рисунки срывают. Продолжать ли нам их вывешивать?»

Мы отвечаем Лиде на страницах «Пионера».

— Здравствуй, Лида! То, что тебя огорчило, случилось не только в твоем селе. В Заметчино, вашей же Пензенской области, было сорвано 15 детских плакатов, как написала нам Лена Дунаева. О чем это говорит? О важности нашей операции «Подснежник», о том, что детский плакат тоже оружие: кому-то попало не в бровь, а в глаз! Кто эти люди? «Враги природы»,— пишут ребята. Правильней называть их невеждами. Ведь и ты сама, Лида, не сразу поняла, что нужно охранять все живое, а они этого не

понимают и сейчас. Как сделать их из врагов природы ее друзьями? Тут много значит личный пример. Недаром участники слета юных туристов и путешественников Свердловска пишут нам, что не сорвали ни одного лесного цветка!

Крепче всего та любовь к природе, что привита в раннем детстве. И молодцы ребята начальных классов Колбаснянской школы Молдавской ССР. Благодаря их рассказам малыши детского сада крепко запомнили, что срывать пролески и крокусы нельзя. А кто познакомил самих школьников с охраняемыми законом первоцветами родного края? Учительница В. Я. Покровская. Большое спасибо ей! Думается, Лида, что и в вашей школе найдется старший мудрый и добрый друг.

А теперь поговорим о плакатах. Они могут быть самые разные. Лида Чучкалова нарисовала человеческие ладони, которые бережно прикрыли нежные весенние цветы. Плакат ребят из поселка Загадное, Кемеровской области, так велик, что его не пришлешь в редакцию. Это деревянный щит, установленный школьниками у въезда в поселок. На щите нарисован весенний цветок и изложена его просьба. «Дорогой друг! Посмотри, как прекрасно вокруг. Я тоже создаю эту красоту. Не губи меня!»

Впрочем, есть любители собирать букеты, люди, которые глухи к такой просьбе. Инженеру В. Петрову досадно, что мы вступились за дикие тюльпаны, и он пишет: «Какая глупость! Жить в степи и не сорвать ни одного цветка! Это, извините, смешно и грустно!»

Действительно, смешно и грустно, что взрослый человек не знает того, что знают малыши Колбаснянского детского сада. Пусть В. Петров не слышал про «Красную книгу растений», в которую записаны дикие тюльпаны, но он обязан знать, что согласно Конституции охрана природы является обязанностью граждан СССР.

Ну, а ребячий ответ таким, как Петров, — это плакат, нарисованный Леной Дунаевой: на плакате жадина, который опустошает лесную полянку с воплем: «Мне! Мне! Мне!!!».

Ленины плакаты тоже срывали, но она не сдалась. Не сдавайся, Лида, и ты! Постарайся вовлечь в операцию «Подснежник» больше ребят. Почему так много сделали школьники г. Обнинска, Калужской области? Беседы в каждом классе, оформление «Красных тетрадок» и стендов, конкурс на лучший плакат, рейды на рынки, где продают цветы. Потому, что городской штаб операции «Подснежник» объединил **одиннадцать школ!**

Но и сейчас, пусть это придаст тебе силы, ты не одна. С тобой не только верная Надя, но и Лена Дунаева, Лида Чучкалова, колбаснянские малыши, пионеры Обнинска, ребята Подмосковья, Могилева-Подольского, Новосибирска, Свердловска, Комсомольска-на-Амуре — все участники операции «Подснежник».

С каждой весной их будет все больше и больше, как и лесных цветов, которые они взяли под свою защиту.

НАШ РЕЙД

Когда наша руководительница Изабелла Константиновна Лохова сказала, что рейд назначен на 14 мая, мы обрадовались и заволновались. Даже спали плохо, встали рано и поехали на цветочный рынок у Белорусского вокзала. Первоцветы уже отцвели, но уже год, как решением Моссовета запрещено торговать всеми дикорастущими растениями. Мы объяснили это продавцу рогоза, рассказали, что вещества, которые выделяет рогоз, очищают воду, а его побегами питаются водяные животные. Он обещал нам не рвать рогоз и не продавать его на рынке.

Потом мы остановились возле торговки с ландышами. Наш рассказ об охране растений слушали многие и соглашались, что ландыши надо беречь. Были, правда, и такие, которые смеялись. Милиционер записал номер паспорта и адрес торговки ландышами и велел ей покинуть рынок.

Мы развесили на рынке свои плакаты и рисунки охраняемых растений. Мы были рады, что помогли людям разобраться, для чего надо охранять природу.

Лена Двоеглазова,
Светлана Сивенкова,
кружковцы Московского городского
Дворца пионеров

ВНИМАНИЕ, ЗАЩИТНИКИ ПЕРВОЦВЕТОВ!

Март—самая горячая пора в нашей общей работе. Пусть этой весной больше подснежников останется в лесах! ОХРАНЯЙТЕ их там, где они уже начали цвести. ОБЪЯСНЯЙТЕ в школе, дома, во дворе, что лесную красоту надо беречь, сохранять для всех!

ГОТОВЬТЕ ПЛАКАТЫ В ЗАЩИТУ ПЕРВОЦВЕТОВ. Пусть они будут в каждой школе, в каждом дворе! Объявляем конкурс на лучший плакат. Ждем ваших писем и рисунков!

ЮНЫМ ФУТБОЛИСТАМ

Цена 25 коп.
Индекс 70694